

Осетинские
тамги: от знака
собственности к
геральдическому
символу

Мусульманство
у средневековых
алан

Настенная
графика
осетинского
святилища

Мифопоэтичес-
кие особенности
осетинской
системы счета

Долгожданная
находка:
фотопортрет
Сека Гадиева

Рукописи,
вернувшиеся
на родину:
судьба
осетинского
литератора

ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

1
2004

Владикавказ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АРХИВ

ИСТОРИОН-
ФИЛОЛОГИОН
АРХИВ

1

Владикавказ 2004 Дзæуджыхъæу

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АРХИВ

ИСТОРИОН-ФИЛОЛОГИОН АРХИВ

Учредители:

Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ
Журнал СП РСО-А «Мах дуг»

Редколлегия:

М. М. Блиев (гл. редактор), Р. С. Бзаров,
А. М. Кодзати, Т. К. Салбиев

Историко-филологический архив. 1. – Владикавказ, 2004. – 80 с.: ил.

Ответственный за выпуск Р. С. Бзаров

© Институт истории и археологии РСО-А при СОГУ, 2004

Авторские права защищены. Полное или частичное воспроизведение публикуемых материалов допускается только с письменного разрешения издателей.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 4

Знаковые системы

М. Э. Мамиев, А. А. Сланов. Сводь осетинских тамг 6

История ментальностей

Р. Ф. Фидаров. Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв с могильников
Верхнего Джулата 16

Языки культуры

Д. В. Белецкий. Граффити из Авд дзуара 46

Т. К. Салбиев. Об обозначении 'девяти' в осетинском языке 60

Образы прошлого

Л. Р. Габоева. В поисках образа (иконография Сека Гадиева) 64

Литература свидетельства

Бимболат Бтемиров. «Я потерял свое имя...» 72

Список сокращений 89

Сведения об авторах 89

Contents 90

К читателю

«Историко-филологический архив» – научное периодическое издание, имеющее целью объединить усилия историков, филологов и других гуманитариев, работающих в области осетинovedения.

Изучение осетинской истории и культуры, ведущееся сегодня специалистами многих научных дисциплин, невозможно без обмена плодотворными идеями и регулярного знакомства с результатами работы коллег, без заинтересованного сотрудничества в поиске новых путей познания. Принципы комплексного, то есть по сути совместного исследования вполне традиционны для осетинovedения, они заданы многообразием, богатством и сложностью источников – тех следов деятельности людей (текстов, вещей, языка, обычаев и т.д.), которые позволяют реконструировать формы социальной и культурной жизни, увидеть в прошлом человека с его представлениями о мире и о себе.

«Архив» в нашем случае – это образ культурного наследия, требующего новых прочтений, метафора места, где минувшее встречается с настоящим, и, пожалуй, единственный способ обратить время вспять, чтобы узнать и осмыслить прошлое.

«Архив» – это и главный принцип нового издания, подразумевающий особый интерес к оригинальным источникам: их публикации или

интерпретации должны быть, по мысли редколлегии, посвящены работы наших авторов.

Изучение хорошо известных и представление вновь найденных памятников истории и культуры в равной мере связаны с необходимостью выработки новых подходов и методов исследования, привлечения всех достижений современной гуманитарной науки. Наиболее перспективными представляются сегодня такие подходы и методы, которые помогают преодолеть разрыв между историей общества и историей культуры, выявить самобытные концепции, понятия и образы осетинской (аланской) культурно-исторической традиции. Лишь понимание особенностей виденья мира, определявшего смысл и мотивы социальной деятельности, способно обеспечить не только научное освоение наследия прошедших эпох, но и его включение в современную национальную культуру.

В то же время лучшими гарантиями успеха в изучении общества и его духовной жизни являются множественность точек зрения и отличие в подходах, присущих разным дисциплинам.

Страницы «Историко-филологического архива» открыты для заинтересованных авторов и доброжелательных читателей. Будем надеяться, что новому изданию удастся стать тем «перекрестком семи дорог», где, подобно героям осетинского фольклора, нас ожидают удивительные встречи.

Редколлегия

М. Э. Мамиев, А. А. Сланов

Своды осетинских тамг

Распространение и развитие тамговой культуры – одна из малоизученных проблем осетинской этнографии. В литературе закрепилось мнение о том, что в Осетии система знаков собственности не получила распространения ввиду упадка коневодства в послемонгольское время. Поэтому немногие опубликованные тамги, происходящие с территории Осетии, иногда трактуются как принадлежавшие кабардинцам [Калоев 1993: 83]. Цель настоящей публикации – введение в научный оборот и интерпретация двух сводов тамг. Оба публикуемых свода сохранились на дверях, одна из которых была обнаружена на западе Осетии – в Дигории (Галиат), другая на востоке – в Тагаурии (Кани – Заманкул).

Свод тамг из Галиата. Неизменным местонахождением первого (длительное время он оставался единственным) известного науке свода тамг из Осетии был уникальный памятник средневековой архитектуры – горный замок Мидхъжу в селении Галиат. Согласно народному преданию, строитель замка – родоначальник фамилии Битуевых, которая принадлежала к баделиатам, высшему сословию Дигории. После переселения Битуевых на равнину в замке жили представители других фамилий. Нынешним владельцем строения является М. Г. Загалов.¹

Одним из самых информативных элементов Галиатского замкового комплекса Мидхъжу является дверь кунацкой с изображениями тамг.² Подобные двери не редкость на Северном Кавказе. Их появление тесно связано с обычаями гостеприимства и куначества. В среде аристократии считалось хорошим

тоном, покидая дом гостеприимного хозяина, вырезать на двери кунацкой свой родовой знак. Поскольку взаимные визиты кунаков и приемы именитых гостей происходили постоянно, двери гостиных бывали испещрены тамгами [Калоев 1993: 82]. По числу оставленных на двери знаков хозяин дома судил о круге лиц, на чью помощь мог рассчитывать в случае беды.³ Понятно, что дверью, которая свидетельствовала о связях ее владельцев с представителями знатнейших фамилий Северного Кавказа, очень дорожили, передавали ее из поколения в поколение.

Тамги с двери галиатского замка введены в научный оборот Б. А. Калоевым [Калоев 1971: 90; Калоев 1973: 63] и использовались в литературе [Яхтанигов 1993: 178; Блиев, Бзаров 2000: 160]. Однако публикация Б. А. Калоева не может быть признана удовлетворительной. Во-первых, приведены далеко не все тамги, изображенные на двери; во-вторых, бессистемное расположение, отсутствие масштаба и значительные искажения самих знаков делают невозможным их привлечение в качестве научного материала. Постараемся заполнить эти пробелы.

Свод тамг из Галиата помещен на деревянной двери прямоугольной формы. Она незначительно расширяется книзу и составлена из двух сосновых тесаных досок приблизительно одинаковых размеров. Правая доска, расколота по длине, склеена при реставрации. Обе половины двери скрепляются с помощью трех прямоугольных вставок, расположенных в верхней, средней и нижней части и установленных в выдолбленных во внутренних торцах досок пазах. Вставки заклинены с помощью деревянных пальцев, вставленных в сквозные отверстия. Наружные продольные торцы двери заовалены. Низ двери закруглился по длине от длительного использования. По левому верхнему краю двери расположен железный петлевидный запор и три сквозных отверстия – два круглых и овальное, прорезающее одну из тамг. Правее запора находятся два четырехугольных несквозных отверстия, назначение которых не ясно. Дверь крепилась в проеме с помощью пары палочных петель, вытесанных с доской и являющихся про-

¹ По рассказу М. М. Байсангурова (39 лет, житель сел. Дымта, запись 2000 г.), строителем замка являлся Бытыу, родоначальник фамилии Битуевых (*Бытыутж*), сын Абисала, родоначальника фамилии Абисаловых (*Абысалтж*). Битуевы остались жить в Галиате, Абисаловы же переселились в с. Ахсиаг, где приобрели земли у Гокоевых (*Гокъотж*) и Цагараевых (*Цжжратж*). В то время, когда Битуевы жили в Галиате, сюда из дигорского Нара переселились родственные фамилии Загаловых (*Зжжлтж*) и Зокоевых (*Зохъотж*), которые и стали владельцами замка Битуевых после переезда последних в с. Карман-Синдзикау. По информации М. Г. Загалова (62 года, житель сел. Галиат, запись 1998 г.), в замке обосновались четыре фамилии: Битуевы, Загаловы, Мысыровы (*Мысыртж*) и Гусаовы (*Гужссаутж*).

² В настоящее время хранится в Археологическом музее СОГУ. Инв. № 54 / 55.

³ Информация М. М. Байсангурова.

должением продольного торца. Петли вставлялись в специальные углубления сверху и внизу дверного проема. Со временем от использования углы доски и петель дали трещины и были выпилены. Верхнюю петлю сменили на березовую вставку (при этом оказалась срезанной часть тамги) с круглым отверстием. Нижняя петля, сильно стертая, закреплена на прежнем месте. Размеры двери: высота максимальная (без петель) – 161 см; ширина – 88-92 см; толщина – 4,9-6,1 см.

Лицевая сторона двери довольно равномерно покрыта вырезанными и процарапанными изображениями тамг. Незаполненными остались верхний и нижний участки левой стороны, что могло быть вызвано сучковатостью поверхности. Четко выделяются 64 знака. Некоторые тамги соприкасаются друг с другом или вырезаны внахлест. Раннее происхождение подавляющего числа знаков сомнений не вызывает. Исключение могут составлять изображения двух лошадей и человека, расположенные по горизонтали в средней части двери. Скорее всего, они были сделаны в более позднее время и не несли никакой смысловой нагрузки. Сомнение вызывают также изображения пятиконечных звезд (некоторые не закончены). Подобные тамги известны у некоторых народов Кавказа, но большое количество и, как правило, небрежное их исполнение на описываемой двери может свидетельствовать о позднейшем происхождении. В верхней части двери зафиксированы шесть надписей, две на арабском (одна из них неразборчива) и четыре на русском языке. Одна из русских надписей не связана с изображениями тамг. Текст читаемой арабской надписи звучит как «Джанхот бин Туган»⁴.

Среди осетинских тамг, изображенных на двери, с полной уверенностью можно определить только фамильную принадлежность родовых знаков Абисаловых (𐌖), Золоевых (𐌗), Тугановых (𐌘). С осторожностью следует идентифицировать эмблемы Каражаевых (𐌙) и Тургиевых (𐌚).

В числе тамг других северокавказских народов выявлены знаки кабардинских аристократов Куденетовых (𐌛), Хагундоковых (𐌜), Тамбиевых (𐌝), Дурдымовых (𐌞), Кяцовых (𐌟), Тохтамышевых и Агубековых (𐌠), Шолоховых и Талостановых (𐌡), а также Дударовых, Ныровых и Тхазанлижевых (𐌢). Как балкарские можно идентифицировать тамги Келеметовых (𐌣), возможно Суншевых (𐌤) и Шакмановых (𐌥).

Некоторые из галиатских тамг были широко распространены у многих народов Кавказа. Так,

помимо трех кабардинских фамилий, тавро (○) имели абхазские фамилии Анчабадзе-Ачба, Бганба и абазинские – Баловы, Дударуковы, Хакупшovy. Эмблеме (𐌦), известную в Осетии, имели также абхазы Маановы и ингуши. Знак (𐌧), совпадающий с тамгой кабардинцев Кяцовых, принадлежал абхазам Хачба. Тамга в форме пятиконечной звезды (★) восходит к золотоордынской эпохе и также встречается у разных народов.

Идентификация галиатских тамг [проведена по публикациям: Лавров 1978; Яхтанигов 1993] не дает возможности согласиться с мнением Б. А. Калоева о том, что большинство из них кабардинские [Калоев 1993: 82]. Из 64 знаков, изображенных на двери, 80 % не имеют аналогий среди нескольких тысяч кавказских тамг. Еще 10% имеют настолько широкое хождение у кавказских народов, что можно предположить самостоятельное возникновение данных форм у осетин.

Свод тамг из Кани – Заманкула. Вторая дверь, принадлежащая семейству Айларовых, является сводом тамг Тагаурского общества и изначально находилась, по всей вероятности, в селении Кани, откуда происходит фамилия *Айларатж*. Согласно семейному преданию, в 1857-1858 гг., в период переселения осетин на равнину, дверь была перевезена в селение Заманкул тогдашним ее владельцем Майрамом Айларовым. Тот факт, что, по словам информатора, дверь была одной из немногих перевезенных на равнину вещей, а также бережное отношение к ней потомков Майрама, служат подтверждением ее высокой значимости. После разделения сыновей Майрама дверь перешла по наследству к младшему Иналуку⁵ и была перевезена в построенный в 1904 г. (датирован по клеймам на черепице кровли) дом его сыновей Афако и Гацыра. В 2001 году сыном Гацыра – Заурбеком Айларовым дверь была передана в Археологический музей СОГУ (инв. № 56/57)⁶.

Дверь, на которой помещен свод тамг из Кани-Заманкула – деревянная, прямоугольная, составленная из двух сучковатых сосновых пиленых шпунтованных досок приблизительно одинаковых размеров. Сверху и снизу они скреплены с помощью пары поперечных планок способом «ласточкин хвост» (сужающаяся трапецевидная в сечении планка вставлена в подогнанный по форме сплошной паз). Со временем

⁵ Рассказчик З. Г. Айларов (70 лет, житель сел. Заманкул, запись 2001 г.) объясняет это так: дверь отдали младшему сыну, чтобы не обидеть его. Установить, насколько такой принцип наследования соответствовал предшествующей традиции, не представляется возможным.

⁶ Авторы выражают глубокую признательность владельцу двери З. Г. Айларову, а также док. истор. наук Г. И. Кусову, обнаружившему информацию о ее существовании, и нашим друзьям А. Хутинаеву и К. Шавердову, оказавшим неоценимую помощь в поиске этого памятника.

⁴ Авторы приносят искреннюю благодарность М. Э. Тхостову, Э. М. Сатцаеву и М. З. (Хаджи-Магомету) Караеву за помощь в прочтении арабских надписей.

обе планки на месте стыка досок треснули параллельно; впритык к ним были прибиты две более крупные планки, причем гвозди проббили доски насквозь и были загнуты на лицевой стороне. Третья планка набита на поперечный торец двери. Дверь навешивалась при помощи петель из железных кованых полос, скрепленных гвоздями, загнутыми снаружи. На лицевой стороне навешен железный запор. Ремонт двери, снабжение ее железными петлями и запором произведены явно в более позднее время. Лицевая и внутренняя поверхность несут следы механических повреждений (вмятины, пробоины, выщерблины), древесина источена древооточем. Размеры: высота 143,5 см, ширина 68 см, толщина 2,9-3,8 см.

Почти вся лицевая поверхность двери равномерно покрыта изображениями тамг, в основном вырезанными и процарапанными. Знак (☪), встречающийся четырежды, выжжен с помощью готового тавра. Некоторые тамги повреждены выщерблинами и гвоздями.

Зафиксированы и надписи на русском языке – осетинские имена и фамилии. Сконцентрированные в правом нижнем углу, они были сделаны в период, когда дверь, установленная «вверх ногами», находилась в доме Майрама Айларова. Эти надписи оставлены его соседом Хасако Сидаковым, другом Иналука Айларова, сыном Ахпола, который вместе с Майрамом переселился с гор в Заманкул, и шурином Иналука, Туганом Кастуевым. Кроме того, сыном Иналука Афако на двери были вырезаны несколько рисунков.⁷ По всей вероятности, это револьвер (средняя правая часть двери), ружье (центральная часть двери) и арчита-чувяки (верхняя правая часть двери). Как и в случае с галиатским сводом, некоторые сомнения вызывают изображения пятиконечных звезд.

На двери четко читаются 94 тамги, еще несколько повреждены. Подавляющее большинство их не имеет опубликованных аналогов на Кавказе. Можно идентифицировать только кабардинские знаки Ардавовых (☪), Куденетовых (☪), Бекановых (☪); абазинские Трамовых (☪), Хабатовых (☪), возможно Шовгеновых (☪); балкарские Даутовых (☪), Айдеболовых (☪), Урусбиевых (☪); возможно, чеченские (☪) [Лавров 1978; Яхтанигов 1993]. Таким образом, 91 % знаков рассматриваемого свода не имеет повторений среди известных тамг кавказских народов.

На левой средней части двери также помещена надпись, возможно, относящаяся к тамгам, но она выполнена неразборчиво, почему и остается неп прочитанной.

Обращает на себя внимание неоднократное повторение знака, который в отличие от всех остальных изображений не вырезан, а выжжен. Объяснение может заключаться в том, что здесь представлена фамильная тамга самих владельцев двери, поскольку тавро для скота, которым выжжены все четыре знака, должно было находиться в доме хозяев. Различные положения и комбинации этого знака (☪; ☪; ☪) могут указывать на дробление внутри фамилии. Если, подобно тамгам Тугановых (☪) и Абисаловых (☪) в Дигории, тавро тагаурцев из Кани представляет собой стилизованное изображение заглавной буквы фамильного имени (в данном случае «Ш» – ☪), нетрудно определить первоначальных владельцев двери. Близкое родство Айларовых со знатнейшей в Кани фамилией Шанаевых, имевшей брачные и куначеские связи с кабардинским и балкарским дворянством, объясняет переход престижной двери (по-видимому, вместе с домовладением) к новым хозяевам. Такая смена владельцев могла произойти в результате событий 1830 г., когда после вооруженного выступления против властей все Шанаевы были переселены на равнину, где основали селение Брут [Берозов 1980: 98].

Предварительные наблюдения. В обоих представленных сводах особый интерес вызывают изображения сложных тамг, имеющих как универсальные, традиционные черты, так и явные признаки инновации. К традиции следует отнести указание на фамильную принадлежность владельца (в центральном, наиболее крупном знаке композиции) и на определенную ветвь обозначенной фамилии (это делалось посредством незначительных дополнений к родовой тамге – завитков или черточек). Инновациями, выходящими за пределы обычного знака собственности, являются содержащееся в сложных осетинских тамгах указание на родственные связи и сопровождающее эмблему имя владельца, выведенное над тамгой по-арабски или по-русски. Родственные связи показывались добавлением внутрь основной тамги меньшего по размеру родового знака той фамилии, родство с которой подчеркивало знатность владельца составной эмблемы. На фоне высокой значимости, которую осетины придавали престижному родству по женским генеалогическим линиям, подобное усложнение тамги должно было иметь особую актуальность в случаях, когда родственная фамилия принадлежала к аристократии соседнего народа.

Примером могут служить тамги Тугановых, встречающиеся на галиатской двери трижды (☪; ☪; ☪).

Наибольший интерес представляет последнее изображение – три тамги, скомпонованные с одну

⁷ Авторы надписей и рисунков названы З. Г. Айларовым.

сложную, с арабской надписью «Джанхот бин Туган», соответствующей осетинской формуле «*Тугъаны-фырт Джанхот*» – то есть «Джанхот сын (потомок) Тугана», «Джанхот Туганов». Нетрудно видеть, что «Джанхот» – это имя владельца тамги, «Туган» – фамилия (*Тугъантж, Туйгъантж* – Тугановы), входившая в сословие баделиат. Тамги кабардинцев Куденетовых (𐞆𐞇) и Анзоровых (𐞆𐞈) композиционно неразрывны с основным элементом (𐞆𐞇), но не соединены с ним, что может обозначать отсутствие патрилинейной связи. Вероятно, здесь изображено престижное родство Джанхота со знатнейшими дворянскими фамилиями Кабарды.

По документам известны два Джанхота Тугановых, оба жили в середине XIX в., оба состояли в близком родстве с Битуевыми, владельцами Галиатского замка. И один, и второй числятся в посемейных списках баделиат и включены в родословные росписи Тугановых, составленные в 1859 г. Обладателем рассматриваемой тамги можно считать Джанхота Асламурзевича Туганова, внука Гузи Битуевой. Ему было 28 лет в момент составления родословной, согласно которой прапрабабушка Джанхота происходила из фамилии Куденетовых, а сам он был женат на Бабине Анзоровой.⁸

Подобным же образом дешифруется и вторая тамга Тугановых (𐞆𐞇𐞈), где показано лишь родство с Куденетовыми. По-видимому, она оставлена на галиатской двери представителем того же тугановского семейства – возможно, тем же Джанхотом до его женитьбы. Третья тамга (𐞆𐞇𐞈) была повреждена при замене дверной петли. Горизонтальная черта над основным знаком могла обозначать конкретную ветвь фамилии Тугановых, а знак (𐞆𐞈) справа – престижное родство. Интересно отметить, что тамга Куденетовых встречается на двери еще дважды, при этом вблизи от тамг Тугановых, т.е. зафиксированы два визита представителей фамилии Тугановых в сопровождении кабардинских родственников. Одно из изображений куденетовской тамги сопровождается плохо читаемой арабской надписью, начальная часть которой, по мнению экспертов, может изображать согласные звуки кабардинского имени «Куденет»

⁸ ЦГА РСФСР-А, ф. 291, оп. 1, д. 11, л. 83-84, 91-92. Документы любезно указаны Р. С. Бзаровым.

В известных источниках XIX в. нет сведений о широком использовании позднесредневековых осетинских тамг. Современные осетины, как правило, имеют смутное представление о былом значении этих знаков. Даже сами хозяева двери полагают, что она служила в качестве своеобразного «летописного свода» фамилии: на левой половине в знаковой форме фиксировались радостные события (рождение детей, свадьбы и т.п.), а на правой – горестные (траур, война и т.п.). Упадок, а затем исчезновение тамговой практики приходится на вторую половину XIX и XX в. «Автограф» Джанхота Туганова, оставившего свой знак на галиатской двери, и обстоятельства перехода заманкульской двери от Шанаевых к Айларовым позволяют датировать создание дигорского и тагаурского сводов тамг периодом с конца XVIII до середины XIX в.

Тамги обоих публикуемых сводов, отличающиеся наибольшим совершенством и сложностью, не имеют близких аналогов в сводах кавказских тамг. Это позволяет причислить их к осетинским знакам и высказать предположение о специфическом направлении развития тамговой культуры, вовсе не исчезнувшей в Осетии с деградацией коневодства после XIV – XV вв. Тамги северокавказских народов выступали прежде всего в качестве знаков собственности и обычно применялись для таврения лошадей и скота. В Осетии выходит на первый план иная функция тамги, требующая нового уровня семантической наполненности. Очевидно неудобство (часто и невозможность) использования многосоставных тамг в качестве тавра из-за сложности их изготовления и применения. Однако тамги в Осетии были не только распространены, но и имели явную тенденцию к усложнению, становясь носителями престижной генеалогической информации – своего рода семейным или даже личным (с начертанием имени) гербом. Интересно отметить, что именно в Тагаурском и Дигорском обществах позднесредневековой Осетии, откуда и происходят публикуемые своды, феодальная иерархия и аристократическая субкультура получили наиболее яркое оформление. Будет ли неожиданным предположение об эволюции осетинской тамговой культуры в геральдическом направлении?

Литература:

- Блиев, Бзаров 2000* – Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии. Владикавказ, 2000.
Берозов 1980 – Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.
Калоев 1971 – Калоев Б.А. Осетины. М., 1971.
Калоев 1973 – Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.
Калоев 1993 – Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М., 1993.
Лавров 1978 – Лавров Л. И. Кавказские тамги. // Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 91-174.
Яхтанигов 1993 – Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.

Приложение 1. Заключение по экспертизе древесины дверей.

В результате обследования двух деревянных дверей нами сделаны следующие выводы. Дверь № 1 из сел. Галиат. Сделана из двух досок, вытесанных из одного отрезка сосны Коха (обыкновенной). Ствол, вероятно, расколот через сердцевину и затем из двух половинок вытесаны (выколоты) две центральные доски (т. е. непосредственно примыкающие к сердцевине). Пилы или аналогичные инструменты при изготовлении досок не применялись. Мелкие деревянные детали петель и запора изготовлены из древесины березы и бука, вероятно, в недавнее время.

Дверь № 2 из сел. Заманкул. Изготовлена из буковой древесины. Состоит из двух пиленных и шпунтованных досок. Буковые доски соединены березовыми клиновидными шипами, без металлических креплений. Последующие ремонтные работы на двери представлены сосновыми планками и гвоздями.

В заключение можно сказать, что дверь из Галиата отличается более примитивными способами обработки древесины и исполнена гораздо грубее, чем дверь из Заманкула.

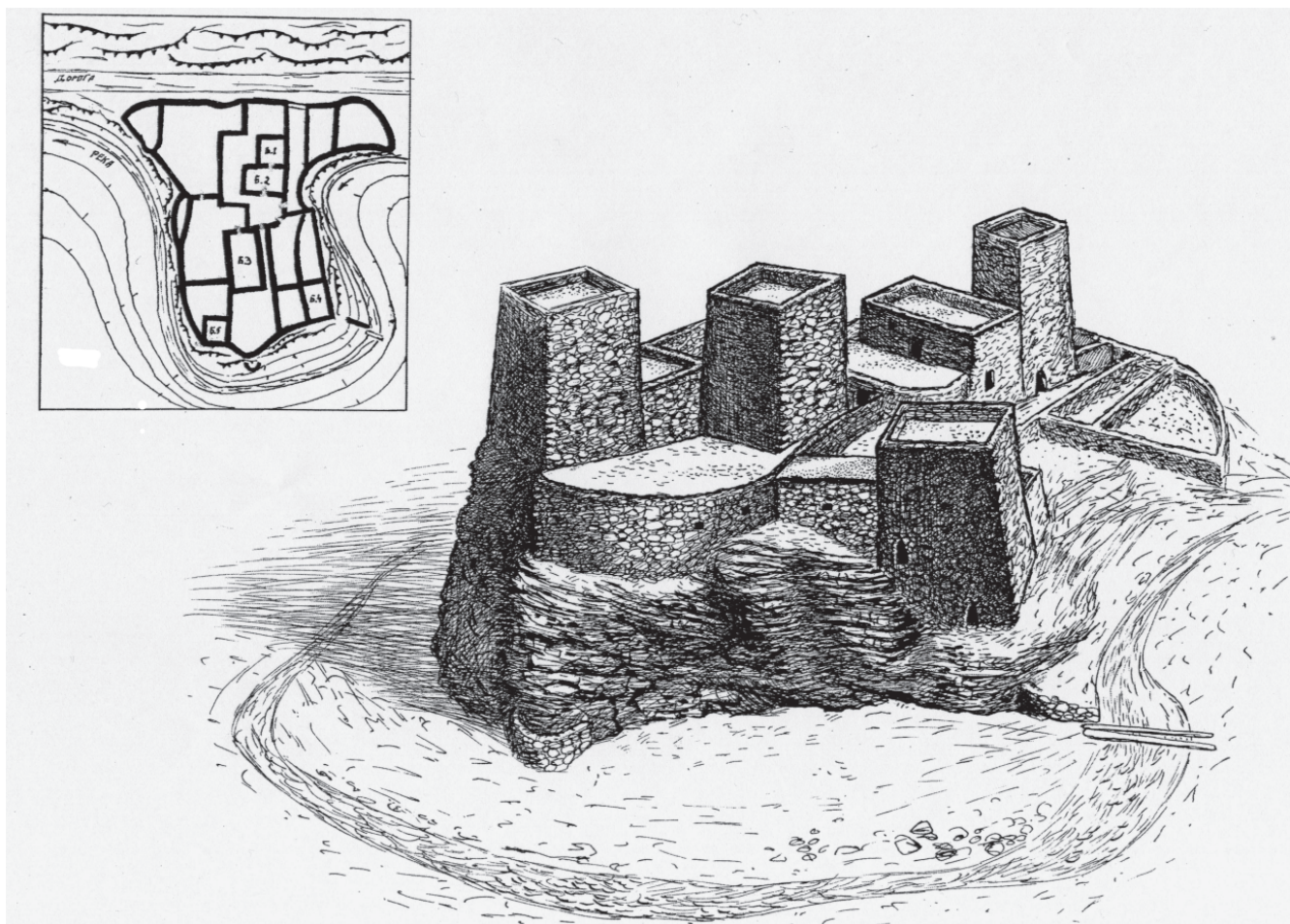
Ст. преп. кафедры ботаники СОГУ И. А. Николаев

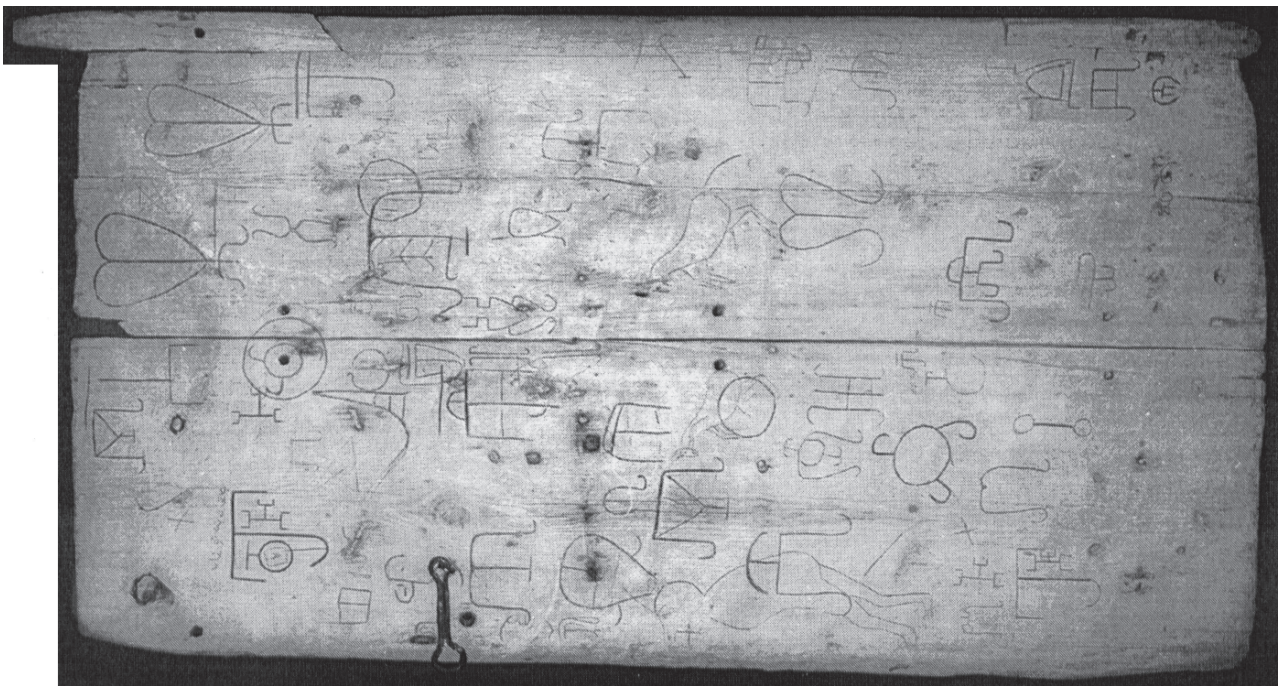
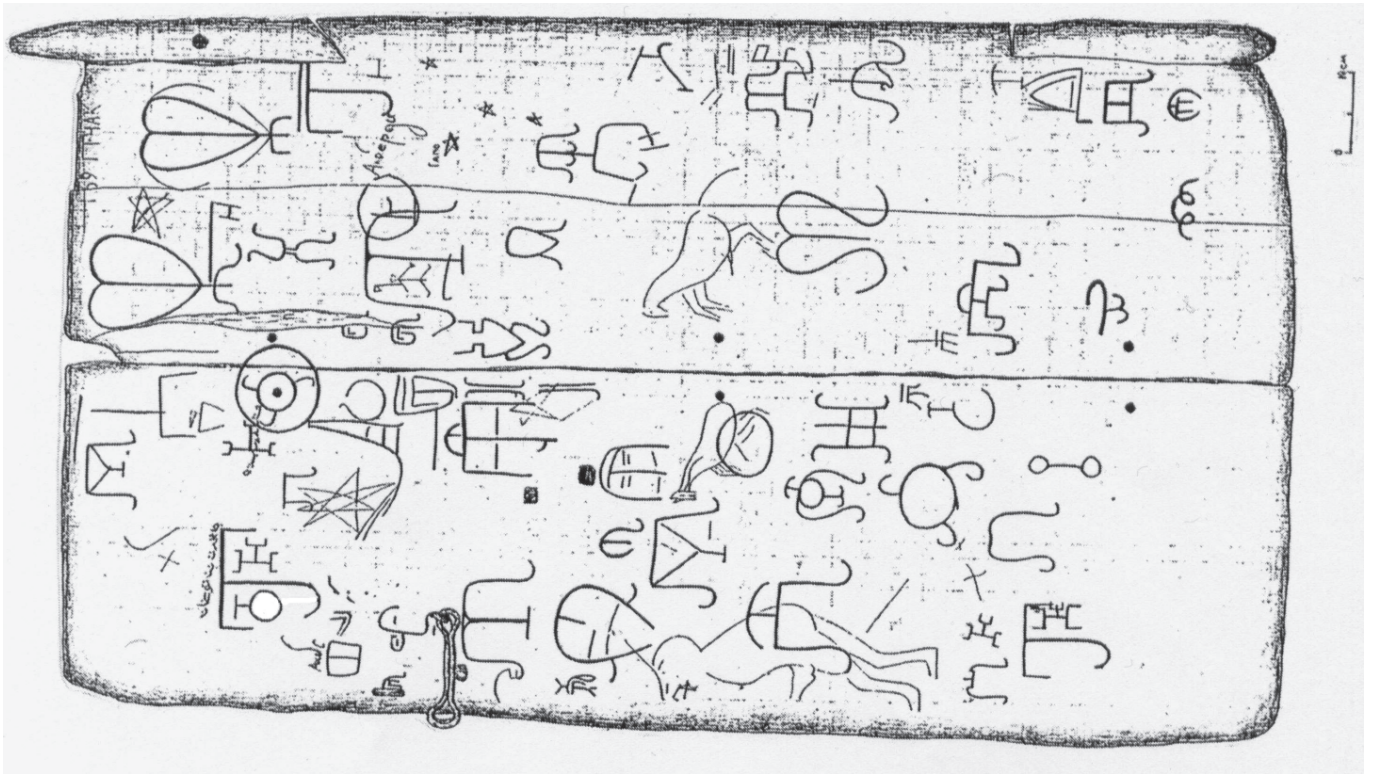
Илл. 1. Селение Галиат (в центре — замок Мидхъæу). Фотография конца XIX в.

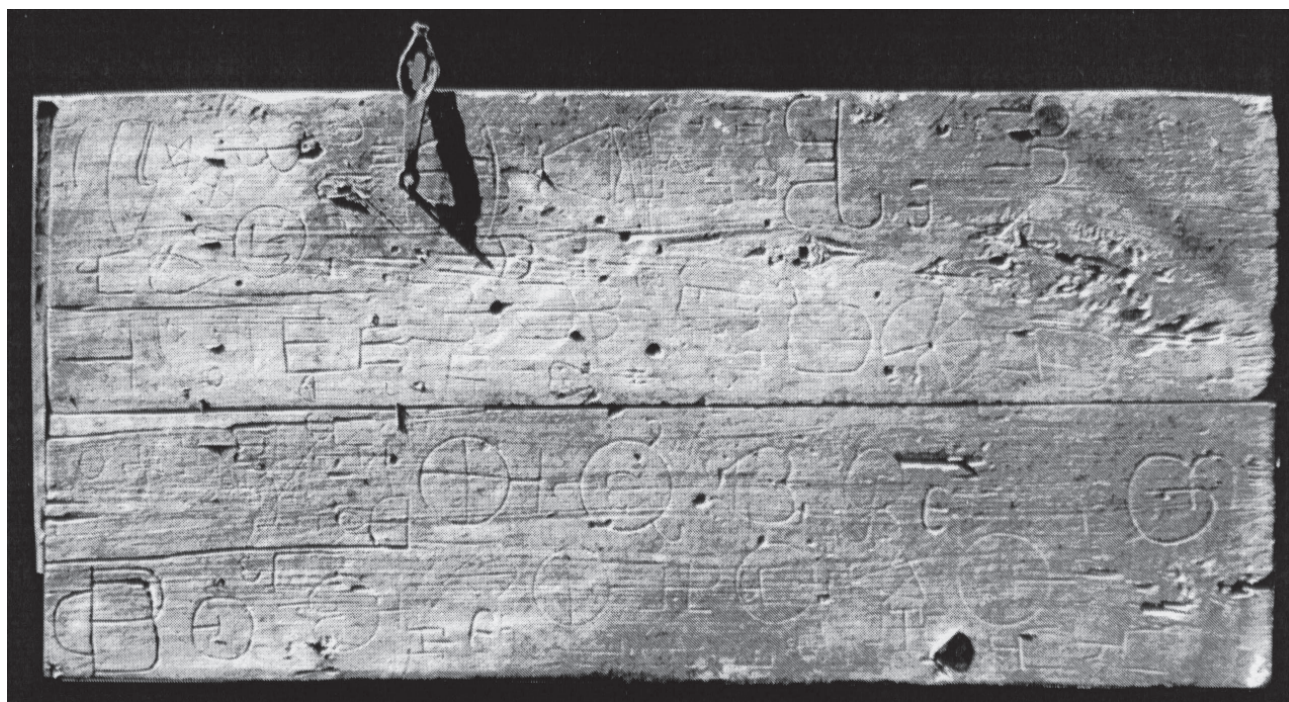
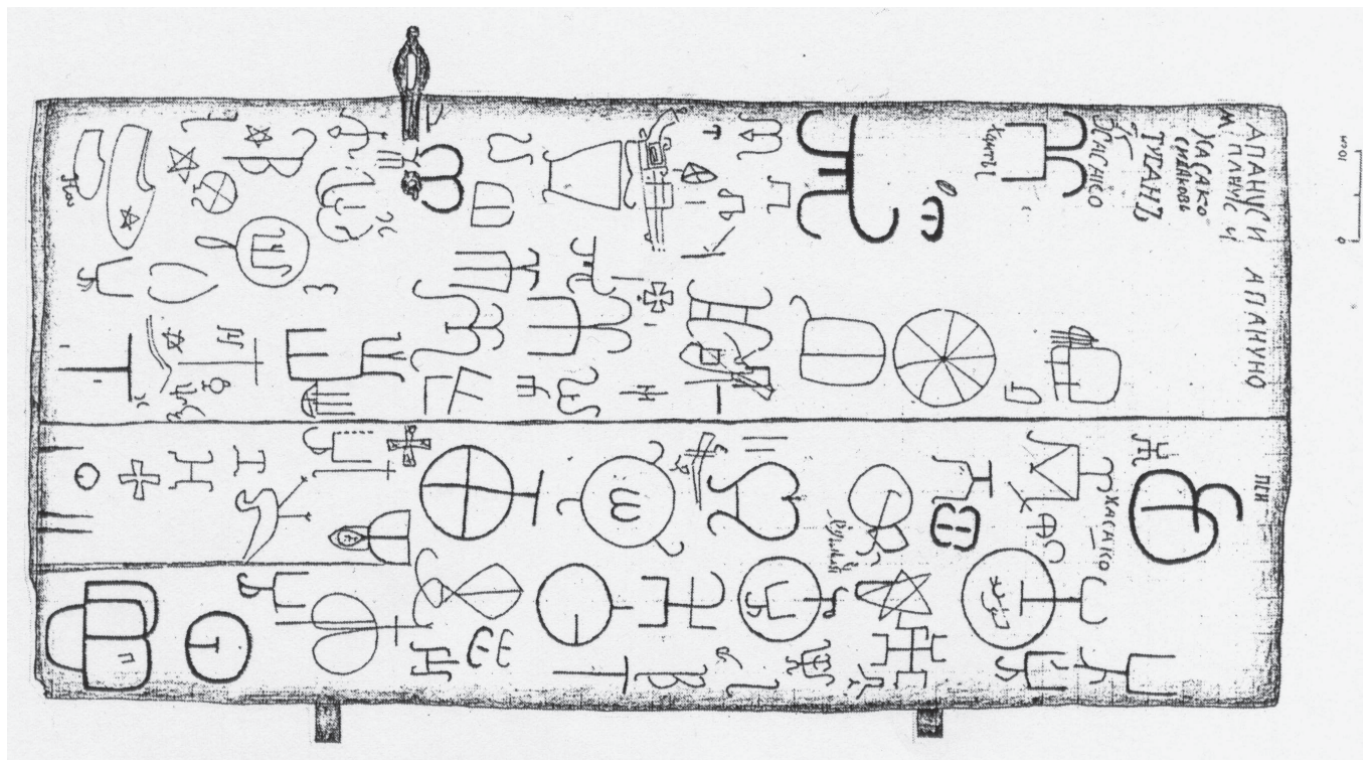
Илл. 2. Замок Мидхъæу. Фотография 1998 г.

Илл. 3. Замок Мидхъæу. Глазомерный план и реконструкция.

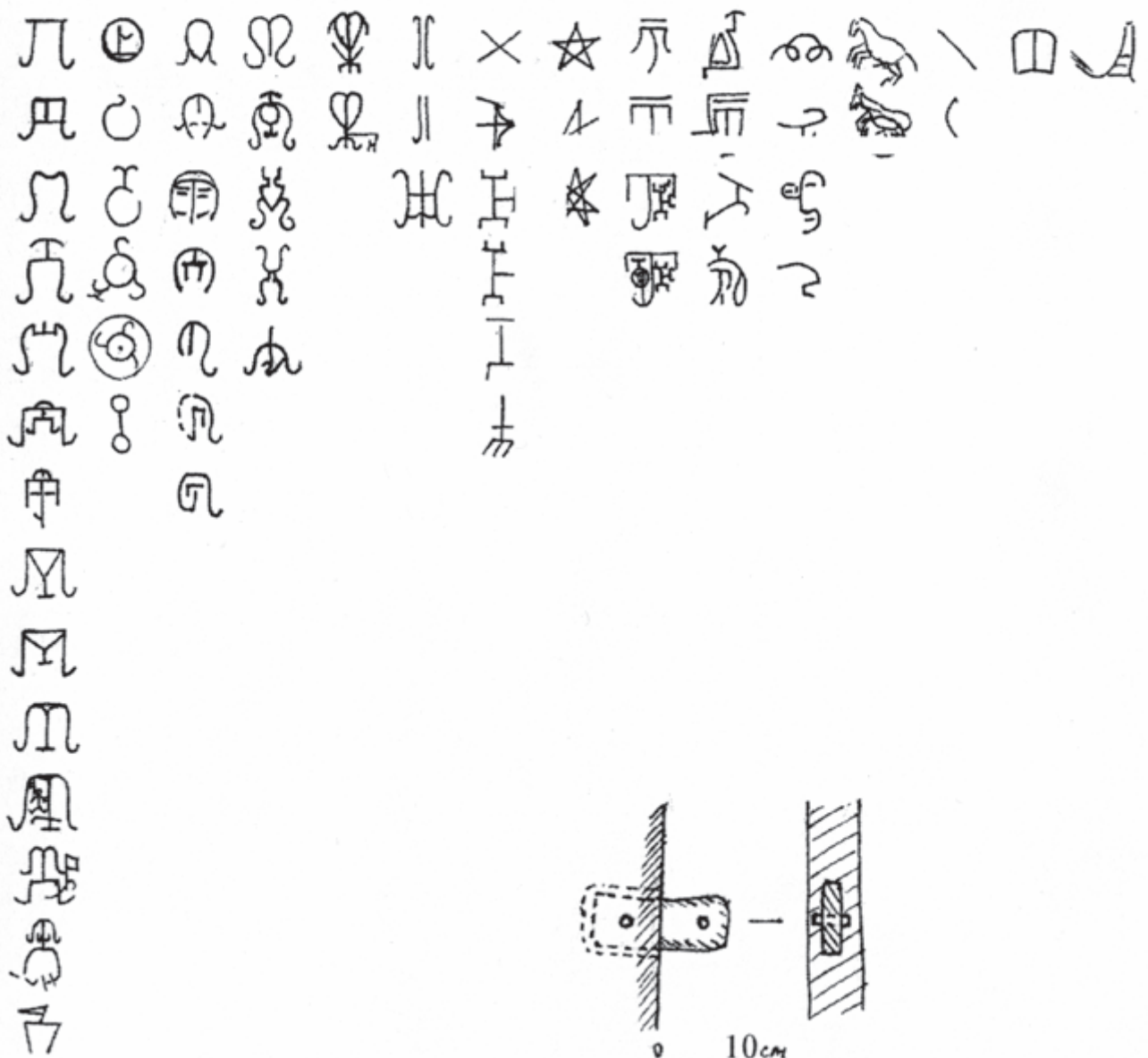
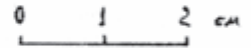
Илл. 4. Галиатская дверь. Фотография и рисунок.

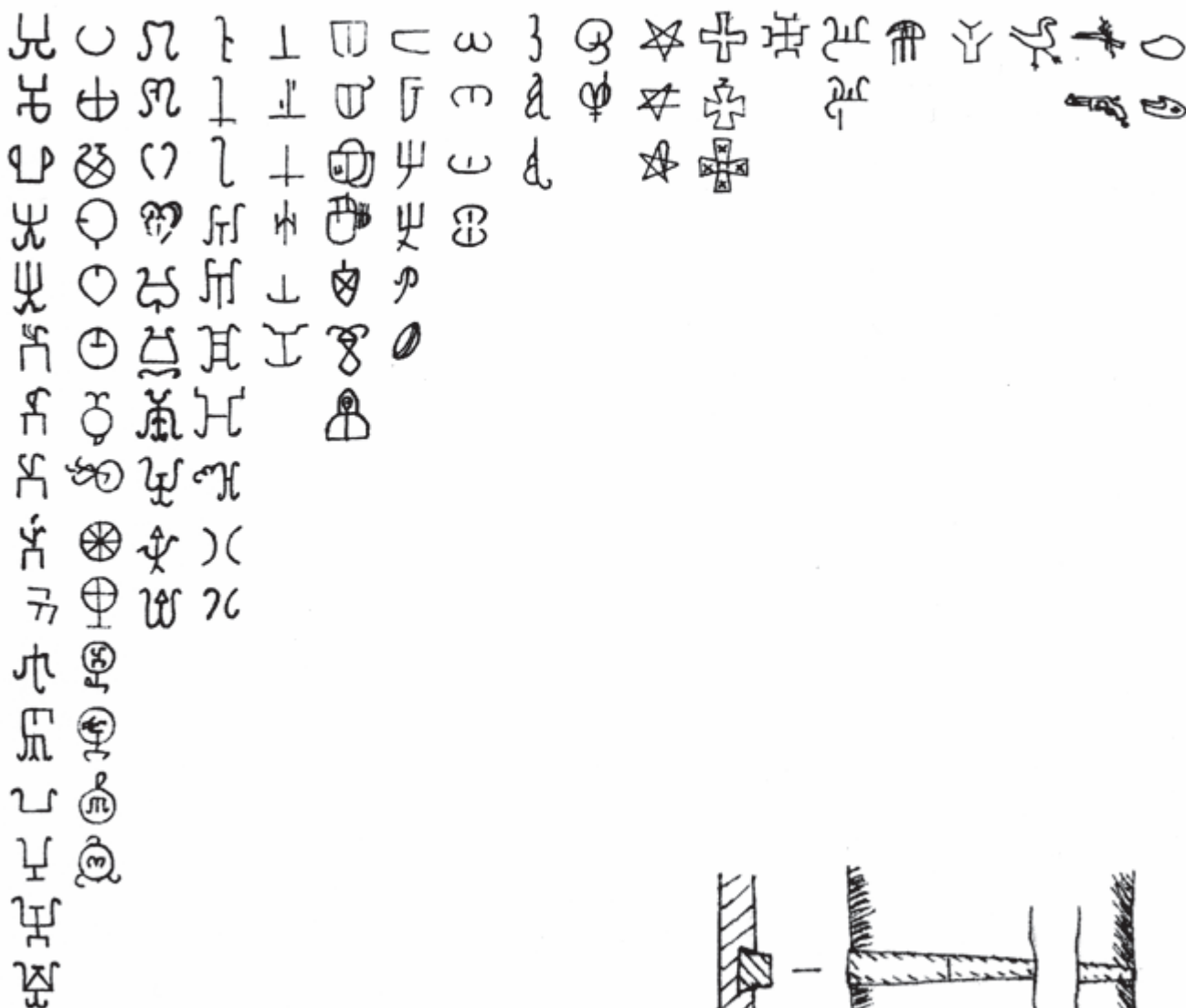
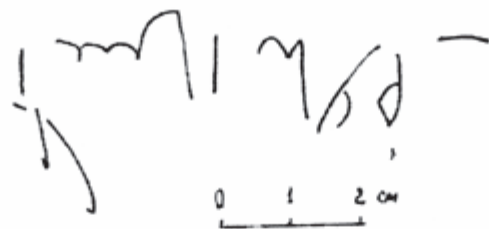
Илл. 5. Заманкульская дверь. Фотография и рисунок.

جاخت بنت ثوخان

کتب در بسوز

Илл. 6. Прорисовка надписей, классификация тамг, способ сборки галиатской двери.

Илл. 7. Прорисовка надписей, классификация тамг, способ сборки заманкульской двери.

История ментальностей

Р. Ф. Фидаров

Мусульманские погребения алан XIII-XIV вв. с могильников Верхнего Джулата

Археологическая экспедиция Института истории и археологии РСО-А с 1981 года в течение пятнадцати сезонов ведет охранные раскопки на Змейском катакомбном могильнике. Основным объектом изучения были погребения предмонгольского времени (X-XII вв.), вместе с тем исследован также ряд погребальных комплексов более позднего времени.

Во второй половине 80-х гг., когда раскопки могильника были приостановлены в связи с отсутствием финансирования, к северу от восточного и среднего жилых холмов Змейского аланского городища начались масштабные работы по реконструкции Змейского кирпичного завода. В результате земляных работ по планировке строительной площадки под новые цехи на территории более 2 га уничтожено большое число катакомб и грунтовых погребений, был разрушен также северный край городища. Тогда же в 10-12 метрах к югу и ЮВ от ЮЗ угла строящегося сушильного цеха были частично срезаны входные ямы четырех катакомб, впущенных в северный склон городища. Катакомбы раскопаны нами в 1990 г., датируются золотоордынским временем.

В 1993 году к западу от этих катакомб обнаружены и исследованы три позднесредневековых мусульманских погребения в подземных погребальных сооружениях, построенных с использованием жженого квадратного кирпича и камня.

Наконец, в 1984 году на мусульманском кладбище Верхнего Джулата у Татартупского минарета¹ нами были доследованы два погребения в гробницах, материалы раскопок до настоящего времени не опубликованы.

Известно, что изучение позднесредневековых погребальных памятников Верхнего Джулата отстает от общего уровня знаний о городских некрополях Золотой Орды. Так, здесь до настоящего времени не

были известны катакомбы этого времени, не раскапывались мусульманские кирпичные погребальные сооружения. Введение в научный оборот наших материалов должно в какой-то мере восполнить этот пробел. В работе предпринята также попытка определения места публикуемых погребальных комплексов среди других памятников этой поры с учетом исторических и конфессиональных реалий Алании XIII-XIV вв.

Материалы с трех могильников, публикуемые в работе, близки по времени и оставлены населением Верхнего Джулата. Они отражают три последовательных этапа одного из направлений эволюции погребального обряда у средневековых алан.

Катакомбы золотоордынского времени Змейского могильника

Входные ямы катакомб оказались срезанными при планировке строительной площадки, сохранились лишь небольшие фрагменты у лазов. В образовавшемся вертикальном обресе холма городища темно-серое заполнение входных ям хорошо выделялось на фоне желтой материковой глины. Катакомбы расположены компактной группой, в ряд, параллельно друг другу, промежутки между входными ямами составляют около 4-5 м (рис. 1).

Одна из входных ям не имела камеры (к. 145), очевидно, по каким-то причинам сооружение катакомбы было прекращено после завершения рытья входной ямы. Камеры остальных – полной сохранности, своды не осыпались, необходимости в препарации костяков практически не было. Однако кости оказались в плохом состоянии, значительная часть их превратилась в крошево, другие покрыты трещинами, расслаиваются и крошатся.

Камеры в плане овально-округлой формы, поперечны входным ямам, своды купольные. На полах камер слой речного песка.

Катакомба 142 (рис. 3) расположена (центр камеры) в 13 м к ЮВ от ЮЗ угла нового сушильного цеха и в 11 м от южной стены цеха к югу. Пол камеры находится на глубине 578 см от современной дневной поверхности². Катакомба (ось входной ямы) ориентирована по линии С-Ю (азимут 179°). Размеры камеры в плане 258x215 см; высота свода в центре 92 см, у лаза – 112 см. Длина сохранившегося (южного) участка входной ямы около 1 метра, ширина у лаза по полу 76 см, пол с небольшим наклоном к камере. Лаз в сечении овально-

¹ Под термином «Татартуп» осетины традиционно понимают известное святилище (за пределами городища), местность же, где расположено городище, а также минарет в осетинском языке носят название «Дзлат», т.е. Джулат и «Дзлаты мжсыг» [Миллер 1998: 393; Кокиев 1929: 205; Цагаева 1975: 423, 508; Абаев 1979: 282; Ирон тауржгътж 1989: 64 и 291 (примечание)], в литературе же за городищем и минаретом закрепились оба названия [см. Семенов 1947: 6, 18].

² Нивелировочные отметки на чертежах даны относительно нулевого строительного горизонта: абс. – 317.55.

горизонтальной формы (48x33 см), плотно закрыт необработанной плитой песчаника (76x46x23 см). Порог (высота лаза от уровня пола камеры) – 80 см. В камере не менее семи погребений. Уверенно распознаются позы погребений 1 и 7, кости остальных скелетов истлели или деинситуированы.

Погребение 1 последнее по времени в камере, не потревожено, занимает СЗ сектор камеры. Женский костяк лежит на левом боку с подогнутыми ногами головой на ЮЗЗ, под углом около 30° к продольной оси камеры. На участке пола, где располагается погребение, сохранились следы другого скелета в виде мелких, полуистлевших осколков костей. Очевидно, этот скелет был перемещен вглубь камеры, с целью освободить место для нового захоронения.

Череп распался, под осколками – песчаная подушка-валик. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте, кисть в районе таза. Перед коленными суставами у стены камеры обнаружены костяная дисковидная пуговица, две бусы и бубенчик, еще один крупный бубенчик – в районе шеи (рис. 3, 1-5). По обе стороны от черепа расчищено по височному кольцу, к югу от черепа рассыпаны стеклянные бусы (рис. 3, 6, 12).

Погребения 2-4. Среднюю часть камеры занимают кости от трех потревоженных скелетов. Кости перемешаны, плохой сохранности, значительная часть их истлела. Число скелетов определено по количеству бедренных костей – их насчитывается три пары. Остатки трех черепов расчищены ближе к западной стене, кости грудных клеток истлели, фрагменты трубчатых костей рук находятся в западной половине скопления, трубчатые кости ног – от центра к востоку. Погребения, очевидно, лежали головами направо от лаза – на запад.

Полуистлевшие кости таза и ног южного в группе скелета (погребение 4) потревожены меньше, сохранили свое взаиморасположение. В районе таза найдены остатки шерстяного шнура, западнее – в костном тлене – височные кольца, бусина, бубенчик (рис. 3, 7-9, 11, 15). В 50 см от западной стены расчищены фрагмент височного кольца, еще два крупных бубенчика, и бусина (рис. 3, 10, 13, 14).

Погребение 5. Между костями стоп погребения 4 были уложены в кучу кости скелета младенца, кости разложились, но в тлене сохранились мелкие фрагменты.

Погребение 6. Разрушенный костяк подростка сложен на участке между костями ног погребений 4 и 7. Здесь на площади 80x40 см расчищены развал черепа на пятне костного тлена, полуистлевшие кости грудной клетки, трубчатые кости ног без анатомического порядка. Первоначальная поза погребения не определяется.

Погребение 7 мужское, уложено вдоль южной стены камеры вытянуто на спине, головой на запад. Погребение не потревожено, часть костей истлела. Ноги сведены, руки вытянуты вдоль тела. Предплечье правой руки перекрыто подвздошной костью, переставленной, повидимому, из центральной части камеры. У левого края тлена черепа обнаружены бусина и два перевитых куска бронзовой проволоки (рис. 3, 16, 17). У кисти правой руки лежал наконечник стрелы (рис. 3, 18). Погребение, очевидно, первое по времени, не пострадало при последующих подзахоронениях, поскольку находилось в глубине камеры.

Катакомба 143 (рис. 2) расположена в 5 м к западу от катакомбы 142, и в 10 м от ЮЗ угла сушильного цеха. Пол камеры на глубине 531 см от современной дневной поверхности. Катакомба (ось входной ямы) ориентирована на ЮЮВ (азимут 162°). Размеры камеры в плане 250 x 205 см; высота свода в центре 105 см. Длина сохранившегося (у лаза) участка входной ямы около 50 см, ширина у лаза по полу 86 см, пол с небольшим наклоном к камере. Лаз в сечении подчетырехугольной формы с закругленными углами, ширина 42,

высота 30 см, закрыт окатанной гранитной глыбой (74x58x44 см), с западной стороны закладная плита подпиралась камнем меньших размеров. Высота порога (от уровня пола камеры до пола лаза) – 74 см.

В катакомбе насчитывается 9 погребений, из них не потревоженным сохранилось лишь одно – последнее по времени – погребение 1.

Погребение 1 расположено перед лазом, вдоль ССЗ стены камеры. Кости хорошей сохранности, истлела часть ребер. Мужской костяк лежит на спине вытянуто, параллельно продольной оси камеры, головой направо от лаза (на ЮЮЗ). Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть лежит на тазе.

Голова покойника лежала на песчаной подушке-валике, череп запал за валик, распался. На дистальных концах берцовых костей сохранились остатки кожаной обуви. В тлене правой лопатки и ключицы расчищена серебряная пуговица (рис. 2, 3). К СВВ от костей стоп лежали разрозненные полуистлевшие трубчатые кости.

Погребение 2. Слева от берцовых костей погребения 1, непосредственно у северной стены камеры находились разложившиеся кости младенца, сваленные в кучу. Среди остатков костей найдены височные кольца и стеклянная бусина (рис. 2, 1, 2).

Погребение 3 находилось к югу от погребения 1. При совершении последнего, ноги скелета были сдвинуты к югу, туловище немного потеснено с левой стороны, череп остался на месте. Кости в какой-то мере сохранили свое взаиморасположение. Скелет вытянут по линии З - В под углом к оси камеры. Судя по выявленной картине, погребение могло быть уложено вытянуто на спине головой на ЮЗЗ, правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой, возможно, находилась в области таза. К ЮЗ от черепа, у стены стоял керамический сосуд (рис. 2, 4).

Погребение 4. Костяк располагался к югу от погребения 3, занимал центральную часть камеры. Кости сдвинуты со своих мест при последующих захоронениях и лежат по линии З - В, под углом к оси камеры, без анатомического порядка, отвечая, тем не менее, вытянутому положению скелета головой на запад. Череп с разрушившейся лицевой частью находится в 20 см от западной стены камеры, у теменной кости стоит керамический сосуд (рис. 2, 5).

Погребение 5. Подвинутые вглубь камеры кости скелета без анатомического порядка располагаются параллельно останкам погребения 4, непосредственно к югу от последних и частично перекрываются ими. Череп распался, находился он рядом с черепом погребения 4. Полуистлевшие позвонки сохранили свое взаиморасположение, в поясничном отделе перекрываются лопаткой погребения 4, ребра истлели. Среди костей черепа найдено височное кольцо.

Погребения 6-8. У ЮЗ участка стены камеры находились кости трех распавшихся черепов. Начиная от них вдоль южной стены до восточного участка стены камеры полукругом расположена полоса шириной до 50 см, усеянная костями и костным крошевом. С запада на восток без какого-либо порядка здесь расположены фрагменты и целые кости ног и рук, ребра, позвонки, лопатки, фрагменты черепа (у ЮВ участка стены камеры), крестец, позвонки и прочее. Среди этих костей удалось насчитать три пары бедренных (часть во фрагментах). Поскольку развалы черепов лежат у ЮЗ стены, можно полагать, что погребения были ориентированы так же, как и остальные на ЮЗЗ или на запад. Определеннее сказать что-либо о труположениях не представляется возможным. К фрагментам черепа у ЮВ стены мы вернемся ниже (см. погребение 9).

У ЮЮВ участка стены, среди костей и костного крошева найдено височное кольцо; ближе к центру камеры,

в 30 см от стены – второе кольцо (8; 9), рядом – пятна органического тлена (ткань?).

Погребение 9. В восточной части камеры у стены лежали фрагменты таза и две бедренные кости также во фрагментарном состоянии. Кости принадлежат подростку. Здесь же на полу – костное крошево. Кости лежат без анатомического порядка, видимо, переставлены сюда с другого участка камеры. Полагаем также, что фрагменты черепа, зафиксированные у ЮВ участка стены камеры с погребениями 6-8, могли принадлежать данному погребению.

Катакомба 144 (рис. 4) расположена в 5 м к ЮЗ3 от катакомбы 143, и в 11 м к югу от ЮЗ угла сушильного цеха. Пол камеры находится на глубине 484 см от современной дневной поверхности. Катакомба (ось входной ямы) ориентирована на юг (азимут 171°). Размеры камеры в плане 238x199 см; высота свода в центре 97 см, у лаза – 100 см. Длина не разрушенного (южного) участка входной ямы 77 см, ширина у лаза 60 см, пол с небольшим наклоном к камере. Лаз в сечении неправильной овально-горизонтальной формы (53x34 см). В качестве закладной плиты использован жернов (диаметр 49, толщина до 10 см). Порог (высота лаза от уровня пола камеры) – 63 см.

Катакомба использовалась многократно, однако по костным остаткам можно судить лишь о трех-четырех погребениях, все остальные кости распались и большая часть пола покрыта толстым слоем костного крошева с небольшими фрагментами костей. Толщина слоя увеличивается вглубь камеры к южной стене, здесь она составляет 10-13 см. Исходя из объема костного крошева в камере, можно полагать, что в катакомбе было погребено более десяти (возможно, значительно больше) покойников. При повторных захоронениях прежние костяки сдвигались вглубь камеры, так освобождалось место для последующих захоронений в ближней к лазу части камеры. Такой порядок характерен для ЗКМ³ и других катакомбных могильников, но такого количества костного материала, как в к. 144, не наблюдалось нами ни в одной камере.

Погребение 1 последнее по времени, находилось перед лазом. Скелет расположен вытянуто на спине головой на запад с отклонением к северу, под углом к оси камеры. Отсутствуют на месте череп, кости правой руки и ключица; поясничный отдел позвоночника и кости таза истлели. Трубчатые кости ног покрыты продольными трещинами и крошатся при прикосновении, но сохранили свое первоначальное положение и форму. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть находилась в районе таза.

Погребение 2 расположено параллельно первому в непосредственной близости от него. Судя по остаткам, скелет лежал на спине головой на запад с отклонением к северу и под углом к оси камеры. От скелета сохранились кости ног, часть – фрагментарно. Кости плохой сохранности, распадаются и крошатся. Таз, позвоночник, грудная клетка и кости рук представлены крошевом. На уровне правого плеча находились фрагменты нижней челюсти и черепа. Ноги вытянуты, к ЮВ от стоп у стены лежат без порядка кости черепа и большие трубчатые ног другого погребения. В СЗ секторе камеры расчищено несколько крупных фрагментов черепов, очевидно, погребений 1-3. Здесь же у стены на боку лежал керамический сосуд (рис. 4, 1).

Погребение 3. Остатки костяка расположены в центральной части камеры, рядом с погребением 2, к югу от него. От скелета сохранились полураспавшиеся большие берцовые и одна (правая) фрагментированная бедренная, остальные кости раскрошились. Судя по положению костей ног и нали

чию фрагментов черепа у западной стены камеры, погребение располагалось на спине вытянуто и было ориентировано головой на СЗ3. В костном крошеве, в 40 см к ЮЮВ от фрагментов черепа расчищен бубенчик (рис. 4, 3).

Погребение 4. Южная половина камеры, как уже отмечалось, покрыта толстым слоем костного крошева с отдельными распадающимися костями и фрагментами костей. Так, у ЮЗ участка стены располагались крестец и кости черепа, от них ближе к центру – лопатка. К СЗ от костей черепа у ЮЗ участка стены найдены два височных кольца, у лопатки – два бубенчика (рис. 4, 5, 6, 7). На южном участке пола камеры в костном крошеве лежали фрагменты больших трубчатых костей ног и фрагмент черепа – затылочная и теменная кости. У остатков черепа найден бубенчик, еще два – в 20 см к СЗ от первого, и один – в 30 см от костей к югу, у южной стены (рис. 4, 2, 4, 8). Вдоль ЮВ участка стены камеры располагались трубчатые кости ног, переставленные сюда из других мест, кости плохой сохранности, часть фрагментирована. На одной (большая берцовая) следы кожаной обуви.

Катакомба 145. После расчистки сохранившегося фрагмента входной ямы оказалось, что за входной ямой нет камеры. На могильнике мы сталкивались со случаями, когда входная яма не завершается камерой (кк. 31; 193; 203). Поскольку усыпальницы на могильнике расположены довольно близко друг от друга, могильщики при сооружении катакомб порой наткнулись на уже существующие погребальные камеры и прекращали дальнейшие работы на данном участке: очевидно, они или не всегда знали точное расположение катакомб, или ошибались в своих расчетах. Однако в нашем случае мы не обнаружили другой катакомбы к югу от входной ямы к. 145, поэтому остается непонятным, почему была прервана работа по сооружению катакомбы.

Сохранившийся участок входной ямы расположен в 4,5 м к западу от катакомбы 144. Ось входной ямы ориентирована на юг (азимут 186°). Длина сохранившегося (южного) участка входной ямы 72 см, ширина у лаза 60 см, пол с небольшим наклоном к югу. Глубина входной ямы у южного края от современной дневной поверхности составляет 568 см.

Рассмотренные катакомбы выделяются из остальной массы исследованных на Змейском могильнике и объединены в группу по ряду признаков. Своей архитектурой эти катакомбы, в том числе, по-видимому, и их входные ямы, ничем не отличаются от остальных. Судя по сохранившимся фрагментам, входные ямы были обычной для могильника конструкции. Своеобразие этой группы катакомб заключается в особенностях использованной в них погребальной процедуры и складывается из совокупности следующих признаков:

– «обратная ориентация» погребений; если в основном массиве катакомб ЗКМ правилом является расположение покойников в камерах головой налево от лаза, то в данной группе все скелеты направлены головами направо от лаза, т.е. на запад;

– незначительное количество погребального инвентаря в камерах и отсутствие находок во входных ямах (вспомним, что во входных ямах катакомб основного пласта могильника большая часть находок тяготеет к участкам у лазов);

³ Аббревиатуру «ЗКМ» вслед за В. А. Кузнецовым мы используем для обозначения Змейского катакомбного могильника.

– полное отсутствие угля в обряде и использование песчаной подстилки в камерах; песчаная подсыпка отмечалась в отдельных катакомбах и преждевременно исследователями могильника [Кузнецов 2003: 57; Куссаева 1961: 54];

– большое число погребенных в каждой камере (7; 9 и больше 10).

Перечисленные выше признаки спорадически встречаются при исследовании и основного пласта могильника, но в качестве стабильного комплекса они присущи только данной группе катакомб. Особенности погребального обряда, отмеченные на этом участке могильника, представляются весьма существенными, и их можно расценивать как отступление от традиционного похоронного ритуала, использовавшегося на могильнике в X-XII вв. (с сохранением катакомбы в качестве погребального сооружения, предназначенного для многократного использования). Полагаем, что рассмотренные материалы дают основания для выделения особого варианта змейского катакомбного погребального обряда, который, забегая вперед, назовем золотоордынским. Разумеется, учитывая незначительное количество катакомб в исследуемой группе, набор общих признаков выделенного нами варианта может быть подвергнут корректировке при дальнейших раскопках участка.

Попытки объяснить особенности ритуала захоронения в данных катакомбах социальным и имущественным положением погребенных неперспективны. В тщательно сооруженных катакомбах с глубоко заложенными камерами (признаки высокого социального ранга погребенных) встречен крайне бедный инвентарь. Очевидно, объяснение своеобразия данной группы катакомб следует искать в воздействии на традиционную культуру алан новой конфессиональной ситуации, сложившейся в Алании после монгольского завоевания. Причины и вектор трансформации традиционного погребального обряда на ЗКМ после татаро-могольского завоевания мы попытаемся проследить ниже, здесь же рассмотрим найденный вещественный материал.

При исследовании катакомб обнаружено три керамических сосуда: два в катакомбе 243 и один в катакомбе 244 (рис. 2, 4, 5; рис. 4, 1). Сосуды сходны по форме, размерам и формовочной массе и их можно объединить в один тип. Это небольшие (высота 102; 99 и 129 мм; диаметр соответственно 105; 98 и 133 мм) кружки с раздутым туловом, широким и невысоким горлом, венчик немного отогнут. Ручка верхним концом крепится к кромке венчика и приподнята над ним. Сосуды лощеные, хорошего обжига, охристого цвета. Керамика такого вида характерна для золотоордынской культуры и в катакомбах предмонгольского времени не встречается. К этому типу посуды следует отнести также два сосуда, полученные нами от местных жителей в 1997 и 1998 гг., обнаруженные, по их словам, в районе описываемых катакомб (рис. 4, 9, 10) – вероятно, сосуды происходят из разрушенных погребений.

Идентичный сосуд был обнаружен на кабардинском курганном могильнике у села Шалушка КБР [Нагоев 1987: 193, рис. 15], сосуд настолько близок нашей серии, что можно предполагать для них общий центр производства. Установлено, что позднесредневековые кабардинцы не изготавливали глиняную посуду, весьма редкие керамические сосуды в кабардинских курганах считаются завезенными от соседних народов [Нагоев 1987: 199]. Группу кабардинских курганов могильников и в том числе могильник у села Шалушка датируют XV - XVII веками [Нагоев 1987: 218]. Исходя из исторических реалий, сложившихся на Центральном Кавказе в послемонгольское время, такая датировка наших катакомб не может быть принята – она слишком поздняя. Керамические сосуды из погребальных памятников горной Осетии интересующего нас времени рассмотрены В. Б. Ковалевской [Ковалевская 1995: 87-94].

В катакомбе 142 обнаружена круглая костяная пуговица с отверстием в центре (рис. 3, 1) лицевая сторона немного выпукла, тыльная – плоская. Диаметр пуговицы 22 мм, толщина 3,6 мм. Костяные пуговицы в эпоху средневековья имеют широкое распространение в кочевнических древностях ЮВ Европы, Средней Азии и Казахстана [Федоров-Давыдов 1966: 70-71; Плетнева 1973: табл. 20], известны они и на аланских памятниках Северного Кавказа той поры, в том числе на ЗКМ.

Ближайшая аналогия обнаружена в описанном ниже погребении 9 Змейского мусульманского кладбища, известны костяные пуговицы и на Верхнеджулатском христианском могильнике, в связи с чем О. В. Милорадович предполагает местное их производство [Милорадович 1963а: 104]. В отличие от последних, украшенных циркульным орнаментом, наши пуговицы декорированы группами рисок по краям, выделяются они также своей формой в виде шарового сегмента.

Серебряная пуговица (рис. 2, 3) найдена в катакомбе 143. Корпус эллипсоидной формы, полый, на одной вершине выступ, к другой припаяна петелька, экватор со сканным пояском. На пуговице два ряда рельефных солярных знаков. Высота корпуса 12 мм; диаметр 10 мм. Ближайшие аналогии происходят из погребения 39 христианского кладбища на городище Верхний Джулат [Милорадович 1963а: 97]. Такие пуговицы довольно часто находят на позднесредневековых могильниках Северного Кавказа [Уварова 1900: 257; Нагоев 2000: 67-68; Багаев 1984: 105, 110].

В качестве пуговиц нередко использовались и бубенчики. В исследованных катакомбах (142 и 144) обнаружено 13 бубенчиков (рис. 3, 4, 5, 11, 13; рис. 4, 2, 3, 7, 8). Как известно, бубенчики имели широкое распространение в пространстве и времени. На ЗКМ они найдены в массовом количестве, однако в рассматриваемых комплексах появляется новый тип (кк. 142 и 144). Бубенчики (6 шт.) крупные (высота корпуса 13-14 мм; диаметр 14-16 мм.), глухие, корпуса конической формы с основаниями в форме шарового сегмента, по швам (экваторам) опоясаны сканным валиком (рис. 3, 5, 13; рис. 4, 7, 8). Основания декорированы: в одном случае – тремя рельефными солярными знаками; в двух – резными знаками в форме буквы “S”. Остальные бубенчики также глухие, форма корпусов близка к шаровидной, подобные бубенчики были найдены на христианском могильнике Верхнего Джулата [Милорадович 1963а: 100; рис. 5, 2; 8, 6, 7], на трех из них (серебряных) такие же, как и на вышеописанных шести бубенчиках, сканные валики, но они расположены вертикально на шаровидном корпусе. Аналогичные последним, но с “поперечным пояском скани” три пуговицы-бубенчика найдены В. А. Кузнецовым при раскопках мусульманских погребений, проведенных на Верхнем Джулате в 1960 г. [Кузнецов 2003: 167]. Один бубенчик отмечен при раскопках Змейского мусульманского могильника в 1957 г. [Деопик 1961: 49].

В катакомбе 142 обнаружено бронзовое височное кольцо (рис. 3, 10), а также серебряные (?): два целых и половинка (рис. 3, 6, 8). Кольца круглые в один оборот, диаметр 10-16 мм. Височное кольцо из катакомбы 143 (рис. 2, 1) серебряное (?), деформировано. В катакомбе 144 найдено два бронзовых кольца (рис. 4, 5, 6), первое – в один (диаметр 15 мм), второе – в неполных два оборота (диаметр 21 мм). Височные кольца широко представлены в памятниках разных культур и периодов. На ЗКМ они также обнаружены в большом количестве, однако здесь не встречено серебряных колец. На Верхнедзулатском христианском могильнике найдены бронзовые и серебряные височные кольца в один и «полтора – почти два» оборота (погребения 16; 39; 54; 64), последние из витой серебряной проволоки [Милорадович 1963а: 104]. Две пары бронзовых височных колец почти в два оборота обнаружены в погребениях 8 и 9 Змейского мусульманского могильника (см. ниже).

В катакомбе 142 найдено 14 бусин, из них 11 – однотипные, стеклянные (рис. 3, 2, 16), колесовидной и плоской овальной формы (диаметр 6-11 мм; высота 3-4 мм), стекло голубого цвета полупрозрачное; две бусины желтоватого стекла (рис. 2, 2, 3), стекло просвечивает; форма одной близка к шаровидной (диаметр около 13), вторая усеченно-биконической формы (диаметр 13, высота 8). Одна бусина глазурованная (рис. 3, 10), бирюзового цвета, неправильной усеченно-конической формы (диаметр до 10, высота 8 мм.). В катакомбе 143 найдена одна бусина из желтоватого стекла (рис. 2, 2), стекло просвечивает, бусина колесовидной формы (диаметр 9, высота 6).

На ЗКМ почти все мужские погребения сопровождаются предметами вооружения, в нашей группе катакомб найден всего один наконечник стрелы (к. 142) (рис. 3, 18). Наконечник черешковый с плоским жалом вытянутой листовидной формы. Подобный наконечник был найден в погребении 28 Верхнедзулатского христианского кладбища [Милорадович 1963а: 95].

В немногочисленном инвентаре рассмотренных катакомб нет находок, имеющих узкие хронологические рамки, тем не менее нижней временной границей для них следует считать конец XIII в. (время появления материальной культуры, характерной для Золотой Орды). На это указывают извлеченные из катакомб керамические сосуды, декорированные бубенчики, серебряная пуговица, и, очевидно, пуговица костяная. Следует особо отметить, что рассматриваемый инвентарь практически не сопоставляется с массовым материалом, полученным из погребений ЗКМ домонгольского времени. С другой стороны, наши вещевые находки, как видно, близки к материалам Верхнедзулатского христианского могильника и исследованных нами (см. ниже) погребений Змейского мусульманского кладбища (напомним, что в погребениях мусульманского могильника у Татартупской мечети инвентарь практически отсутствует). Находки же Верхнедзулатского христианского могильника датируются XIII-XIV вв. [Милорадович 1963а: 105], такую датировку можно принять в качестве предварительной и для нашей группы катакомб, но она нуждается в уточнении. Для начала отметим, что нижняя временная граница христианского могильника определена на основе датировки строительства храма,

к которому он приурочен [Крупнов 1963: 65]. Как известно, эта датировка критически пересмотрена В. А. Кузнецовым, который передвинул дату возведения храма (следовательно, и время основания кладбища) ко времени правления хана Узбека (1313-1342 гг.) [Кузнецов 1975: 108]. Такая корректировка отсекает от времени функционирования могильника предмонгольский этап, что больше соответствует предлагаемой датировке наших материалов, которые целиком укладываются в золотоордынское время. Следует отметить, что в инвентаре катакомб 142, 143 и 144 практически нет находок, характерных для погребений ЗКМ предмонгольского времени, что подразумевает определенный, пока не заполненный, временной интервал между теми и другими. Змейский катакомбный могильник традиционно датируется X (XI) – XII вв. [Куссаева 1961: 59; СИЭ 1964: 398; Ковалевская 1981: 272-273, рис. 94], к этому добавим, что В. А. Кузнецов допускает присутствие на могильнике комплексов, относящихся «и к первым двум десятилетиям XIII в.» [Кузнецов 1962: 27]. Исследованные нами катакомбы позволяют включить в хронологический диапазон функционирования могильника XIII и первую половину XIV века. До настоящего времени был известен единственный случай использования аланами катакомбного обряда в эпоху позднего средневековья [Даутова, Мамаев 1974; Кузнецов 1973: 70], однако ушкаловскую усыпальницу лишь с оговорками можно считать катакомбой, к тому же этническая принадлежность погребенных в ней окончательно не установлена.

Рассмотрим, насколько наш вывод согласуется со сложившимися в восточной Алании в эпоху Золотой Орды историческими реалиями. Появление материалов, свидетельствующих о более длительном, чем было признано, бытовании ЗКМ, не следует считать неожиданным, поскольку известно, что на Верхнем Дзулате в ордынское время сохраняется аланское население [Гадло 1994: 181; Джиев 1982: 14-15; Нарожный 1988: 165; Батчаев 1992: 95; Милорадович 1963а: 82; Мамаев 1979: 116], ЗКМ же обоснованно считается некрополем городища Верхний Дзулат⁴ [Гадло 1994: 169; Куссаева 1961: 61; Милорадович 1976: 232; Кузнецов 2003: 23, 49, 62].

⁴ Есть мнение [Кузнецов 2003: 49], что на ЗКМ могли погребать своих покойников и жители Змейского поселения X-XII вв. (имеется в виду Змейское городище). Однако слоев X-XII и даже VIII-IX вв. здесь нет, городище бытовало в более раннее время. Могильник его – грабленые грунтовые катакомбы – располагается к ЮЗ от рва городища и перекрывается ЗКМ. К настоящему времени здесь исследовано 10 ранних катакомб, предварительная суммарная датировка их – II – начало VI в. Очевидно, со Змейским городищем также связан могильник с подкурганскими катакомбами, расположенный в лесу в 500-600 м к ЮЗ от исследованных катакомб. В 1999 г. Б. З. Караев исследовал здесь один курган с грабленой катакомбой того же периода.

Несмотря на коренные изменения в политической, а затем и конфессиональной ситуации, связанные с известными событиями XIII-XIV веков, местное население какое-то время сохраняет традиционный катакомбный обряд (в несколько трансформированном виде). Логично допустить, что изменения в погребальном обряде на ЗКМ происходят под воздействием двух мировых религий, укоренившихся на Верхнем Джулате в золотоордынское время. Тот факт, что катакомбы, о которых идет речь, находятся в окружении мусульманских погребений, склоняет нас к мысли, что в этом воздействии доминирующая (если не исключительная) роль принадлежала исламу. Вернемся к нашим наблюдениям, касающимся изменений в обряде.

1. В раскопанных вблизи мусульманского могильника аланских катакомбах золотоордынского времени, в отличие от более ранних, все погребения (около трех десятков), расположены головами направо от лаза, то есть на запад, как того требует мусульманский (и христианский) обряд. Появление западной ориентировки погребенных на некоторых раннесредневековых аланских могильниках исследователи и прежде связывали с переменами в конфессиональной ситуации – с проникновением христианства в Аланию [Кузнецов 1962: 18, 31; Мамаев 1988: 138; Савенко 1986: 80].

2. Катакомбы выделяются из остальной массы бедностью инвентаря. Вероятно, отказ от традиционно обильного инвентаря также обусловлен воздействием мировых религий.

3. Еще одна особенность катакомб 142-144 – отсутствие угольной прослойки на полу камеры, точнее – использование речного песка вместо угля. Было бы заманчиво объяснять использование песка в качестве подстилки особенностями мусульманского обряда [Батыров 1997: 27], однако, как известно, песчаная подсыпка на полу камеры изредка встречается в катакомбах и предыдущего этапа, в которых не фиксируется влияние ислама на обряд. Кроме того, в этом случае было бы непонятно отсутствие песка в погребениях Змейского и Верхнеджулатского мусульманских могильников. Возможно, использование песка в погребальном обряде (в отличие от использования угля) встретило терпимое отношение со стороны проповедников новой для алан религии. В представлениях же алан семантика угля в обряде могла быть перенесена на песок.

4. Что касается повышенной кратности использования катакомб, то она, по-видимому, не может быть связана с влиянием мировых религий, но укладывается в общую схему эволюции осетинского традиционного погребального обряда в течение последних

двух тысячелетий: от одноактных катакомб через семейные к коллективным склепам. Мысль о коллективном характере погребений как общей черте для раннесредневекового катакомбного и осетинского склепового обрядов исследователями высказывается давно [Нечаева 1975: 38].

Вернемся к катакомбам. Если наши рассуждения по поводу влияния ислама на погребальный обряд поздних катакомб ЗКМ верны, то это может пролить дополнительный свет на вопрос датировки катакомб. Установлено, что мусульманство начинает проникать в городские центры Северного Кавказа, вошедшие в состав Золотой Орды, со времени правления хана Берке (1258-1266 гг.), проводившего политику исламизации⁵. Исследователи неоднократно отмечали, что народная память связывает имя хана Берке и с Татартупом [Кокиев 1929: 206; Семенов 1947: 21; Милорадович 1963: 84] – факт в данном контексте весьма существенный, поскольку за фольклорными данными должны скрываться реальные события. Выявленные в Маджарах и на Нижнем Джулате наиболее ранние памятники, связанные с мусульманством, датируются второй половиной XIII в. Очевидно, в это же время аланы Верхнего Джулата стали воспринимать догмы ислама и его обрядовую сторону, что, как представляется, и нашло отражение в особенностях исследованных нами погребальных комплексов.

Анализ инвентаря и погребального обряда в катакомбах дает основание считать, что все они были заложены и использовались в золотоордынское время. Катакомбы, которые содержали бы материалы как предмонгольского, так и золотоордынского этапов, к настоящему времени на могильнике не выявлены. Полагаем, что целенаправленные поиски таких «переходных» катакомб могли бы дать положительные результаты.

Мы пришли к выводу, что катакомбы Змейского могильника, несущие отпечаток новой археологической культуры и новых для алан идеологических представлений, появились не ранее конца XIII в. Все раскопанные катакомбы многоактные и использовались в течение определенного времени, а из этого следует, что катакомбный обряд на Змейском могильнике доживает по крайней мере до первой половины XIV в., соответственно – верхнюю временную границу ЗКМ следует отодвинуть до этого времени. Наличие

⁵ Ко времени активной исламизации Золотой Орды аланы имели достаточно полное представление об этой религии. Первое знакомство алан с исламом состоялось еще в VII в., в предмонгольское же время в Алании, по сообщениям арабских географов Ибн-Хаукала (X в.) и Иакута ал-Руми (XIII в.) уже существовали мусульманские общины [Алемань 2003: 326, 353].

катакомб с золотоордынским материалом на ЗКМ однозначно свидетельствует, что на Верхнем Джулате в золотоордынское время сохранилось аланское население, с чем, как мы видели, согласно большинство исследователей. Мнение В. А. Кузнецова по этому вопросу высказано недостаточно четко [Кузнецов 2003: 38, 169, 187], во всяком случае, неприемлемо утверждение о том, что “после 1278 г. алан-ясов в городе почти не осталось”.

Таким образом, рассмотренные нами катакомбы ЗКМ датируются концом XIII – первой половиной XIV в. Очевидно, в это же время, а скорее с некоторым запозданием, рядом с катакомбами появляются первые грунтовые мусульманские погребения алан, а со временем мусульманский погребальный обряд вытесняет на могильнике обряд катакомбный, но об этом будет сказано дальше.

*Змейский позднесредневековый
мусульманский могильник*

В 1993 году при осмотре вертикального обреза северного склона Змейского городища к югу от строительного участка (под новые цеха кирпичного завода), были обнаружены и исследованы три погребения. В могильных ямах имеются конструкции, сооруженные с использованием квадратного кирпича (плинфы), и речного камня. Погребения совершены по мусульманскому обряду. Расположены они (рис. 1) на северной окраине городища, в культурном слое, метрах в тридцати к западу от исследованной на этом же участке в 1990 г. группы поздних катакомб (см. выше).

Сооружения в могилах обнажились, а вероятно и были повреждены в результате проведенных строителями земляных работ. К нашему приезду более других пострадало погребение 7. Гробница была частично разрушена, а затем и разграблена. Отдельные камни и кирпичи были сбиты с перекрытий (и стен?) также в погребениях 8 и 9, однако в целом эти погребения с костяками сохранились.

Помимо могильных ям с кирпичными сооружениями, в обресе склона городища выявлены следы разрушенных грунтовых погребений, а на строительной площадке обнаружено большое количество разрозненных костей, что с учетом рассказов очевидцев строительных работ позволяет сделать вывод о том, что здесь располагается мусульманский могильник золотоордынского времени, перекрывающий также восточный жилой холм Змейского городища. Основная масса погребений совершена, по-видимому, в грунтовых ямах, могилы расположены достаточно плотно.

Приоритет в открытии могильника принадлежит В. Б. Деопик (Ковалевской), которая в 1957 году на восточной окраине холма городища, при исследовании культурного слоя вскрыла 6 «мусульманских погребений» [Деопик 1961: 49-50]. Рядом с раскопом, где были найдены эти погребения, при исследовании Змейского поселения кобанской культуры Д. В. Деопик обнаружил два грунтовых погребения, совершенных «как по мусульманскому (головой на запад, лицом на юг), так и по христианскому обрядам (? – Р.Ф.)» [Деопик, Крупнов 1961: 13, 35].

Погребение 7⁶ (рис. 5) было совершено в подземном кирпичном склепе⁷, выложенном на полу могильной ямы; находится в 36 м к ЮЗ от ЮЗ угла сушильного цеха, на глубине 129 см от погребенной почвы и 223 см от современной дневной поверхности⁸. При строительных работах и позже грабителями полностью уничтожены северная продольная стена и перекрытие, частично – поперечные стены, есть повреждения и на южной. Содержимое погребальной камеры, в том числе и костяк, были выброшены.

Стены ямы в культурном слое не фиксируются. Склеп в плане вытянутой четырехугольной формы, ориентирован по линии В-3, азимут 250° (рис. 5); длина склепа 245 см, ширина (без учета разрушенного северного края) – до 65 см, высота 71 см (в ЮВ углу). Длина погребальной камеры 210 см, ширина (без учета разрушенного на всем протяжении северного края) до 40 см, высота 47 см.

Стены были сложены из шести рядов кирпича в высоту на известковом растворе, использованы разбитые пополам (в целях экономии?) кирпичи (рис. 5, 2, 3). Кладка велась изнутри буквально “в полкирпича” с перевязкой рядов, изломы направлены наружу, швы изнутри тщательно затерты. Склеп был перекрыт кирпичами, очевидно, целыми, поставленными горизонтально в два ряда (в ширину), опирались они с одной стороны с уступом на продольные стены, а с другой на заполнение камеры. Сохранился на месте один кирпич перекрытия в ЮВ углу склепа, и следы других на известковом растворе, которым была покрыта южная стена. На отмеченном кирпиче – толстый слой раствора, по-видимому, перекрытие сверху было им залито. Оставшиеся после укладки перекрытия уступы на стенах были заложены половинками кирпичей, четыре такие половинки сохранились на южной стене. Пол склепа немного заглублен и выложен кирпичом, покрыт раствором (рис. 5, 2, 3). Для пола использованы как половинки, так и целые кирпичи.

Кирпич квадратный 26х26х6-7 см, хорошего обжига. Раствор плотный, крепкий, в качестве наполнителя использован крупный речной песок, толщина швов до 2 см.

В заполнении могильной ямы в 16 см над восточной стеной гробницы найден красноглиняный, лощеный, орнаментированный кувшинчик (рис. 5, 5).

⁶ Нумерация продолжает нумерацию В. Б. Деопик. В полевой документации погребения обозначены как гробницы 1-3.

⁷ Как известно, в кавказоведческой литературе склепами называют каменные сооружения особой конструкции, предназначенные для многократного использования. Мы используем название “склеп” в отношении рассматриваемых сооружений, следуя принятой в археологии Золотой Орды терминологии.

⁸ Зачистка стен раскопа показала, что культурный слой в районе погребений 7-9 перекрыт насыпной перемешанной почвой с городища, связано это с тем, что к югу от участка проходила дорога, которая использовалась еще несколько десятков лет назад. При строительстве полотна дороги отвал, вероятно сбрасывался вниз по склону и перекрыл участок в районе погребений 7-9.

Два поврежденных погребальных сооружения этого типа были доследованы нами в 1984 году на известном мусульманском кладбище у Татартупской мечети на Верхнем Джулате (см. ниже).

Погребение 8 (рис. 6; 7) расчищено в 7 метрах к ЮЗ от погребения 7.

Погребения 8 и 9 совершены в могилах, представляющих собой ямы вытянутой в плане формы с заплечиками. На заплечиках выложены кирпичные стенки, на которые опирались перекрытия. Ниже стенок углы ям закруглены.

Яма ориентирована по линии В-З, азимут 260°. Глубина ямы 63 см от погребенной почвы и 180 см от современной дневной поверхности, в верхней части не фиксируется, размеры по кирпичным выкладкам на заплечиках 293x110-125 см (к западу расширяется). Ось ямы относительно оси перекрытия немного отклонена к югу. Длина ямы по полу 209 см, ширина до 70 см, глубина от кирпичей перекрытия 192, от нижнего ряда кирпичей южной стены перекрытия 152 см. Южная стена ямы немного выгнута наружу, заходит под заплечик.

Заплечики (шириной в кирпич?) устроены на высоте 130-145 см от пола ямы (рис. 6, 2, 3). На заплечиках отсыпан слой глины толщиной 13-25 см, на который уложены кирпичные стенки. Конструкция в плане вытянутой четырехугольной (трапецевидной) формы (рис. 6, 2, 4), западный край шире восточного на 15 см.

Южная стена (рис. 6, 1) сложена на известковом растворе с перевязкой, в высоту насчитывает четыре ряда (до 32 см). В западной части стены отсутствует последний кирпич верхнего ряда (сбит?). Стена в плане немного выгнута наружу. Основание, на котором стоит стена, не горизонтальное – западный край приподнят на 20 см. Северная стена состоит из одного ряда кирпичей, выложенных без раствора, в длину она, по-видимому, насчитывала десять кирпичей, семь из которых сохранились на месте, три – выброшены (северная стена обращена к обрезу склона городища). Кирпичи северной стены не выровнены в линию. Восточная стена в высоту составлена из четырех рядов, сложена небрежно, перевязки рядов практически нет. Западная стена обозначена одним кирпичом.

Перекрытие (рис. 6, 2, 4), по-видимому, вскрывалось. На южную стену с уступом в 15-18 см к северу на толстый слой раствора (до 5 см) уложен ряд кирпичей, на него – второй ряд также с уступом в 3-4 см. Эти два ряда нависают над ямой сантиметров на 20, опираются на заполнение и вместе с заполнением осели северными краями. От нижнего ряда сохранились на месте пять кирпичей, от верхнего – только два, остальные сбиты. На восточной стене остался нижний ряд кирпичей перекрытия (два кирпича). Кирпичного перекрытия вдоль северной стены нет. Заполнение ямы на уровне перекрытия (156-183 см от пола) выложено слоем камней (рис. 6, 2, 4). Камни речные, окатанные, небольших размеров (от 7x6x5 до 22x19x18 см).

Захоронение 1 (рис. 7). В могильной яме расчищено два костяка. Захоронение 2 (основное) уложено на полу, захоронение 1 (впускное) – скелет младенца – в заполнении ямы на высоте 87 см от пола у южной стены в 27 см от восточного края ямы. Сантиметров на 20 выше костяка были расчищены два обломка кирпича и три небольших речных камня, располагавшиеся компактно и перекрывавшие скелет. Голова и верхняя часть туловища погребенного были накрыты фрагментами горшка (рис. 7, 3, 4). Кости плохой сохранности, часть из них сдвинулась. Скелет расположен на правом боку головой на запад, из-за плохой сохранности детали позы не распознаются. Трубчатые кости рук находятся перед фрагментами черепа. Под костяком расчищена яичная скорлупа. В районе черепа зафиксирован сильно окисленный предмет из железа.

Захоронение 2 (рис. 7). Скелет располагался в деревянном (?) коробе, от которого в горизонтальных зачистках фиксируются узкие полоски органического тлена бледно-желтого цвета. Полоски в плане образуют четырехугольник вытянутой формы (163x33 см, высота 39 см). На полу тлен не зафиксирован, не было и перекрытия короба, следы гвоздей не обнаружены. Деревянное сооружение было сдвинуто к восточной стене ямы.

Костяк лежит на полу головой на запад (с отклонением к югу), туловище повернуто на правый бок, череп распался, ноги на правом боку, подогнуты. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локтевом суставе, кисть перекрывала кости предплечья правой руки. В районе черепа найдены височные кольца (рис. 7, 4), над костяком в заполнении – кусок кремня (рис. 7, 4).

Очевидно, захоронение 1 совершено позже основного, для чего надо было вскрыть перекрытие погребальной камеры. Однако следы вскрытия не фиксируются, впрочем, не замечены и факты, противоречащие такому предположению.

Погребение 9 (рис. 8; 9) находится в четырех метрах к ЮЗ от предыдущего. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ, азимут 225°. Перекрытие с повреждениями и следами вскрытия в древности. Глубина ямы 63 см от погребенной почвы и 180 см от современной дневной поверхности.

Яма в верхней части не фиксируется, размеры по кирпичным выкладкам на заплечиках 268x93 см. Длина ямы по полу 239, ширина до 78 см, глубина от кирпичей перекрытия 178, от нижнего ряда кирпичей юго-западной стены 154 см. ЮВ стена ямы немного выгнута наружу, заходит под заплечик. Заплечики (шириной в кирпич?) устроены на высоте 59-104 см от пола ямы.

Часть кирпичей кладки на заплечиках с разрушениями, использованы и половинки. Продольная СЗ стена в высоту насчитывает два (в ЮЗ части) – три кирпича. Основание, на котором выложена стена, не горизонтальное, юго-западные две трети заплечика наклонены к СВ. Здесь кирпичи и куски высохшего раствора перекрытия (следы повторного вскрытия) уложены без связующего раствора. ЮВ стена сложена из двух рядов кирпича, сохранилась ее СВ часть, кирпичи верхнего ряда наклонены в сторону ямы. На этой стене на своих местах сохранились два кирпича перекрытия. Поперечная СВ стена также насчитывает два ряда в высоту. Здесь сохранился один кирпич перекрытия. ЮЗ стена не сохранилась.

Перекрытие, очевидно, состояло из кирпичей, опиравшихся с одной стороны с уступом на кирпичные стены, выложенные на заплечиках, а с другой на заполнение погребальной камеры. После того, как могила была вскрыта для совершения второго захоронения, отдельные кирпичи и куски раствора были уложены на уровне перекрытия насухо, без подгонки. В ЮЗ части перекрытия использованы несколько обломков кирпичей, речные камни и куски раствора, составляющие выкладку с разрывами.

Основное захоронение находилось на полу на глубине 104 см от верхней точки перекрытия и 66 см от заплечиков.

Захоронение 1 (впускное) (рис. 9, 1, 3). Детский скелет находился в яме вытянутой четырехугольной формы (89x31 см), устроенной в заполнении СВ части ямы. Костяк плохой сохранности, часть костей сдвинута со своих мест. Погребение лежит на спине головой на ЮЗ. Детали позы не устанавливаются. Под правым плечом найдено бронзовое ремненное кольцо, второе кольцо – справа от груди (рис. 9, 3), здесь же расчищена галька (рис. 9, 3). В районе пояса с правой стороны обнаружены пряжка и костяная пуговица (рис. 9, 3). При расчистке погребения в отвале найден бесформенный фрагмент изделия из свинца (рис. 9, 3).

Захоронение 2 (рис. 9, 2, 4). Костяк находился в гробу, выявлен древесный тлен от стенок гроба, тлен крышки не зафиксирован. Железные гвозди (15 шт.) от него (рис. 9, 4) расчищены вокруг скелета. Размеры гроба по тлену стенок: длина 190 см; ширина «в ногах» 38, «в плечах» – 55 см, высота 29 см.

Погребение лежит вытянуто на спине, головой на юго-запад, череп повернут на правый бок, обращен лицевой частью к ЮВ. Руки согнуты в локтях, кисти сведены в районе живота. У нижней челюсти скелета обнаружены два височных кольца (рис. 9, 4). В заполнении над костяком был найден кусок ремня (рис. 9, 4).

Бросается в глаза, что кирпичные конструкции в могильных ямах погребений 8 и 9 сложены неумело. Очевидно, специальных знаний и навыков у строителей хватило лишь на сооружение имитации настоящего перекрытия. Несколько тщательнее построен склеп в погребении 7, здесь южная стена сложена с регулярной перевязкой рядов, швы изнутри затерты. Усыпальницы строились людьми, которые не владели в должной мере профессией каменщика и не имели достаточного опыта в строительстве подобных сооружений. Вероятно, это были представители местного населения, которые еще не до конца овладели приемами работы с новым для них строительным материалом. Правда, отмечалась небрежность кладки стен даже Татартупской мечети [Милорадович 1963: 80], а по наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова «грубая техника возведения стен» была присуща золотоордынскому градостроительству в целом [Федоров-Давыдов 1994: 74].

Ниже мы вернемся к типологии сооружений в погребениях 7-9, здесь же рассмотрим вещевые находки из них. Кувшинчик (рис. 5, 5) из погребения 7 небольшой (диаметр 90, высота 107 мм), тонкостенный, с раздутым туловом и высоким (55 мм) горлом. Сосуд красноглиняный, ангобированный; по горлу, плечикам и экватору опоясан штампованным орнаментом. Близкий по форме сосуд был найден на этом же могильнике [Деопик 1961: 48], наша находка разрешает сомнение автора в пользу его принадлежности погребению 3, а не культурному слою. Этот тип посуды редок и за пределами памятника не известен. Следует упомянуть и фрагменты горшка, которыми был прикрыт детский костяк в погребении 8. Удалось реконструировать профиль сосуда, высота горшка 257, диаметр венчика 174 мм (рис. 7, 4). Керамика охристого цвета, тулово украшено зонным горизонтальным рифлением, кромка венчика покрыта отпечатками поставленного под углом штампа. В формовочной массе присутствуют грубые примеси. На ЗКМ кухонная посуда этого типа известна в небольшом количестве и в предмонгольское время, но она темно-серого или черного цвета, тулова горшков покрыты сплошным рифлением или грубым сеточным орнаментом, присутствует также косая насечка или штамп по кромке венчика.

В погребениях 8 и 9 с основными захоронениями найдено по паре бронзовых височных колец в полтора оборота (диаметр 20-23 мм) (рис. 7, 4; 9, 4). Височные кольца и костяная пуговица в форме шарового сегмента (диаметр 18, толщина 6 мм) из погребения 9 (рис. 9, 3) рассмотрены выше при анализе находок из поздних катакомб, где они имеют аналогии.

С детским костяком из погребения 9 обнаружены бронзовые пряжка и два ременных кольца (рис. 9, 3). Пряжка цельнолитая, рамка ромбовидной формы, с овальным проемом, украшена насечкой (длина пряжки 40, ширина рамки 23 мм). Ременные кольца широко представлены на ЗКМ, однако среди них нет декорированных. Что касается пряжек, то нам не удалось подобрать прямых аналогий.

В погребениях 8 и 9 найдено по кусочку кремня, размеры 34x18 x17 мм; 24x20x6 мм (рис. 7, 4; 9, 4). Кремний покрыт молочного цвета патиной. Осколки не могли иметь функционального назначения⁹. Железные гвозди из погребения 9 кованые, четырехгранные с крупными шляпками (рис. 9, 3).

Таким образом, вещевые находки, извлеченные из погребений, немногочисленны, однако они позволяют датировать погребения золотоордынским временем. Нужно также отметить, что они перекликаются с погребальным инвентарем приведенных выше поздних катакомб.

Мусульманская атрибуция погребений и их связь с золотоордынским Верхним Джулатом не вызывает сомнений. Расстояние от исследованных погребений до раскопа В. Б. Деопик составляет около 150 м, что свидетельствует о значительных размерах могильника. Установлено, что золотоордынские мусульманские могильники оставлены городским населением. Змейский могильник также следует связывать с ордынским городским центром, располагавшимся на Верхнем Джулате. Аланский город возник в домонгольское время, после образования государства Джучидов он сохранил роль крупного политического и экономического центра на Северном Кавказе [Егоров 1985: 121; Милорадович 1963: 83-84; Джиоев 1982: 18-19; Ртвеладзе 1969: 265; Чеченов 1969: 115; Зиливинская 2003: 59].

На 1320-е – 1350-е годы приходится период наибольшего могущества государства Джучидов, это время расцвета градостроительства и городской культуры в Золотой Орде. Верхний Джулат не был в стороне от этих процессов. В это время здесь возводится ряд культовых сооружений; исследователи отмечают остатки трех мечетей и четырех христианских церквей [Крупнов 1963; Кузнецов 1971: 161; Кузнецов 1975: 108; Кузнецов 2003: 122-146; Милорадович 1963: 83], на городище выявлены и исследовались мусульманское и христианские кладбища [Милорадович 1963: 81, 82; Милорадович 1963а; Кузнецов 2003: 134, 140, 145]. Церковь и христианское кладбище открыты и исследовались в 1976 г. на правом берегу р. Терека [Кузнецов 2003: 143-146], раскопки двухслойного могильника возобновлены в конце 90-х годов [Чшиев 1998; Чшиев 1999].

Таким образом, город на Верхнем Джулате в первой половине XIV в. становится крупным центром двух мировых религий на Северном Кавказе. Разумеется, еще до возведения означенных культовых сооружений в городе были уже группы последователей этих религий, в противном случае не было бы смысла в строительстве мечетей и церквей. Оставляя в стороне вопрос о проникновении христианства в Верхний Джулат, повторим, что город был вовлечен в процесс исламизации улуса Джучи, начавшейся во второй половине XIII в.

⁹ Выражаю благодарность Н. И. Гиджрати за консультацию.

Мы уже отмечали, что исследователи сходятся в том, что в золотоордынскую пору на Верхнем Джулате сохраняется коренное аланское население. Само наличие Змейского мусульманского могильника подтверждает этот тезис – для пришлого мусульманского населения не было бы никакой необходимости основывать кладбище так далеко от места проживания, логичнее предположить, что часть аланского населения Верхнего Джулата, восприняв ислам и отказавшись от традиционного погребального обряда, продолжала тем не менее использовать для захоронения покойников территорию ЗКМ, где покоились их предки.

В связи с этим встает вопрос о хронологическом соотношении исследованных нами поздних катакомб и мусульманских погребений. Понятно, что вторые не могли предшествовать первым, однако не исключено, что два типа погребальных сооружений и две различные погребальные традиции использовались на кладбище какое-то время синхронно. Более того, это представляется весьма вероятным. Трудно представить, чтобы всё население одновременно отказалось от традиционного церемониала погребения и восприняло чуждый ритуал. В пользу тезиса о близости во времени или синхронности выявленных на участке катакомб и грунтовых погребений свидетельствует их топографическое (смежное) положение, а также соответствия в инвентаре, правда, малочисленные (ввиду незначительного количества находок).

Отметим, что на раскопанных участках восточного жилого холма Змейского городища, где вскрыты мусульманские погребения, катакомб не обнаружено [Деопик 1961; Крупнов, Деопик 1961], что может свидетельствовать о том, что этот участок могильника использовался позднее, когда аланы уже окончательно отказались от катакомбного обряда. Этот факт проливает свет на вопрос исторической топографии как ЗКМ, так и мусульманского кладбища.

Таким образом, нет ни пространственного разрыва между поздними катакомбами ЗКМ и погребениями мусульманского кладбища, ни разрыва временного, а часть мусульманских грунтовых могил появилась, когда катакомбный обряд еще использовался, т.е. в конце XIII – начале XIV в.

Тот факт, что аланы-мусульмане Верхнего Джулата продолжают хоронить покойников на старом (катакомбном) кладбище, где прежде похоронная процедура совершалась по традиционному обряду, весьма показателен. Расстояние от Верхнего Джулата до ЗКМ около 3 км, такая отдаленность кладбища от населенного пункта объясняется наличием в районе станицы Змейской мощных пластов глины, необходимых для сооружения катакомб. Для устройства могил по мусульманскому обряду нет нужды в особых

грунтах, поэтому целесообразным представлялось бы основание нового кладбища поближе к населенному пункту, такое решение было бы правильным и с конфессиональной точки зрения. Однако в данном случае превалировала целесообразность иного порядка. Очевидно, что в среде верхнеджулатских алан связи этнокультурные не уступили приоритет новым, привнесенным связям конфессиональным. Здесь, по видимому, мы сталкиваемся с тем же явлением, которое позже у осетин отмечалось неоднократно. Суть его в том, что осетины проявляли интерес и уважение к мировым религиям и могли охотно принимать христианство или ислам, но это для них никогда не подразумевало отказа от традиционной культуры и национальной религии, древней и монотеистической, как и мировые. «На самом же деле осетины не могут называться ни христианами, ни мусульманами: все они, строго говоря, придерживаются еще своей первобытной (понятно, что слово «первобытной» здесь следует понимать в смысле «предшествующей христианству и исламу» – Р.Ф.) религии» [Цаголов 1897: 274]. По этому же поводу интересное замечание находим у С. Г. Темирханова, видного общественного и культурного деятеля Осетии первой четверти прошлого века: «Ни православие византийское и грузинское, насаждаемое в средние века, ни мусульманство, приносимое с востока и севера, ни православие русское, насаждаемое полицейскими мерами, не укоренились в Осетии, и осетины по сию пору продолжают исповедовать веру своих предков...» [Темырханты 1994: 151]. Он находит объяснение этому феномену в универсальном и всепроникающем характере национальной религии, составляющей основу мировоззрения народа и уходящей корнями в осетинскую мифологию. И действительно, осетин-неофит, отказавшись от традиционных верований, регламентирующих и регулирующих все сферы общественной жизни, не мог сохранить своего места в традиционной социальной структуре [Блиев, Бзаров 2000: 172-173].

Два погребения с мусульманского кладбища на городище Верхний Джулат

Исследование мусульманского кладбища было начато в 1960 г., когда было раскопано девять грунтовых погребений [Милорадович 1963: 82].

В январе 1985 г. на городище Верхний Джулат при проведении земляных работ, предусмотренных проектом реставрации Татартупского минарета (рытье котлована под фундамент), на мусульманском кладбище, расположенном у мечети, было разрушено около двадцати грунтовых погребений и повреждены два подземных погребальных сооружения,

сложенных из кирпича (погребение 10) и камня (погребение 11), доследованных тогда же нами¹⁰.

Погребение 10 (рис. 10; 11) было совершено в подземном кирпичном склепе, выложенном на полу могильной ямы; расположено в 7,5 м к ЮЮВ от вертикальной оси реконструируемого минарета. Глубина пола ямы 150 см от современной дневной поверхности. Яма была вырыта в культурном слое городища (аланском и золотоордынском). В перемешанном, мерзлом грунте проследить яму и выкид из нее не удалось.

Сооружение в плане вытянутой четырехугольной формы, к западу немного расширяется (рис. 10, 1, 4). Продольная ось направлена по линии В-3 с незначительным отклонением к северу. Длина склепа составляет 197 см (без учета западного разрушенного края). Высота – до 72 см, ширина по нижнему ряду кладки у восточного края – 74 см, у западного края – 90. Ширина погребальной камеры соответственно 26 и 42, высота 48-55 см.

К нашему прибытию западная торцевая стена и западные края продольных стен были снесены бульдозером (рис. 11, 4), а костяк разрушен рабочими. Скелет, по их рассказам, лежал на спине головой на запад, находок не было.

Продольные северная и южная стены склепа сложены из квадратного кирпича на глиняном растворе, в кладке использовано небольшое число необработанных, мелких камней (рис. 10, 2, 3). Стены насчитывают по девять рядов кирпича в высоту (48-55 см), имеют небольшой наклон вовнутрь, в результате чего гробница кверху немного сужается. Западная торцевая стенка, как уже указывалось, снесена бульдозером, восточная составлена из крупного речного камня (37х22х28 см), прислоненного к торцам боковых стенок, а оставшаяся наверху щель закрыта кирпичной кладкой в четыре ряда, уложенной на этот камень.

Сохранившаяся часть перекрытия состоит из трех грубо обработанных плит и половинки жернова, опирающихся на стенки гробницы. Размеры плит 66х39х10 см; 67х50х14 см; 51х24х10 см; диаметр жернова 53 см. Щели между плитами закрыты обломками кирпича и камнями и замазаны глиной. Кирпичного пола в гробнице не было. Пол был разрыт рабочими, однако местами удалось проследить угольную подстилку.

Размеры кирпичей 24х24х4; 24,5х24,5х4 см, толщина шва 1,3-2,3 см. На части кирпичей кладки имелись следы известкового раствора, что указывает на вторичное их использование.

Погребение 11 (рис. 12). Костяк находился в сложенном из каменных плит подземном склепе¹¹, расположенном в 8,9 м к ЮЮЗ от вертикальной оси реконструируемого минарета и в 7,45 м к ЮЗЗ от погребения 10. Гробница ориентирована по линии В-3, с незначительным отклонением на север, заложена на глубине 180 см от современной дневной поверхности.

При устройстве спуска в котлован бульдозер срезал яму и верхнюю часть склепа, костяк сохранился на месте, повреждены кости левой ноги. Стены были сложены из разноразмерных плит и блоков туфогенного песчаника на глиняном растворе. Часть камней слегка отесана, другая почти не подвергнута обработке. В отвале обнаружено несколько плит и обломков.

¹⁰ Выражаю признательность Ф. С. Дзугцеву и И. К. Катаеву, участвовавшим в спасательных работах в морозные дни января 1985 г.

¹¹ Сооружение принципиально ничем (если исключить материал, из которого оно возведено) не отличается от известных золотоордынских мусульманских кирпичных склепов, например, вышеописанного, поэтому мы сохраняем за ним это название.

Склеп вытянутой (В-3) подчетыреугольной формы (рис. 12, 1), к западу немного расширяется. Длина гробницы 255 см, длина погребальной камеры 190 см, ширина у западного края 47 см, у восточного – 35 см. От южной стены сохранился, главным образом, нижний ряд кладки, остатки ее лежат в один ряд, плиты выровнены с внутренней стороны. На небольшом участке стены (в западной части) насчитывается в высоту три ряда кладки (59 см), видимо, стена здесь сохранилась на всю высоту. Размеры блоков (в последовательности: длина, ширина, высота): 31х14х19; 30х17х18; 32х15х20; 31х12х19 см и т.д. На стыке южной и восточной стен в кладке использован один кирпич, поставленный на ребро.

Северная продольная стена пострадала больше, около половины ее (в восточной части) разрушено до основания. Сохранились на месте три камня нижнего ряда кладки: два у западного края и один у восточного. Размеры блоков 37х21х35; 38х20х18; 28х16х24 см. Западная стена состоит из крупной плиты подчетыреугольной формы (46х40х16 см), на которую поставлен один уплощенный камень, плита стоит на ребре между западными краями продольных стен. Восточная стена также составлена из каменной плиты неправильной формы (35х29х12 см), поставленной на ребро, с востока плита подпирается крупной каменной глыбой. В кладке использованы небольшие окатанные камни. Щели и пустоты залиты глиняным раствором. Перекрытие снесено.

Погребение уложено вытянуто на спине головой на запад. Верхняя часть туловища повернута на правый бок, череп лицевым отделом направлен на юг. Нижняя челюсть находится перед лицевыми костями. Правая рука вытянута вдоль тела, левая полусогнута в локтевом суставе, кости кисти лежат на правом краю таза. Ноги вытянуты. Находок нет.

Все погребения, исследованные на кладбище во время раскопок 1961 г., были совершены в грунтовых ямах, кирпичных склепов или иных дополнительных устройств не было обнаружено. Очевидно, сооружение подобное каменному склепу в погребении 11 было раскопано Ф. С. Панкратовым (Гребенцом) близ минарета в 1912 г.

Погребальные сооружения, построенные с использованием жженого квадратного кирпича, характерны для городских мусульманских некрополей Золотой Орды и хорошо исследованы как в Нижнем Поволжье, так и на Северном Кавказе и в других местах. Змейский и Верхнеджулатский мусульманские могильники сопоставимы с ними и входят в круг этих памятников.

Требования, предъявляемые ортодоксальным исламом к погребальному обряду, исследовались Е. А. Халиковой [Халикова 1986: 44-47] на основе изучения различных источников, в том числе трудов средневековых мусульманских правоведов. Особенности обряда, которые оставляют материальные следы и доступны археологическому изучению, сводятся к следующему:

- погребения совершаются в индивидуальных могилах;
- могильная яма должна располагаться перпендикулярно к кибле (направление на Мекку);
- в продольной стене могилы, обращенной к кибле, сооружается подбой – ляхд;

– покойник, обернутый в саван, должен быть уложен в ляхде так, чтобы голова, повернутая на правый бок, лицом была обращена на киблу;

– кроме савана с покойником не может быть никаких вещей, в том числе одежды, украшений и пр.;

– подбой после этого закладывается кирпичом, камышом или деревом;

– могила засыпается с возведением холмика, создавать надгробные сооружения или отмечать могилы камнями не рекомендуется.

Мусульманский канон допускает отступления от перечисленных требований. Могильная яма может быть с вертикальными стенами, т.е. без ляхда (например, при рыхлом грунте). В этом случае рекомендуется использовать гроб (табут) или обкладывать могилу кирпичом. Может быть использована также могильная яма с заплечиками для устройства перекрытия. Таким образом, погребения могут совершаться в могильных ямах трех видов:

1) ямы с ляхдом;

2) ямы с вертикальными стенами; погребения в деревянных гробах или кирпичных гробницах;

3) ямы с заплечиками для сооружения перекрытия.

Попутно отметим, что ортодоксальный ислам допускает и установление надгробных сооружений, отмечающих могилы.

Все исследованные нами погребения найдены в грунтовых ямах с вертикальными стенами, т.е. без ляхда, но с дополнительными устройствами. В двух случаях (погребение 7 Змейского и погребение 10 Верхнеджулатского могильников) захоронения были совершены в кирпичных склепах, в одном – погребение 11 Верхнеджулатского могильника – в склепе, сложенном из каменных блоков. Ямы с выявленными сооружениями укладываются во второй вид могил, предусмотренных мусульманским обрядом: яма с вертикальными стенами и кирпичными гробницами. Использование камня вместо кирпича (погребение 11 Верхнеджулатского могильника) можно объяснить доступностью этого строительного материала, напомним также, что и погребение 10 перекрыто каменными плитами. На других возможных причинах использования этого материала мы остановимся ниже.

Кирпичные склепы хорошо известны на кладбищах Золотой Орды, по материалам некрополя Водянского городища Л. Т. Яблонский выделил их в первый тип погребального обряда – по мнению автора, они «принадлежат представителям социальной верхушки золотоордынского города» [Яблонский 1980: 90]. Правда, там кирпичные склепы чаще всего предполагаются на территории мавзолеев и мечетей, над

верхнеджулатскими склепами же надгробных сооружений не выявлено. Сводка золотоордынских мусульманских погребений с городских кладбищ Терско-Кумского междуречья приведена Е. И. Нарожным, на некрополе города Маджара автор отметит семь кирпичных склепов, исследованных в разные годы [Нарожный 1988: 166].

Погребения 8 и 9 Змейского могильника совершены в ямах с заплечиками и кирпичными перекрытиями. Что касается следов деревянных гробов в могилах, то это черта, которая сближает эти погребения с обрядом на Джулатском кладбище. Полагаем, нет необходимости возводить использование гробов на этих кладбищах к кабардинской погребальной традиции [Милорадович 1963: 82], мы уже отмечали, что мусульманский обряд допускает использование гробов в могилах без ляхда. Ямы с заплечиками и перекрытиями – это третий вид могил, разрешенных канонами, он широко использовался на городских кладбищах улуса Джучи. Ближайшие аналогии опять же находим в материалах из Маджара [Нарожный 1988: 166; рис. 1]. Близость материалов с могильников Верхнего Джулата к маджарским понятна, поскольку г. Маджар, крупнейший центр Джучидов на Северном Кавказе, исходя из его географического положения и политического значения, должен был служить связующим звеном между Верхним Джулатом и Поволжьем – центром «городской золотоордынской жизни» [Федоров-Давыдов 1966: 201]. Более того, Л. Т. Яблонский включает г. Маджар в один из двух – нижневолжский ареал «складывания и распространения мусульманского погребального обряда» [Яблонский 1975: 83], что предполагает особую роль Маджара в распространении ислама и мусульманской обрядности на аланские города Северного Кавказа¹².

Таким образом, в разные годы на двух золотоордынских мусульманских кладбищах городища Верхний Джулат выявлены и исследованы следующие типы погребальных сооружений: грунтовые ямы без ляхда (на обоих могильниках), кирпичные (и каменные) склепы (на обоих могильниках), ямы с заплечиками и кирпичными перекрытиями (Змейский могильник). Ряд авторов сообщает о мавзолеев в районе Верхнего Джулата [Милорадович 1962: 58; Нарожный 1988: 163; Зиливинская 2003: 59], однако прямых археологических подтверждений этому до настоящего времени нет [Кузнецов 2003: 27, 167].

¹² Особая роль в распространении ислама на территорию Золотой Орды принадлежала среднеазиатским шейхам, новую религию от них принимали сами ханы [Тизенгаузен 1941: 19, 205, 206]. В первой трети XIII в. на Северном Кавказе отмечается также деятельность шейхов арабского происхождения.

Надо иметь в виду, что санкционированные нормы мусульманского погребального обряда в золотоордынских городах были переосмыслены, исследователи некрополей Поволжья объясняют поливариантность использовавшихся городским населением погребальных сооружений факторами социальным и этническим, отдавая при этом приоритет первому [Яблонский 1980: 93, 103, 104; Яблонский 1975: 79; Яблонский 1986: 14-15; Федоров Давыдов 1984: 92].

При решении вопроса о принадлежности различных типов погребальных сооружений на Змейском и Джулатском могильниках, следует руководствоваться исключительно фактором социальным, поскольку антропологи не фиксируют монголоидных признаков в физическом облике населения Верхнего Джулата [Алексеев, Беслекоева 1963: 121; Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 226; Яблонский 1986: 23]. Понятно, что в случае присутствия на Верхнем Джулате монгольского этнического компонента, именно его представители занимали бы верхние ступени городской иерархии, как это имело место в городах Поволжья [Яблонский 1986: 24], где монголы лишь к концу XIV в. «перестают быть группировкой, замкнутой в социальном, культурном и этническом отношении» [Яблонский 1980: 103, 104].

Исходя из этого, следует считать, что в склепах мусульманских кладбищ Верхнего Джулата, как и в некрополях Нижнего Поволжья, погребались представители городской знати, в то время как рядовых горожан хоронили в грунтовых ямах без дополнительных сооружений.

Остается решить вопрос о принадлежности погребений в ямах с заплечиками и перекрытиями (погребения 8 и 9). Очевидно, что они сооружались не для рядовых горожан, однако мы не видим достаточных оснований для соотнесения этого типа погребальных сооружений с особым стратом городской социальной структуры. Можно предположить, что погребения 8 и 9 оставлены социальной группой, которая использовала и склепы, но этот тип погребальных сооружений предшествовал склепам. Кирпичные стены и перекрытия в погребениях 8 и 9 сооружены неумело, тогда как кирпичные склепы построены с куда большим мастерством. Этот факт как будто подтверждает тезис о том, что ямы с перекрытиями предшествовали склепам: склепы появились позже, когда укрепилась традиция строительства из кирпича. Кроме того, погребениям 8 и 9 в отличие, скажем, от верхнеджулатских, еще присущи многочисленные черты, характерные для предшествовавшей погребальной традиции.

Выше мы пришли к выводу, что исследованные нами поздние катакомбы следует датировать кон-

цом XIII – первой половиной XIV в., а первые погребения Змейского мусульманского могильника появились в период, когда катакомбы еще использовались. Кладбище же у Татартупской мечети возникло после ее сооружения. Строительство мечети датируется временем правления хана Узбека (1313-1342 гг.) [Милорадович 1963: 86; Кузнецов 2003: 126]. Из сказанного следует, что Верхнеджулатский могильник возник позже Змейского. Такой вывод подтверждается также более строгим выполнением обряда на этом могильнике (соблюдение киблы, отсутствие вещей в могилах) – очевидно, кладбище у мечети использовалось в то время, когда ислам уже укрепил свои позиции в городе.

Ввиду слабой изученности Змейского мусульманского могильника вопрос о его верхней дате пока не поддается решению, можно лишь предположить, что она связана с началом функционирования Верхнеджулатского кладбища, рядом с которым стояла притягательная для мусульман святыня – мечеть.

Что касается кирпича-плинфы, использованного для строительства погребальных сооружений, то мы не беремся использовать формат и другие особенности кирпича для рассуждений о датировке погребений. Однако мы исходим из того, что производство кирпича экономически оправдано лишь при массовой и длительной потребности в этой продукции. Условия и необходимость в массовом производстве кирпича появляются на Верхнем Джулате в связи с началом интенсивного градостроительства в Золотой Орде, первые этапы которого приходятся еще на 40-е – 60-ые годы XIII в. [Егоров 1985: 78], а расцвет – на время правления ханов Узбека (1313-1342 гг.) и Джанибека (1342-1357 гг.), когда государство Джучидов достигает наибольшего могущества.

Руководствуясь этими соображениями, можно полагать, что погребение 10 Джулатского могильника должно быть моложе погребений 7-9 Змейского кладбища, поскольку при строительстве его склепа использован кирпич, бывший уже в употреблении. Гробница же в погребении 11 сложена из песчаниковых плит, возможно потому, что ко времени совершения этого захоронения кирпич на городище уже не производился, и обычное для мусульманских кладбищ кирпичное погребальное сооружение было воспроизведено в камне. В связи с этим вспомним, что мавзолей Борга-каш, датируемый 808 г.х. (1405-1406 гг.) [Лавров 1966: 130], является единственным мавзолеем, сооруженным не из кирпича – традиционного строительного материала культовых и погребальных сооружений золотоордынской поры, а из камня [Даутова 1983: 39]. Этот факт обоснованно объясняется тем, что после опустошительного нашествия Тимура

золотоордынские центры на Северном Кавказе приходят в упадок, и ремесленное производство в городах было подорвано [Нечаева 1978: 90]. Впрочем, производство кирпича в Верхнем Джулате могло быть прекращено и раньше в связи с затуханием градостроительной деятельности в Орде из-за наступившего уже в 60-70-ые годы XIV в. общего кризиса государства [Егоров 1985: 77, 78; Федоров-Давыдов 1994: 17, 18].

На многих средневековых и более поздних мусульманских некрополях археологи фиксируют различные отступления от канонического обряда. Эти отступления обычно объясняются живучестью местных традиций, оформлением «локальных форм» мусульманской обрядности, недостаточным знанием или пониманием канона. Конечно, не следует ожидать, что и на Змейском и Верхнеджулатском мусульманских могильниках погребения совершались с полным соблюдением законодательных сводов.

Наиболее строгими требованиями в мусульманском погребальном ритуале являются соблюдение киблы и запрет на все виды погребального инвентаря, за исключением савана [Халикова 1986: 45-46]. Во многих случаях при археологическом исследовании эти же признаки остаются диагностическими в мусульманской атрибуции погребений. Кибла имеет важное значение в мусульманской обрядности, в связи с этим достаточно отметить, что одной из задач средневековых арабских географов было установление киблы для различных стран [Калинина 1988: 8, 13]. Соблюдение киблы в погребальной практике выражается в том, что лицо покойника за счет поворота головы на правый бок обращено к храму Кааба в г. Мекке; туловище уложенного вытянуто погребения также может быть в той или иной степени повернуто на правый бок.

Рассмотрим материалы раскопанных нами погребений с целью установления степени соответствия погребального ритуала канону и поиска объяснения отступлениям от него. Город Мекка относительно Центрального Кавказа расположен на юге (отклонение к западу незначительно и им можно пренебречь), следовательно, кибла для района ст. Змейской и территории всей республики – южное направление, что диктует туловище мусульманских погребений в ямах головой на запад и лицом к югу. На Верхнеджулатском могильнике кибла выдержана достаточно строго, на Змейском – отклонения существенны. Все погребения, раскопанные В. Б. Деопик, ориентированы головами на юго-запад, не всегда фиксируется поворот головы на правый бок. Погребения 7 и 8 ориентированы на запад с отклонением к югу более 10°. Погребение 9 ориентировано головой на ЮЗ. Значительные отклонения от истинного направления киблы имеют место на многих мо-

гильниках.

Вслед за другими исследователями мы полагаем, что на ЗКМ ритуал не требовал соблюдения определенной ориентации катакомб предмонгольского времени по сторонам света, направление их диктовалось рельефом местности (направлением склона). Для захоронений же в камерах правилом является расположение их головами налево от лаза (в диапазоне С – СВ – В), исключения редки. Отклонение от киблы приведенных выше погребений, как видно, не связано с традиционным обрядом. Очевидно, люди, хоронившие покойников на Змейском кладбище, не имели точного представления о кибле, либо не умели ее определять. На Верхнеджулатском могильнике определение киблы не должно было вызывать затруднений: рядом располагался весьма наглядный ориентир – мечеть. Направление же мечети при сооружении могло быть определено инструментально.

Имеются также другие отступления от канона, которые мы считаем реликтами традиционного аланского обряда. Во всех исследованных нами погребениях Змейского могильника найден инвентарь: керамический сосуд, височные кольца, костяная пуговица, пряжка и др. Незначительное количество находок с могильника отмечалось и прежде [Деопик 1961: 49], вспомним, что для аланского обряда характерен обильный погребальный инвентарь. В погребениях 8 и 9 помимо основных погребений найдено еще по костяку ребенка. Катакомбы Змейского и других могильников, как известно, представляли собой семейные усыпальницы, где рядом с взрослыми погребались и дети. В погребениях 8 и 9 мусульманского могильника детские костяки расчищены не рядом с основными погребениями, а выше в заполнении могил, очевидно, этот вариант является компромиссным между обрядами традиционным и мусульманским, который регламентирует индивидуальные могилы. В погребении 8 у детского черепа зафиксирована яичная скорлупа, над этим же захоронением расчищено несколько камней и обломков кирпича, куриные яйца с погребениями детей, как и каменные выкладки над детскими скелетами в грунтовых ямах, довольно стабильные элементы обряда на ЗКМ.

В связи с использованием яиц при погребении детей у алан, заметим, что яичная скорлупа встречается с детскими погребениями и на других позднесредневековых могильниках Осетии. Так, этот компонент обнаружен «...при вскрытии всех детских могил...» у сел. Махческ в Дигорском ущелье, где раскапывались каменные ящики [Уварова 1900: 257]. Материалы осетинской этнографии дают основание полагать, что этот обычай в трансформированном виде сохранился до позднейшего времени. На моги-

лу ребенка старше одного года «мать носила молоко в яичной скорлупе, заклеенной кусочком теста. Скорлупу закапывали в могилку или просто выливали молоко на могилку» [Дзуцев, Бесаева 1994: 60-61]. Яйцо использовалось у осетин и в некоторых других (не только погребальных) обрядах, связанных с детьми, в частности – в магических действиях, призванных заменить яйцом душу ребенка, которой что-то угрожало [Дзуцев, Бесаева 1994: 53, 61].

Известно также, что в староосетинском быту было принято одаривать детей куриными яйцами, «яйца служили большим лакомством для детей» [Хетагуров 1951: 222]. Наличие в осетинском языке слова «гжвдwan, гжвdawap – предмет служащий для того, чтобы сделать приятное, ублажить, утешить кого-либо» [Абаев 1973: 386] в качестве второго, эвфемистического названия яйца, связано, на наш взгляд, с обычаем одаривать куриными яйцами детей. Этот обычай дожил у осетин до середины XX в., пока яйца в этой роли не были вытеснены кондитерскими изделиями.

Можно полагать, что яйца клались в детские погребения в качестве напутственной пищи и не несли другой идеологической нагрузки. В то же время напомним, что были попытки объяснить находки яичной скорлупы в аланских катакомбах воздействием христианства [Мамаев 1988: 138, 139].

В погребении 8 основное погребение располагается на правом боку с полусогнутыми ногами. Такая поза не характерна для мусульманских погребений, хотя канонические нормы и не оговаривают положение ног покойника. На ЗКМ же с подогнутыми ногами хоронили женщин.

В связи с рассматриваемым вопросом особое внимание обращает на себя факт использования половинки жернова в перекрытии погребения 10 кладбища на Верхнем Джулате. Полагаем, что это не случайность. Жернова в качестве закладных плит в катакомбах использовались, как известно, в средневековом аланском обряде (жерновом был закрыт лаз и в катакомбе 144). Этот элемент обряда нес большую эмоциональную нагрузку¹³, особое значение жерновов в средневековой погребальной процедуре нашло отражение в фольклоре осетин [Кузнецов 1961: 130; Куссаева 1961: 53]. Более того, этнографы фиксируют факты использования жерновов в погребальной практике осетин высокогорной зоны еще в 20-х годах прошлого века [Калоев 1999: 195]. Поэтому нашу находку мы считаем этническим индикатором погребенного в данном склепе.

¹³ Вероятно, жернова ручных мельниц в древнеосетинском быту наряду с очагом и надочажной целью имели сакральное значение. В связи со сказанным заметим, что к жерновам, даже отработанным, у осетин было особое отношение [см. Пчелина 1966: 272; Узаттиаты 2002: 230-231].

В этом же погребении на полу гробницы зафиксирована угольная прослойка – элемент, присутствующий также традиционному погребальному обряду алан. Наличие угля отмечалось и прежде в погребениях христианского и мусульманского кладбищ Верхнего Джулата [Милорадович 1963: 82; Милорадович 1963а: 105]. Древесный уголь использовался в погребальном обряде и других средневековых народов, например, кабардинцев [Нагоев 2000: 43-44], однако в иной форме.

Таким образом, почти все особенности и отступления от канонического мусульманского обряда в рассмотренных погребениях объяснимы пережиточным влиянием предшествующей аланской погребальной традиции.

Приведенные наблюдения, а также утверждение антропологов об отсутствии монгольского компонента на Верхнем Джулате, конечно, не означают, что население города было этнически однородным. Исследователи приходят к выводу о полиэтничности населения средневековых аланских городов [Кузнецов 1999: 234; Гадло 1994: 181]. В то же время, накопленные материалы погребальных памятников Верхнего Джулата XIII-XIV вв. (возможно, не достаточно полные), на наш взгляд, не содержат элементов иной этнокультурной традиции¹⁴; с еще большим основанием это утверждение применимо к материалам предмонгольского времени. Не отрицая возможность присутствия на средневековом Верхнем Джулате групп постоянного пришлого населения, вместе с тем следует отказаться от тезиса об «этнической пестроты» применительно к населению этого средневекового города, поскольку она не подтверждается археологическими данными.

Итак, аланское население одного из крупнейших городов средневековой Алании, располагавшегося на Верхнем Джулате, смогло пережить последствия татаро-монгольских завоеваний и сохранило доминирующие позиции в городе, который стал одним из опорных центров государства Джучидов на Северном Кавказе. Аланское население на Верхнем Джулате оставалось преобладающим в течение XIV в. и лишь в конце XIV в. после нашествия Тимура происходит смена населения. Разумеется, соотношение долей местного и пришлого населения на Верхнем Джулате в XIV в. не оставалось постоянным, и, учитывая перемещения больших этнических групп, имевших место в это время, а также постоянный отток населения из города, в частности для несения службы ¹⁴ В. А. Кузнецов [2003: 161-162] сообщает о предположительно половецких погребениях на Верхнем Джулате, однако судить о них невозможно, т. к. материалы погребений практически не опубликованы.

в золотоордынских войсках, динамика этого соотношения, по-видимому, была не в пользу аланского компонента.

Материалы погребальных комплексов золотоордынской эпохи из района станицы Змейской и городища Верхний Джулат позволяют в общих чертах и с определенной вероятностью реконструировать эволюцию похоронной практики аланского населения Верхнего Джулата на последнем, золотоордынском этапе существования города. И, поскольку переменны в погребальном обряде тесно связаны с изменениями в идеологической сфере, наши материалы проливают свет и на этот аспект истории населения, оставившего рассмотренные погребальные памятники.

1. Аланы Верхнего Джулата в XIII – первой половине XIV в., как и в предшествовавшее время, продолжают погребать своих покойников на ЗКМ. Верхнюю дату могильника следует отодвинуть по крайней мере до середины XIV в. Архитектура змейских катакомб не претерпевает изменений, погребальная процедура же в золотоордынское время, судя по рассмотренным материалам, заметно меняется: складывается золотоордынский вариант змейского катакомбного погребального обряда – результат новой профессиональной ситуации.

2. Начиная со второй половины XIII в., часть аланского населения Верхнего Джулата принимает ислам и отказывается от традиционного катакомбного погребального обряда в пользу мусульманского, продолжая тем не менее хоронить своих покойников в районе ЗКМ. Возникает Змейское мусульманское кладбище золотоордынского времени (конец XIII -

первая половина XIV в.). Несколько позже у Татартупской мечети (после ее постройки), было основано второе мусульманское кладбище Верхнего Джулата. Христианское население города в это время хоронит своих покойников на кладбищах у церквей.

3. В материалах двух мусульманских кладбищ Верхнего Джулата выявляются реликтовые черты предшествовавшего катакомбного обряда, что свидетельствует о живучести традиционных идеологических представлений средневековых алан, а также о том, что мусульманские погребальные памятники у станицы Змейской и у Татартупского минарета оставлены аланским населением Верхнеджулатского городища, где располагался один из городских центров Золотой Орды, что, впрочем, не исключает, что на могильниках, особенно на Верхнеджулатском, могли погребать покойников и иной этнической принадлежности.

В заключение отметим, что ислам в Золотой Орде получил распространение лишь в городской среде. Очевидно, такая же картина была и на Северном Кавказе, и в Алании. Во всяком случае, многочисленные археологические памятники Верхнего Джулата ордынского времени свидетельствуют о широком распространении мусульманской религии (наряду с христианством) в этом крупнейшем городском центре средневековой Алании. Имеющиеся материалы, в том числе археологические, показывают, что после распада Золотой Орды и походов Тимура, имевших катастрофические последствия для Алании, влияние мусульманской религии практически сходит на нет. Ее активное распространение на Северном Кавказе возобновляется лишь в новое время [Новосельцев 1989: 84].

Литература:

- Абаев 1973 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973.
- Абаев 1979 – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979.
- Алексеев, Беслекоева 1963 – Алексеев В. П., Беслекоева К. Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114. 1963.
- Алемань 2003 – Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003
- Багаев 1984 – Багаев М. Х. Раскопки позднесредневекового могильника у селения Автуры // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- Батчаев 1992 – Батчаев В. М. Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа этнической истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992.
- Батыров 1997 – Батыров У. А. Похоронный обряд мусульман. Владикавказ, 1997.
- Блиев, Бзаров 2000 – Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000.
- Гадло 1994 – Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб., 1994.

- Герасимова, Рудь, Яблонский 1987* – Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
- Даутова 1983* – Даутова Р. А. О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.
- Даутова, Мамаев 1974* – Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой // СА, 1974, № 3.
- Деопик 1961* – Деопик В. Б. Змейское средневековое селище // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО. Т.1. Орджоникидзе, 1961.
- Деопик, Крупнов 1961* – Деопик Д. В., Крупнов Е. И. Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО. Т. 1. 1961.
- Джиоев 1982* – Джиоев М. К. Алания в XIII-XIV вв. – Дисс. ...канд. ист. наук. М., 1982.
- Дзаттиаты 2002* – Дзаттиаты Р. Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ, 2002.
- Дзуцев, Бесаева 1994* – Дзуцев Х. В., Бесаева Т. З. Этнография детства у осетин. Владикавказ, 1994.
- Егоров 1985* – Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985.
- Зиливинская 2003* – Зиливинская Э. Д. Археологические исследования памятников Золотой Орды на Северном Кавказе // РА, 2003, № 2.
- Ирон тауржгътж 1987* – Ирон тауржгътж (Осетинские легенды). Сост. Джикаев Ш. Ф. Орджоникидзе, 1987.
- Калинина 1988* – Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988.
- Калоев 1999* – Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.
- Ковалевская 1981* – Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X-XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.
- Ковалевская 1995* – Ковалевская В. Б. Археологическая культура - практика, теория, компьютер. М., 1995.
- Кокиев 1929* – Кокиев Г. А. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартупа и Дзулата // Записки Северокавказского горского НИИ. Т. II. Ростов-на-Дону, 1929.
- Крупнов 1963* – Крупнов Е. И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114. 1963.
- Кузнецов 1959* – Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА, 1959, № 2.
- Кузнецов 1961* – Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО. Т. 1. 1961.
- Кузнецов 1962* – Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, № 106. 1962.
- Кузнецов 1963* – Кузнецов В. А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114. 1963.
- Кузнецов 1971* – Кузнецов В. А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Кузнецов 1973* – Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // СА, 1973, № 2.
- Кузнецов 1975* – Кузнецов В. А. Церкви Верхнего Джулата их время и интерпретация // Тезисы докладов V Крупновских чтений. Махачкала, 1975.
- Кузнецов 1995* – Кузнецов В. А. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Кузнецов 1999* – Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X-XII веках. Ставрополь, 1999.
- Кузнецов 2003* – Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003.
- Куссаева 1961* – Куссаева С. С. Аланский катакомбный могильник XI-XII вв. у станицы Змейской // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. МАДИСО. Т. 1. 1961.
- Лавров 1966* – Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и

- турецком языке. Ч. 1. Надписи X-XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966.
- Мамаев 1979* – Мамаев Х. М. О городе Дедакове и Алханкалинском городище // Актуальные вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Мамаев 1988* – Мамаев Х. М. Погребальный обряд раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Притеречья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Миллер 1988* – Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 1988.
- Милорадович 1962* – Милорадович О. В. Исследования городища Верхний Джулат в 1960 г. // КСИА, № 90. 1962.
- Милорадович 1963* – Милорадович О. В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114. 1963.
- Милорадович 1963а* – Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114. 1963.
- Милорадович 1976* – Милорадович О. В. Знаки на керамике Верхнего Джулата // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1976.
- Нагоев 1987* – Нагоев А. Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. Нальчик, 1987.
- Нагоев 1981* – Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.). Нальчик, 1981.
- Нагоев 2000* – Нагоев А. Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000.
- Нарожный 1988* – Нарожный Е. И. К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Кумского междуречья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Нечаева 1975* – Нечаева Л. Г. О генетической связи аланской и осетинской культуры позднего средневековья // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. III. Орджоникидзе, 1975.
- Нечаева 1978* – Нечаева Л. Г. О мавзолеях Северного Кавказа // Материальная культура и хозяйство народов Северного Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978.
- Новосельцев 1989* – Новосельцев А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // ВИ, 1989, № 8.
- Плетнева 1973* – Плетнева С. А. Древности Черных Клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М., 1973.
- Пчелина 1966* – Пчелина Е. Г. Осетинская мельница “къада куырой” // Известия СОНИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.
- Ртвеладзе 1969* – Ртвеладзе Э. В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорья. // СА, 1969, № 4.
- Савенко 1986* – Савенко С. Н. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца IX – первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
- Семенов 1947* – Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947.
- СИЭ 1964* – СИЭ. Советская историческая энциклопедия. Т. V. 1964.
- Темырханты 1994* – Темырханты С. Народная религия осетин // Иры истори. Владикавказ, 1994.
- Тизенгаузен 1941* – Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. М.-Л., 1941.
- Уварова 1900* – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1900.

- Федоров-Давыдов 1966* – Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Федоров-Давыдов 1984* – Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья. // СА, 1984, № 3.
- Федоров-Давыдов 1981* – Федоров-Давыдов Г. А. Монгольское завоевание и Золотая Орда. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Федоров-Давыдов 1994* – Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Халикова 1986* – Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Болгарии X – начала XIII в. Казань, 1986.
- Хетагуров 1951* – Хетагуров К. Л. Особа (Этнографический очерк). // Собрание сочинений. Т. III. М., 1951.
- Цагаева 1975* – Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе, 1975.
- Цаголов 1897* – Цаголов Г. А. Влияние религиозных обрядов на благосостояние осетин // Газ. «Новое обозрение», № 4494. 1897. (цит. по: «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах». Сост. Чибиров Л. А. Кн. II. Цхинвал, 1982.)
- Чеченов 1969* – Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
- Чшиев 1998* – Чшиев В. Т. Отчет о разведочных раскопках близ сел. Эльхотова Кировского района РСО-Алания в 1996 году. 1998. // АИИА
- Чшиев 1999* – Чшиев В. Т. Отчет о раскопках двухслойного грунтового могильника близ сел. Эльхотово Кировского районана РСО-А в 1998 году. 1999. // АИИА
- Яблонский 1975* – Яблонский Л. Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды. Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1975, № 2.
- Яблонский 1980* – Яблонский Л. Т. Мусульманский некрополь Водянского городища. СА, 1980, № 1.
- Яблонский 1986* – Яблонский Л. Т. Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей) // Проблемы антропологии древнего и современного населения советской Азии. Новосибирск, 1986.

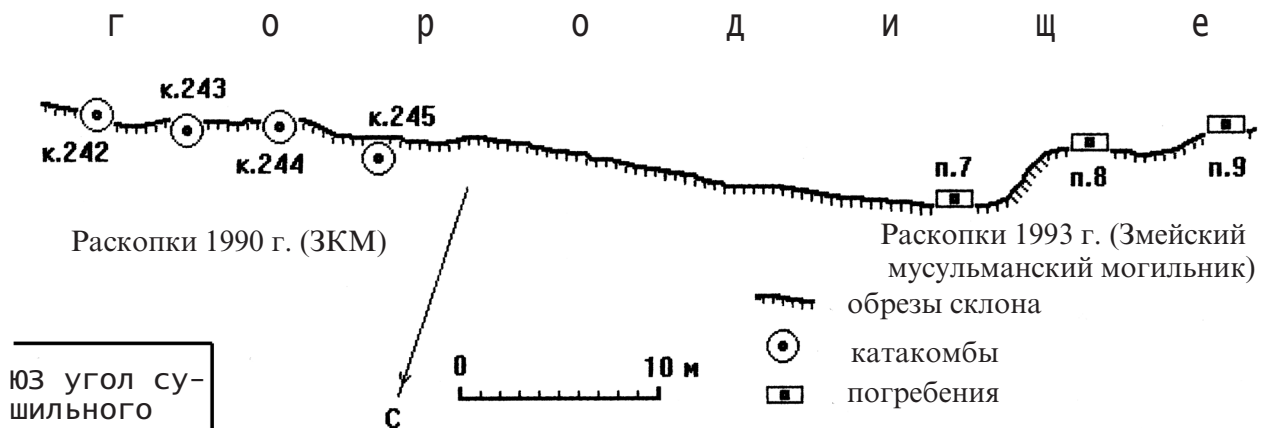

Рис. 1. Ситуационный план раскопок

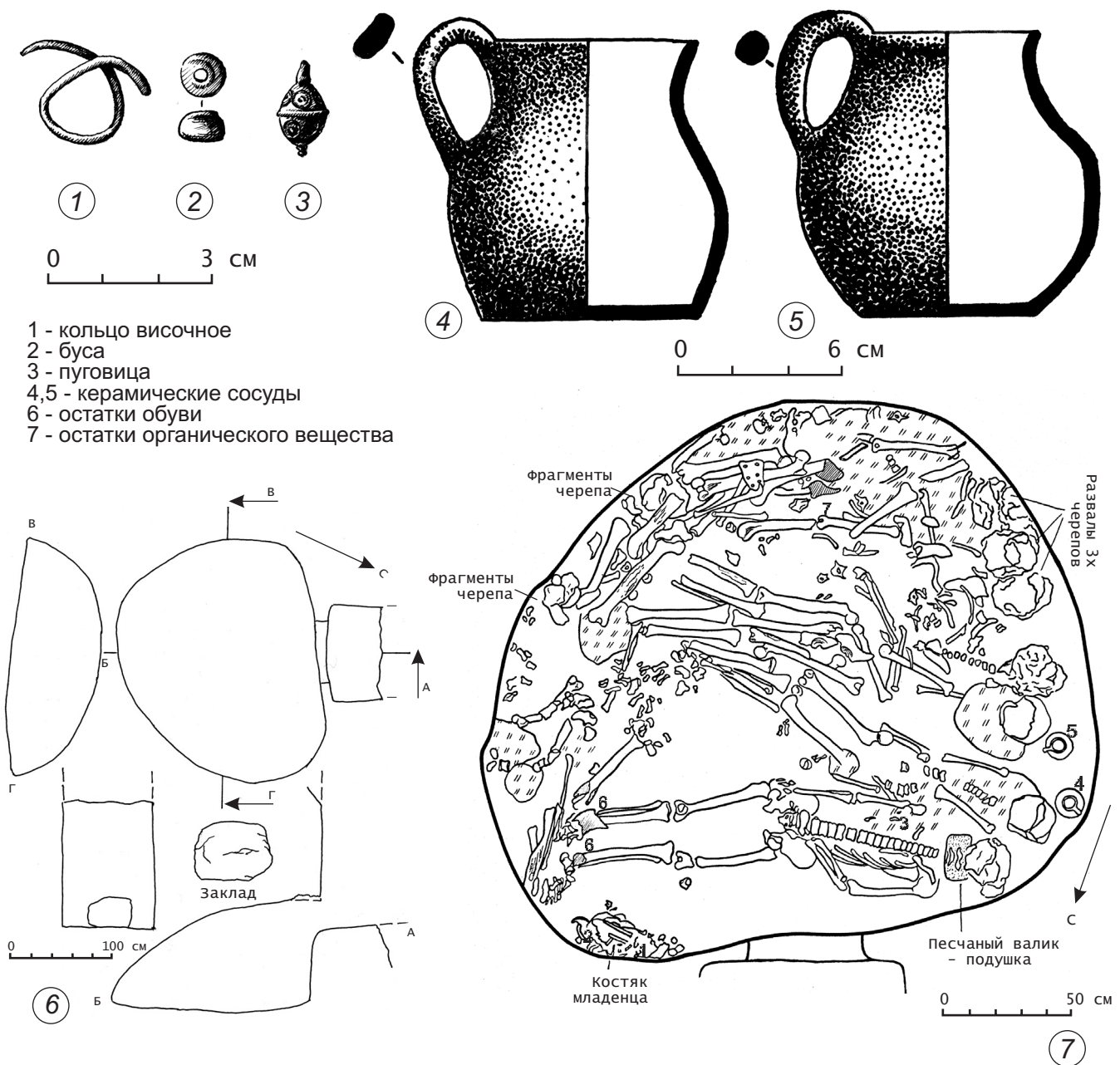
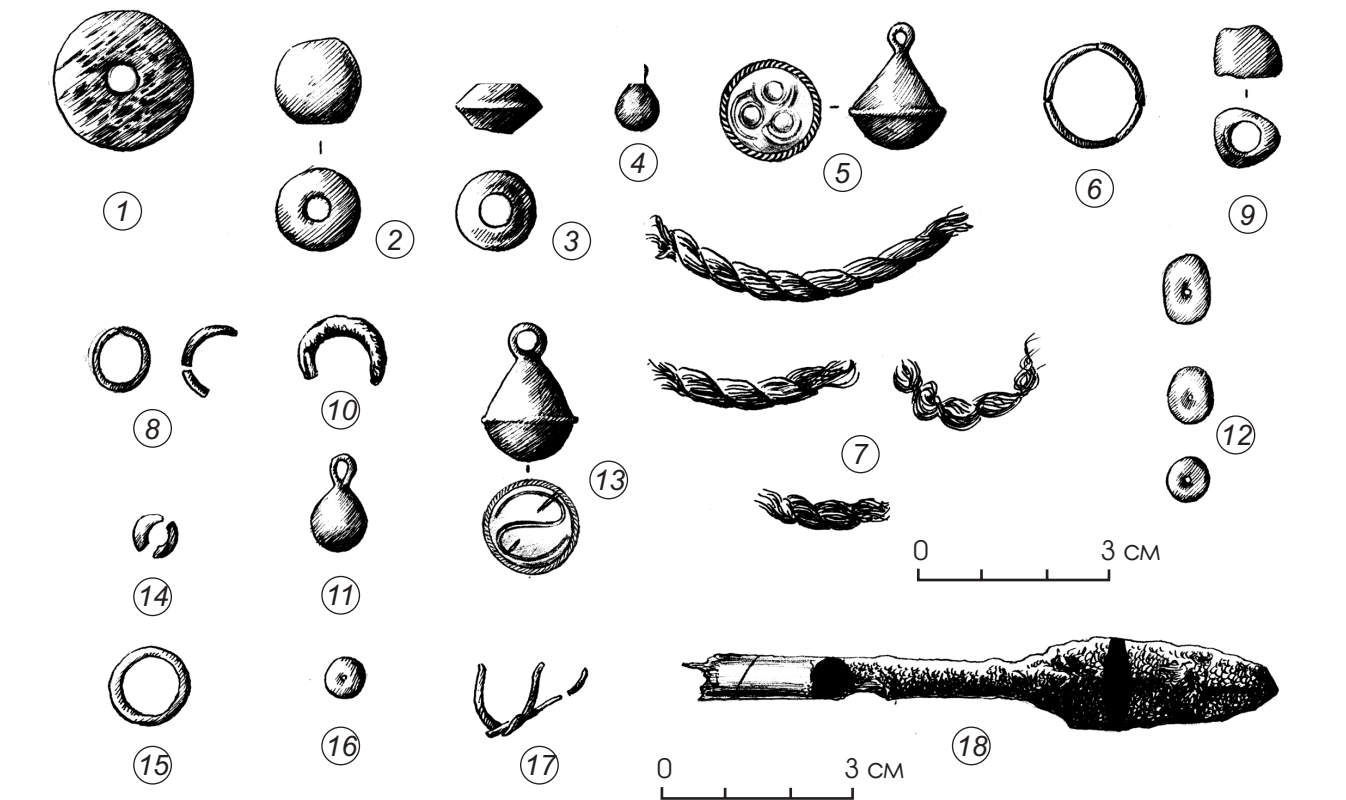

Рис. 2. Катакомба 143 (ЗКМ)

1-5 - инвентарь; 6 - план и разрезы;
7 - план камеры.

1 - пуговица костяная
 2,3 - бусы
 4,5 - бубенчики
 6 - кольцо височное
 7 - фрагменты шнура
 8 - кольцо височное
 9 - бусина фаянсовая

10 - кольцо височное
 11 - бубенчик
 12 - бусы
 13 - бубенчики
 14 - буса

15 - кольцо височное
 16 - буса
 17 - кусочки проволоки
 18 - наконечник стрелы

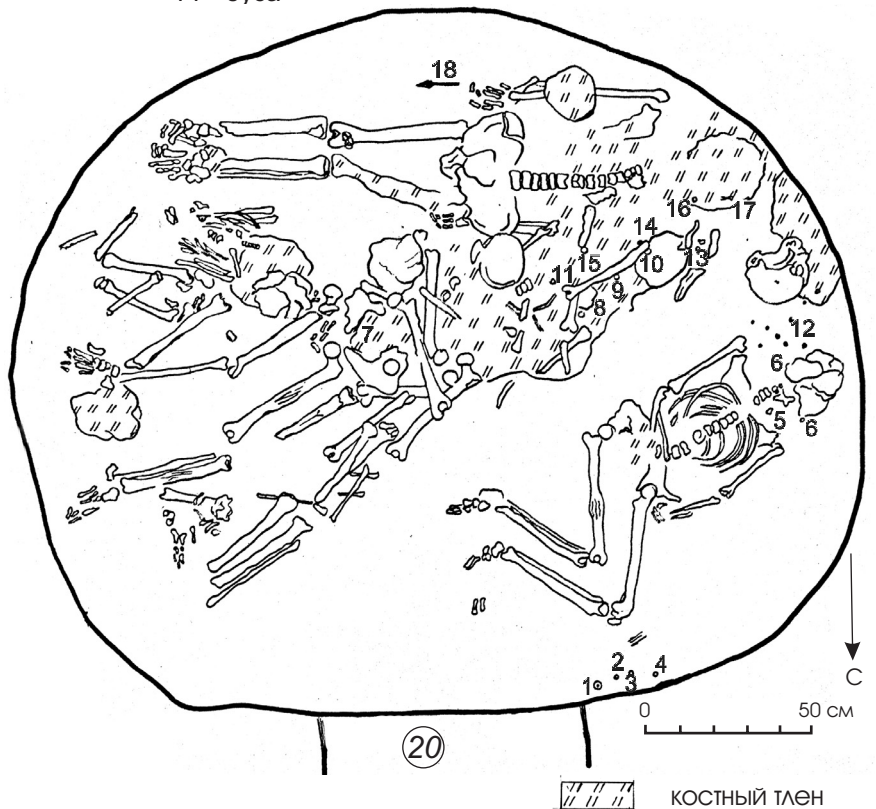
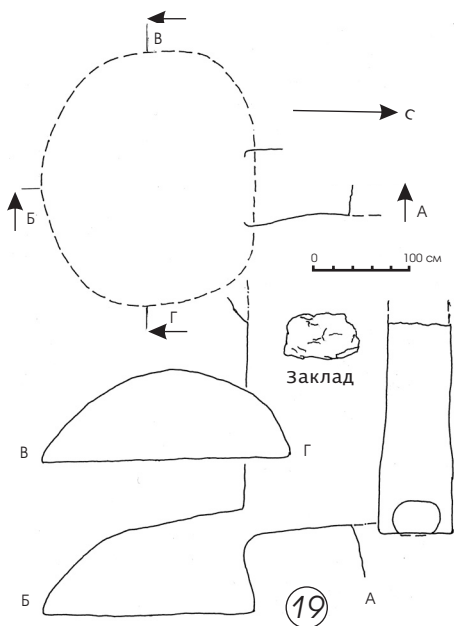
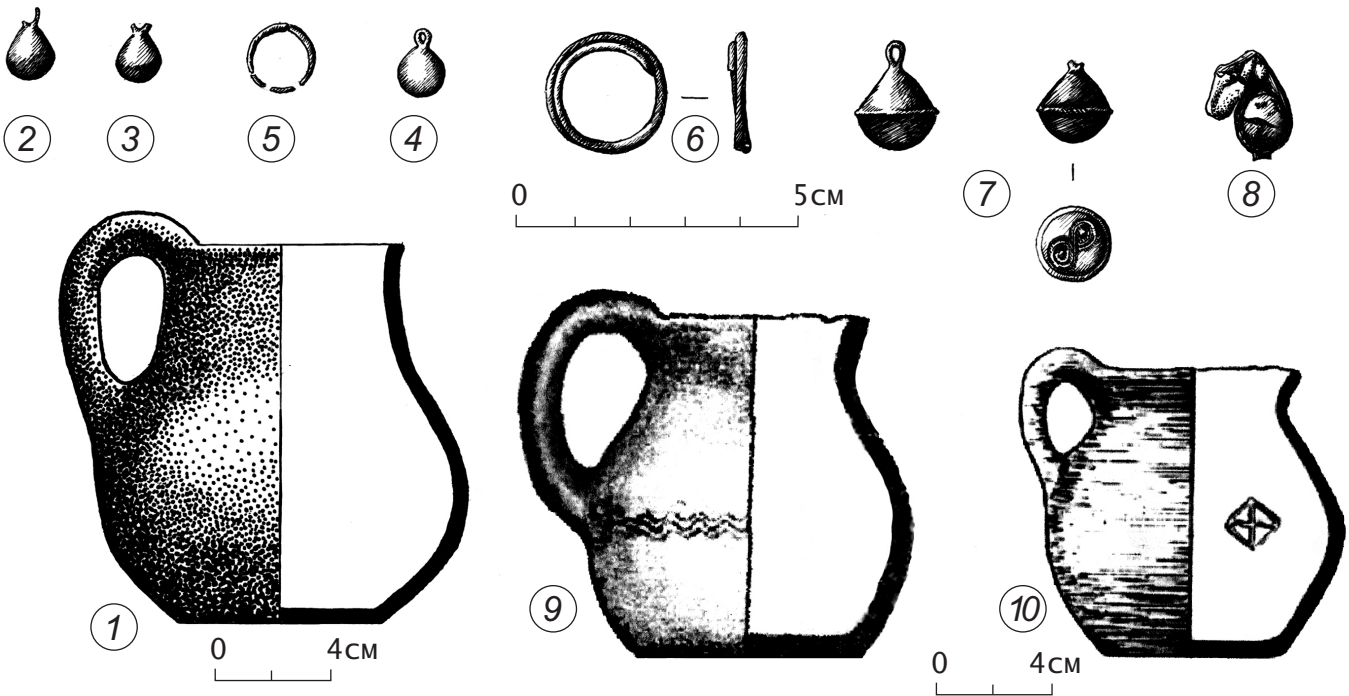

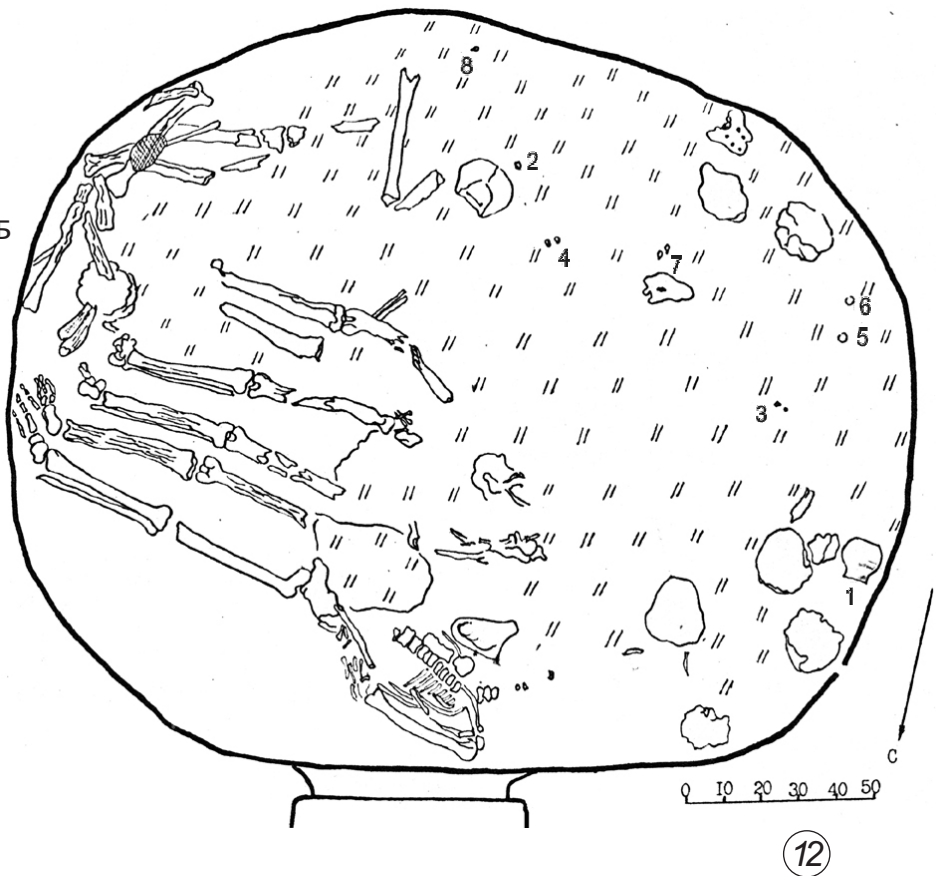
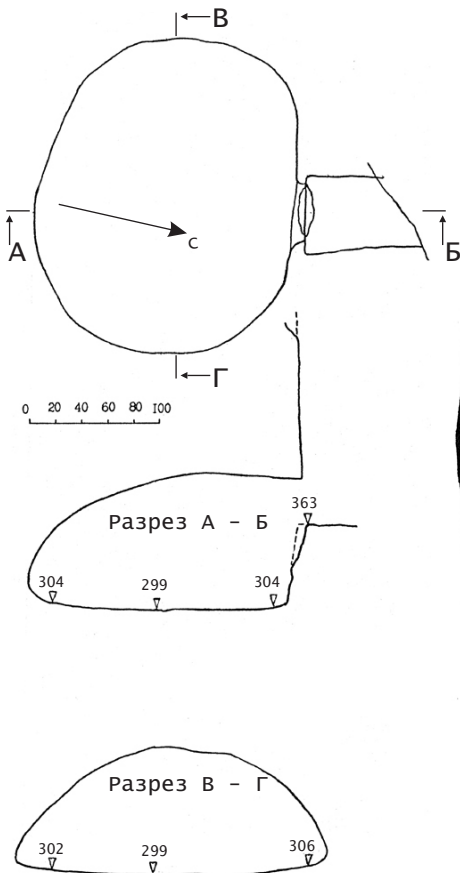
Рис. 3. Катакомба 142 (ЗКМ)

1-18 - инвентарь; 19 - план и разрезы;
 20 - план камеры.

1 - сосуд керамический
2 - бубенчик бронзовый
3 - бубенчик бронзовый

4 - бубенчики бронзовые
5,6 - кольца височные
7 - бубенчики бронзовые
8 - бубенчик бронзовый

11

Рис. 4. Катакомба 144 (ЗКМ)

1-8 - инвентарь; 9,10 - случайные находки;
11 - план и разрезы; 12 - план камеры.

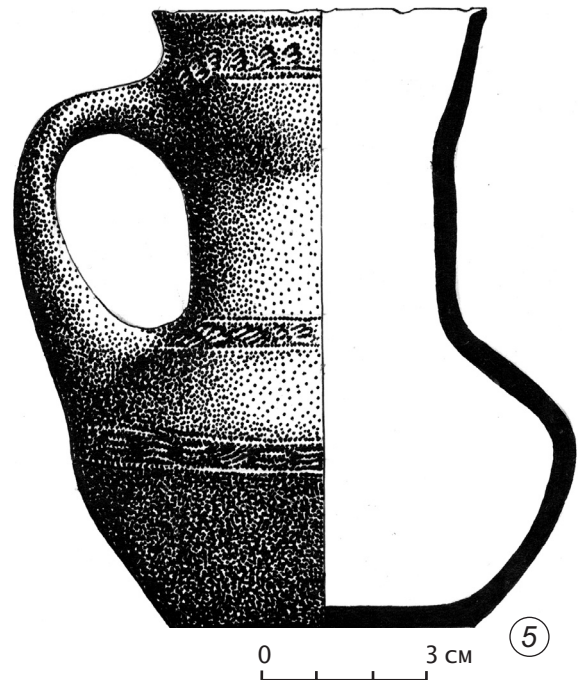
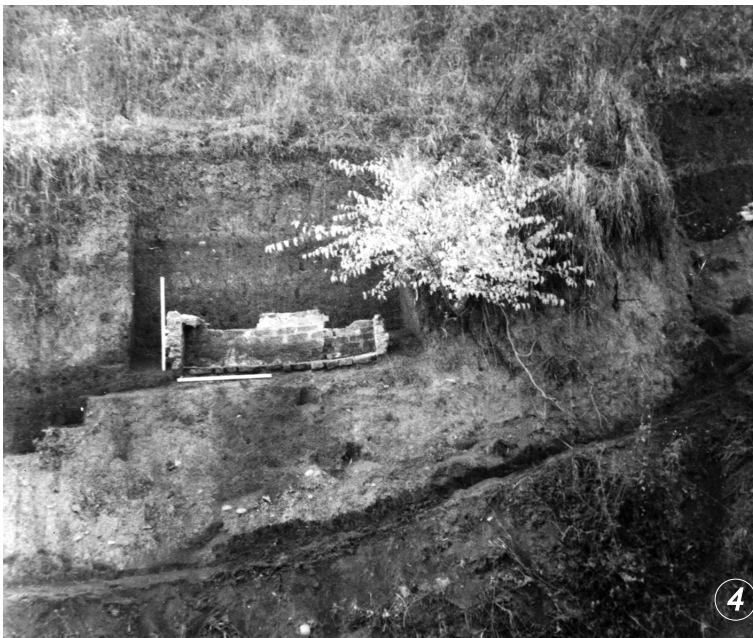
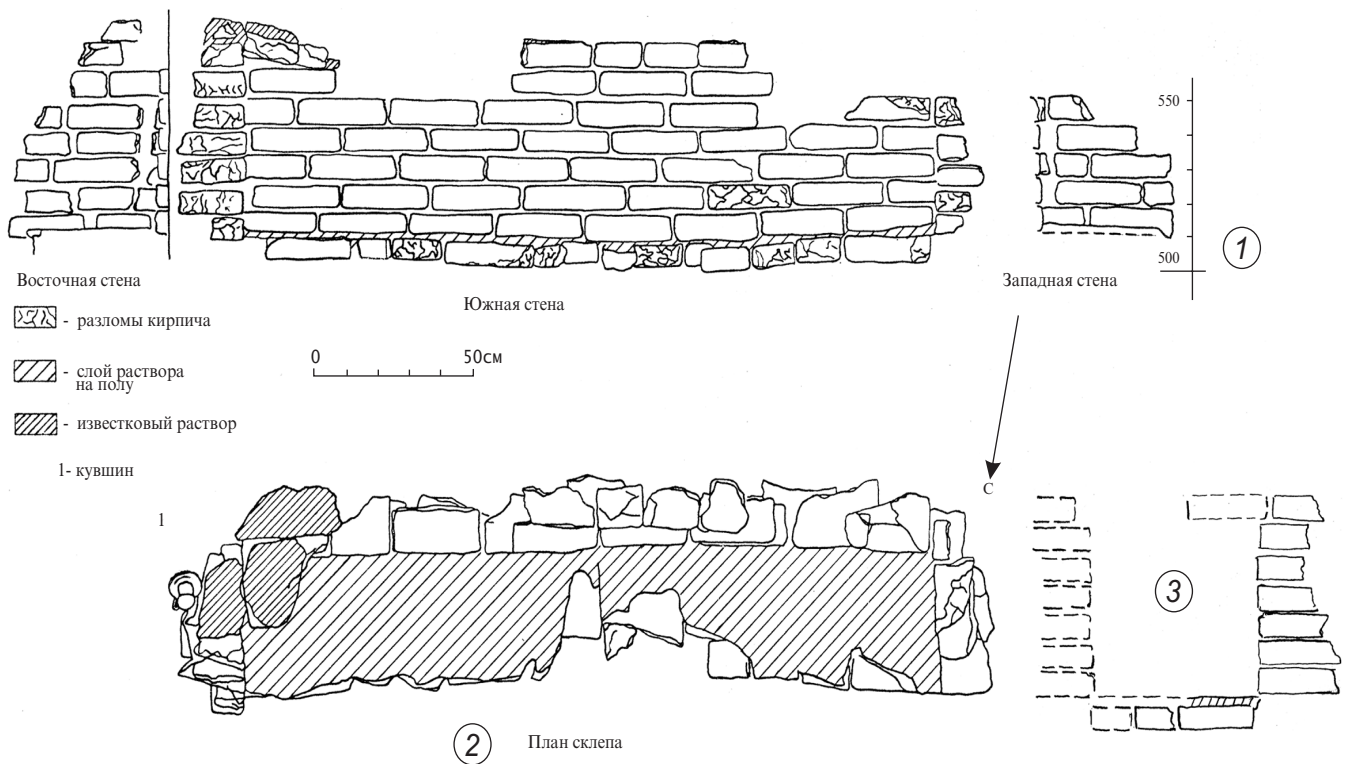

Рис. 5. Погребение 7 (Змейский мусульманский могильник)

1 - стены склепа; 2 - план склепа; 3 - поперечный разрез;
4 - вид на расчищенный склеп с севера; 5 - кувшин из ямы.

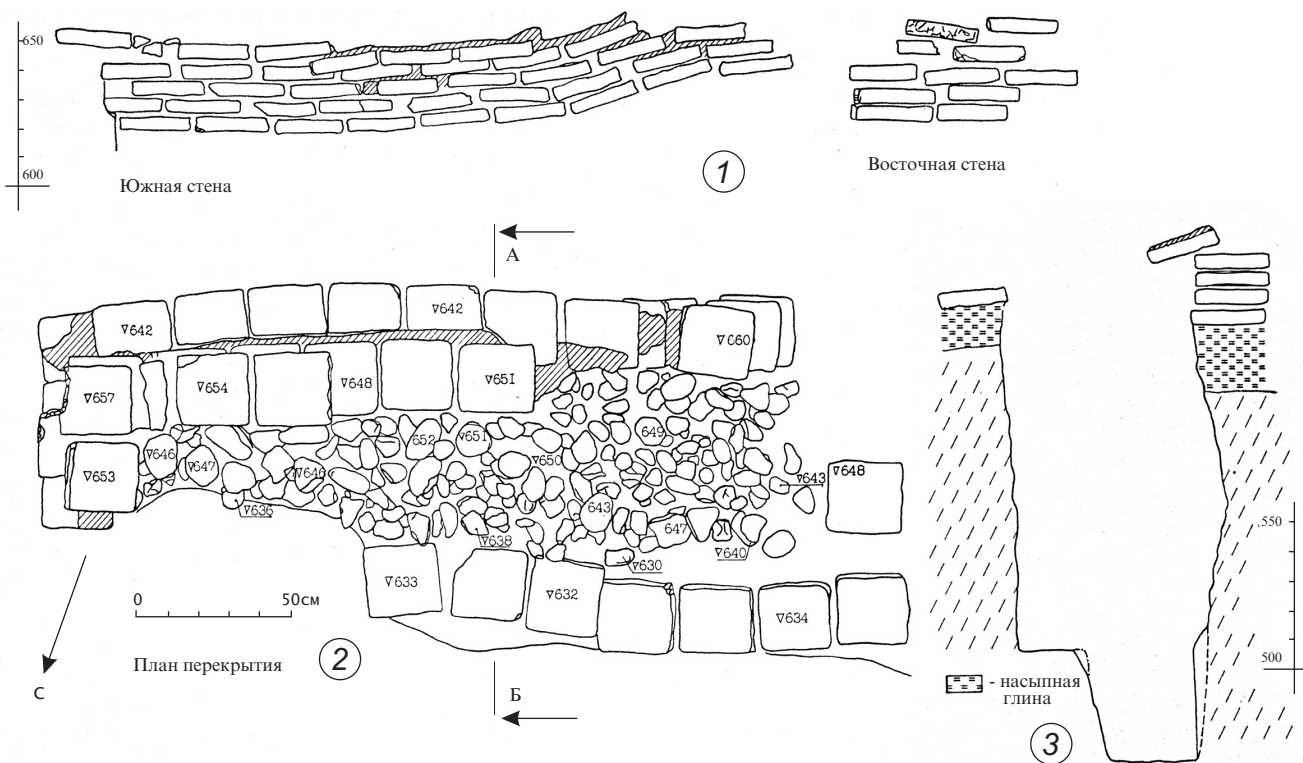

Рис. 6. Погребение 8 (Змейский мусульманский могильник)

1 - стены перекрытия (вид изнутри); 2 - план перекрытия;
3 - поперечный разрез могилы; 4 - вид на перекрытие ямы.

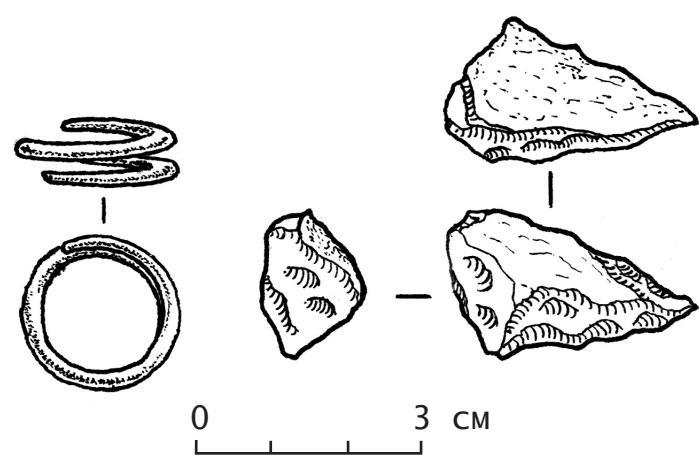
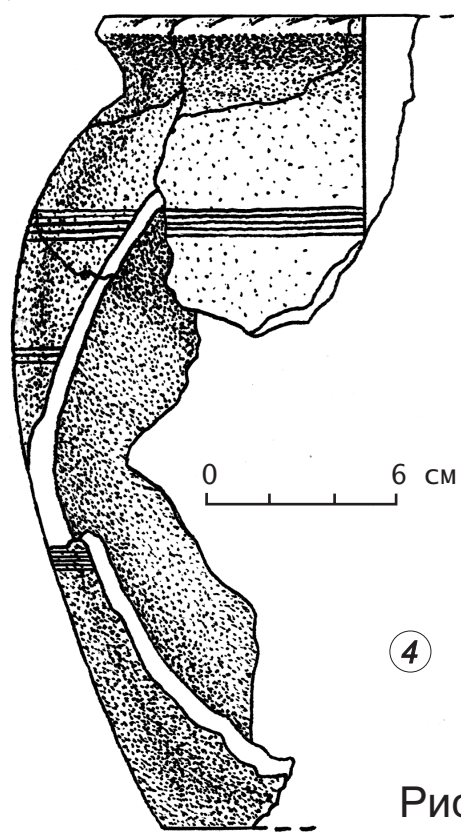
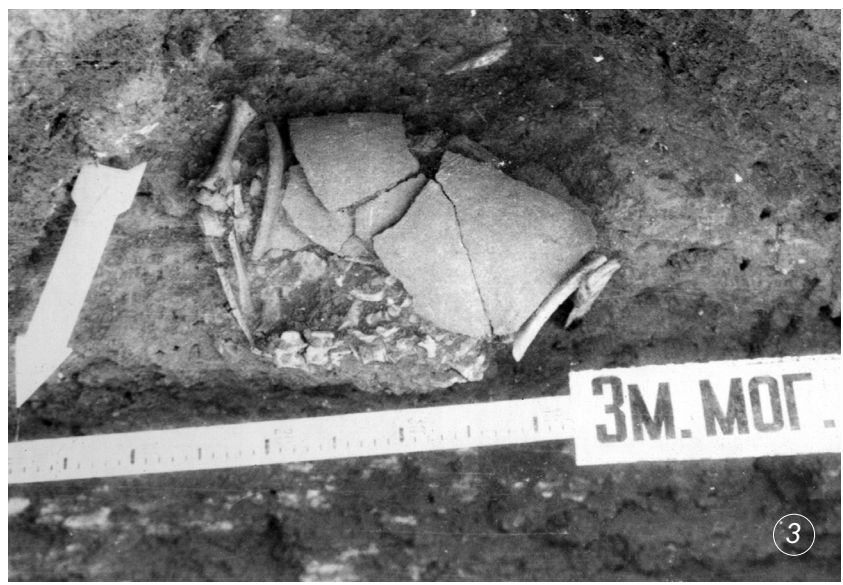
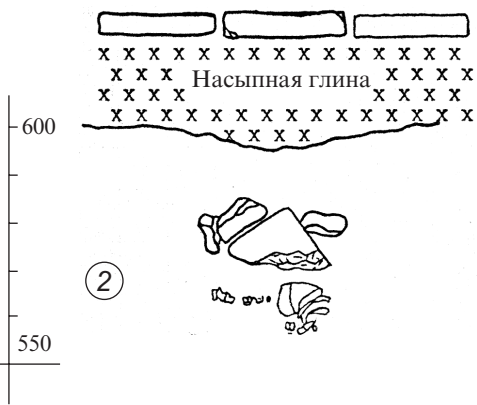
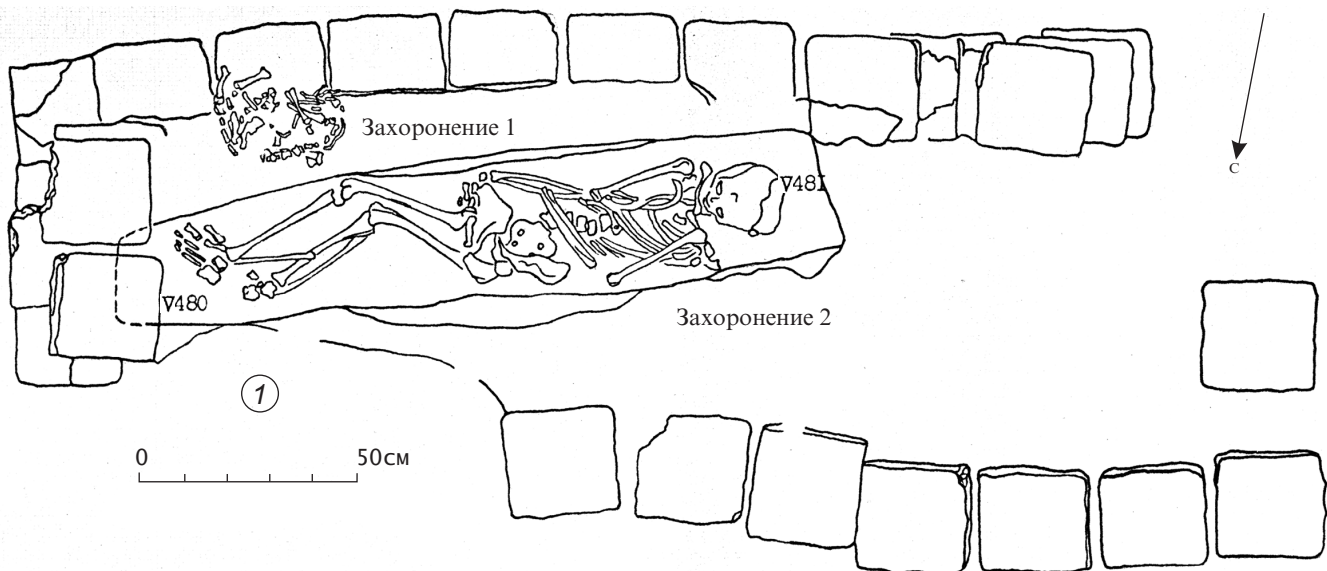

Рис. 7. Погребение 8 (Змейский мусульманский могильник)

1 - план погребения; 2 - вид на захоронение 1 с севера; 3 - вид на захоронение сверху; 4 - инвентарь.

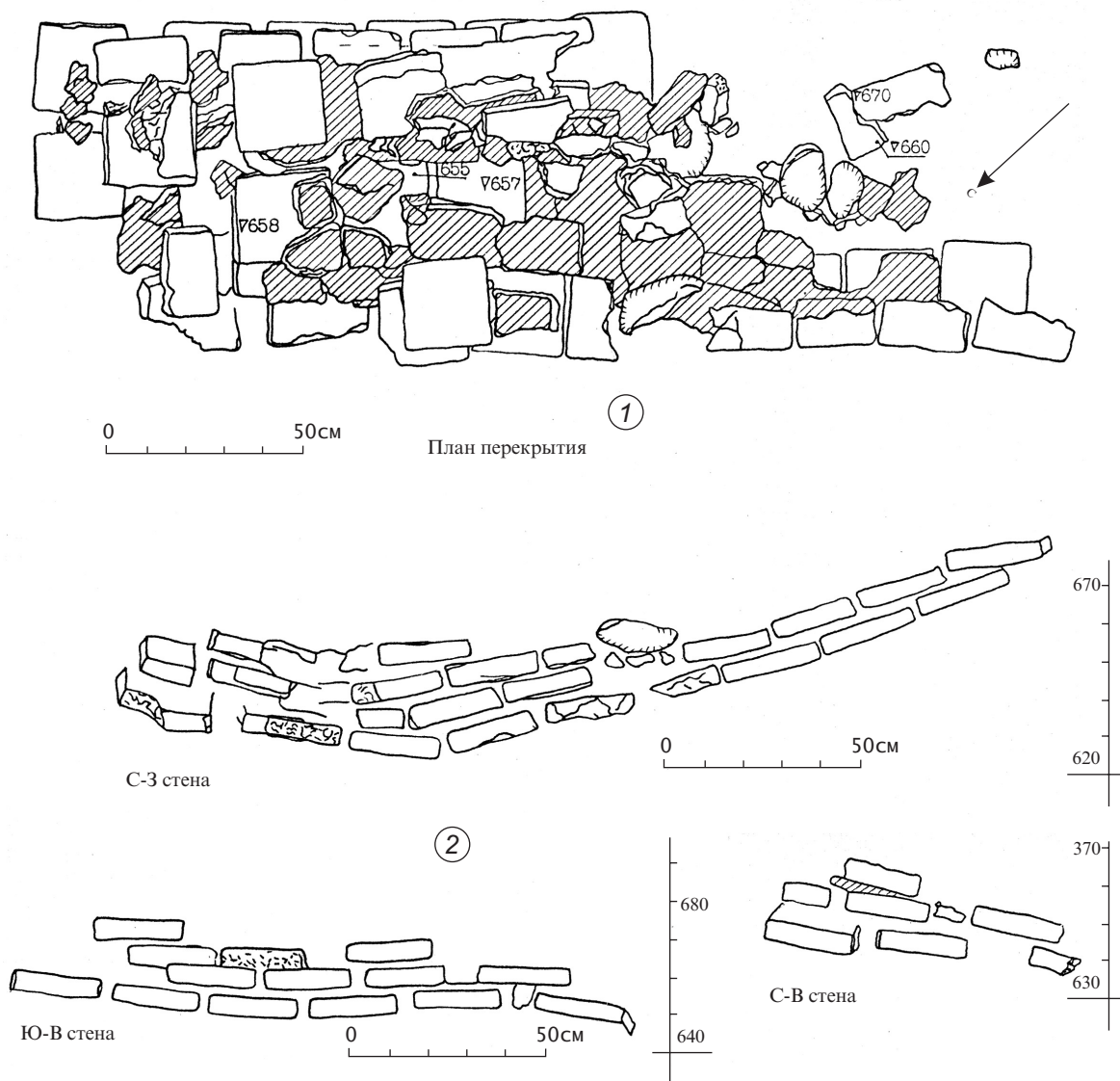

Рис. 8. Погребение 8 (Змейский мусульманский могильник)

1 - план перекрытия; 2 - стены перекрытия (вид изнутри);
3 - вид на перекрытие после расчистки.

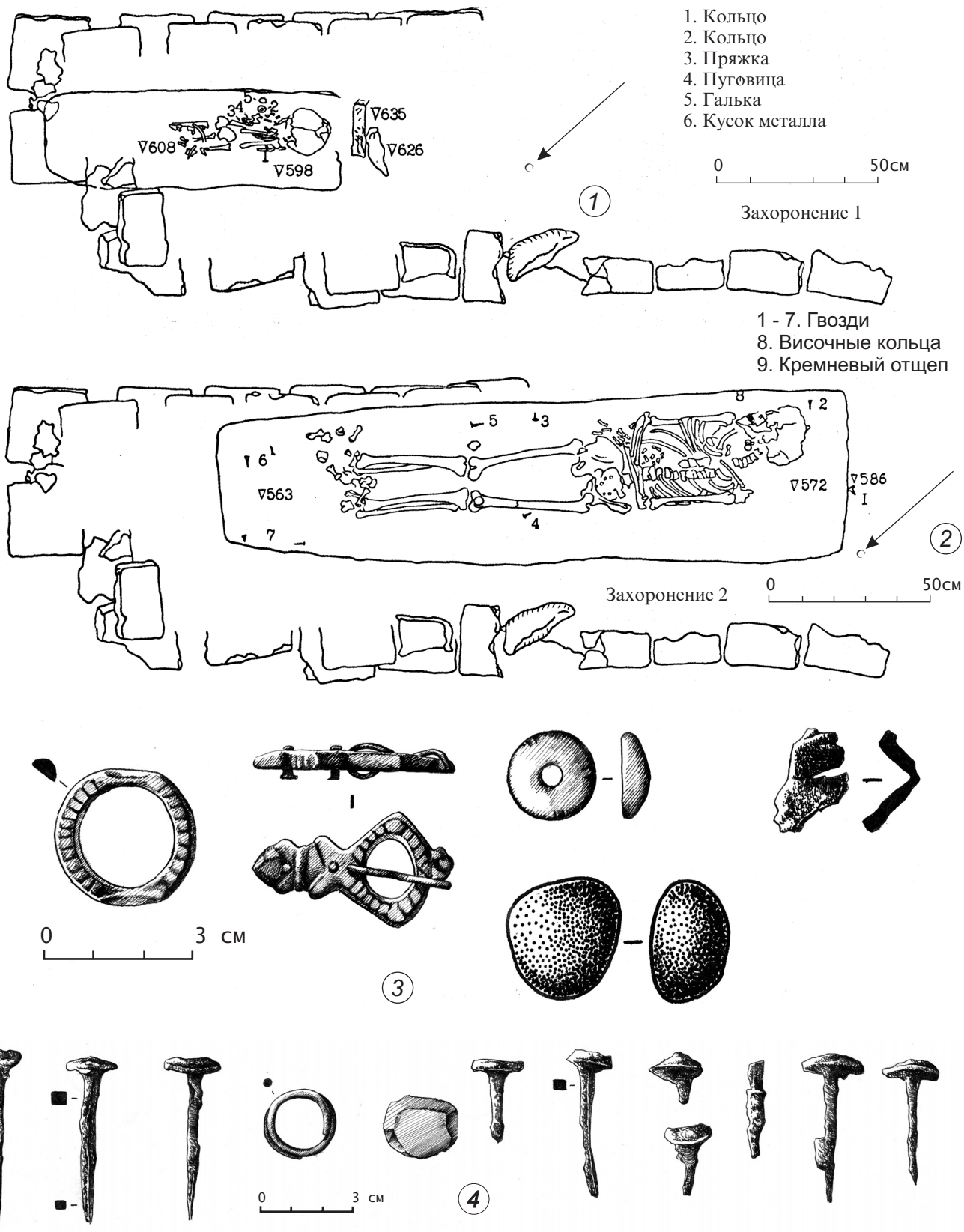

Рис. 9. Погребение 9 (Змейский мусульманский могильник)

1 - захоронение 1; 2 - захоронение 2; 3 - инвентарь захоронения 1;
4 - предметы, найденные с захоронением 2.

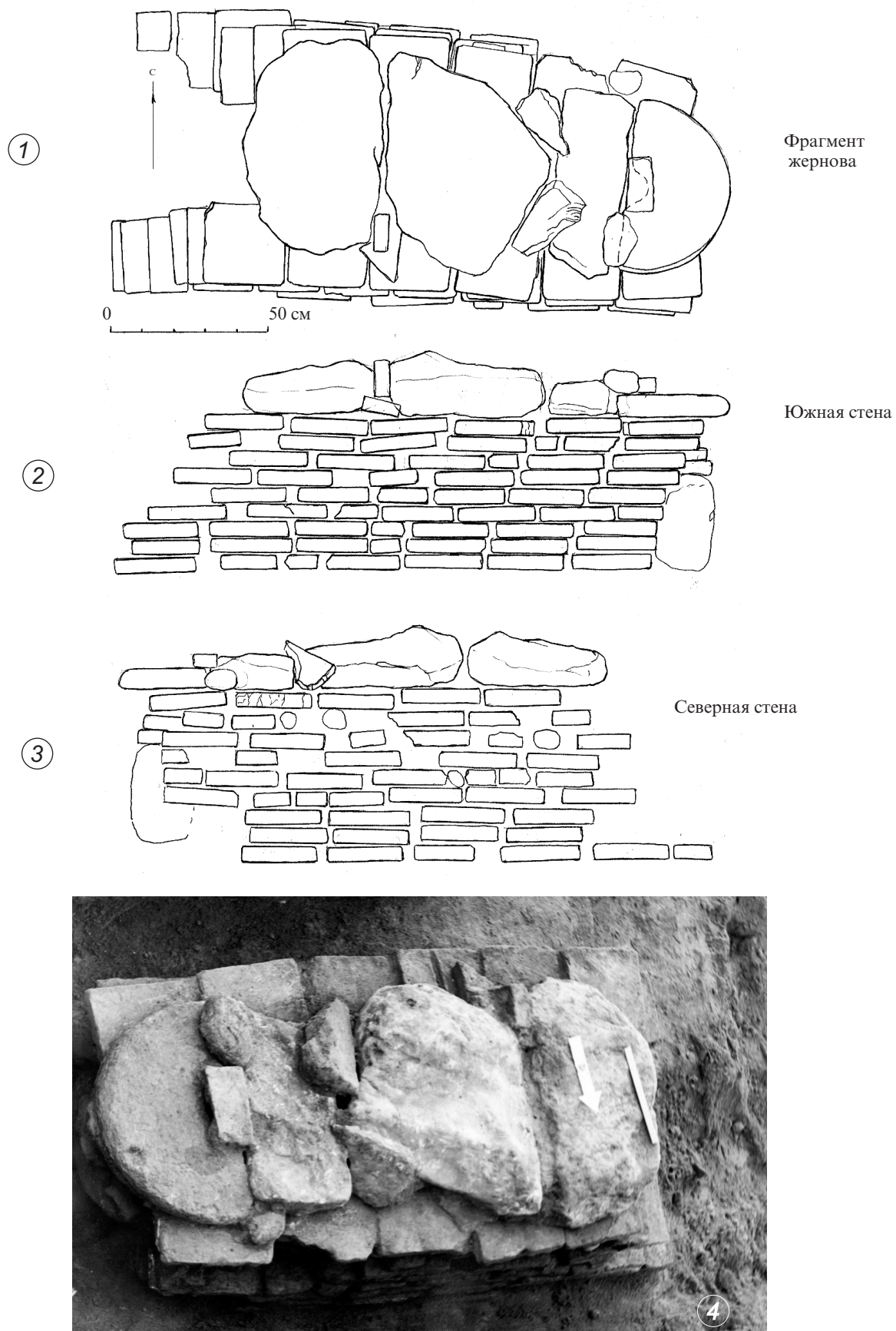

Рис. 10. Погребение 10 (Верхне-
дзулатский могильник)

1 - план склепа 1; 2, 3 - продольные стены (вид снаружи);
4 - вид на перекрытие склепа.

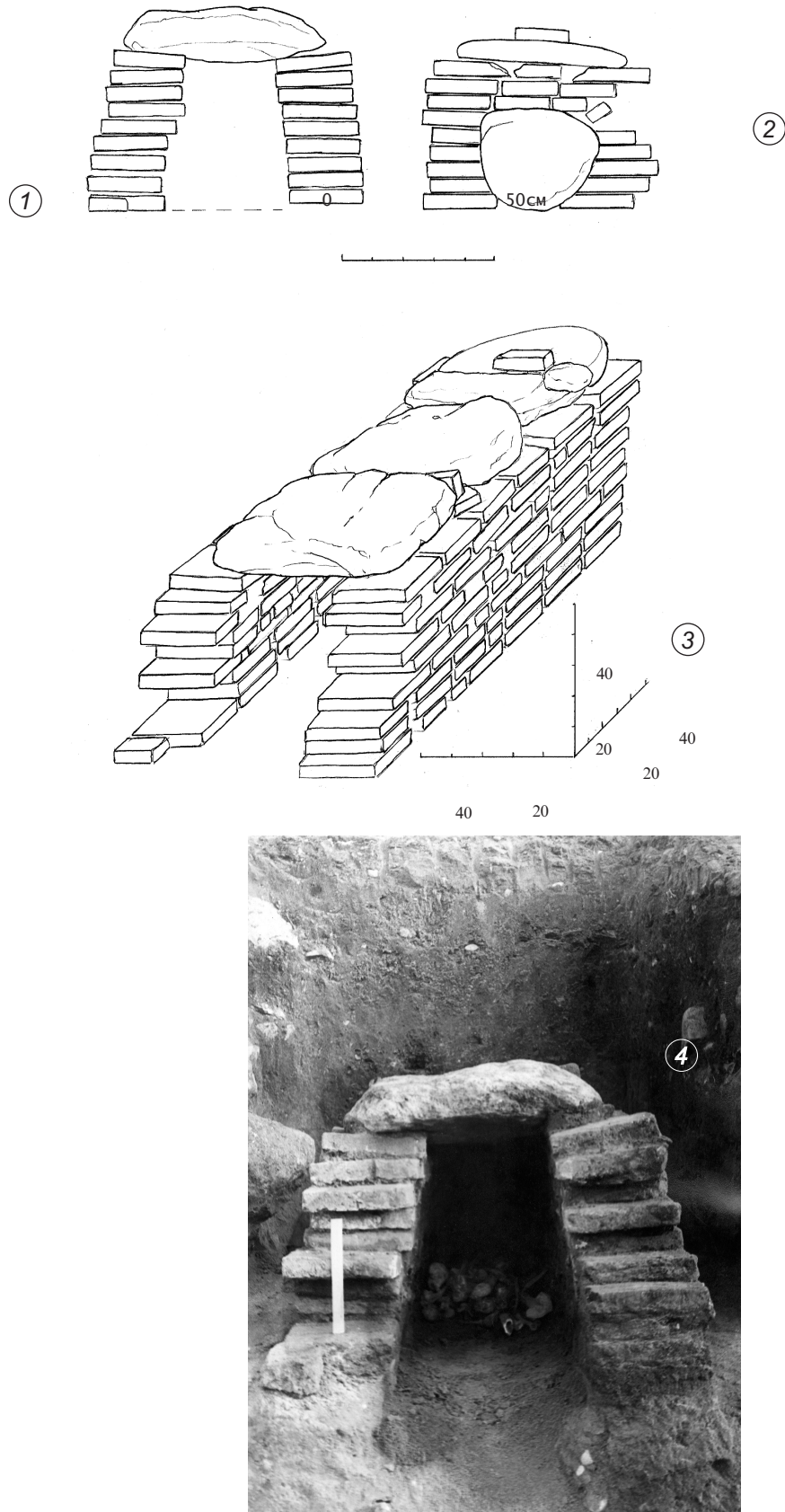

Рис. 11. Погребение 10 (Верхне-
джулатский могильник)

1 - вид с запада 1; 2 - восточная стена;
3 - аксанометрия; 4 - вид с запада.

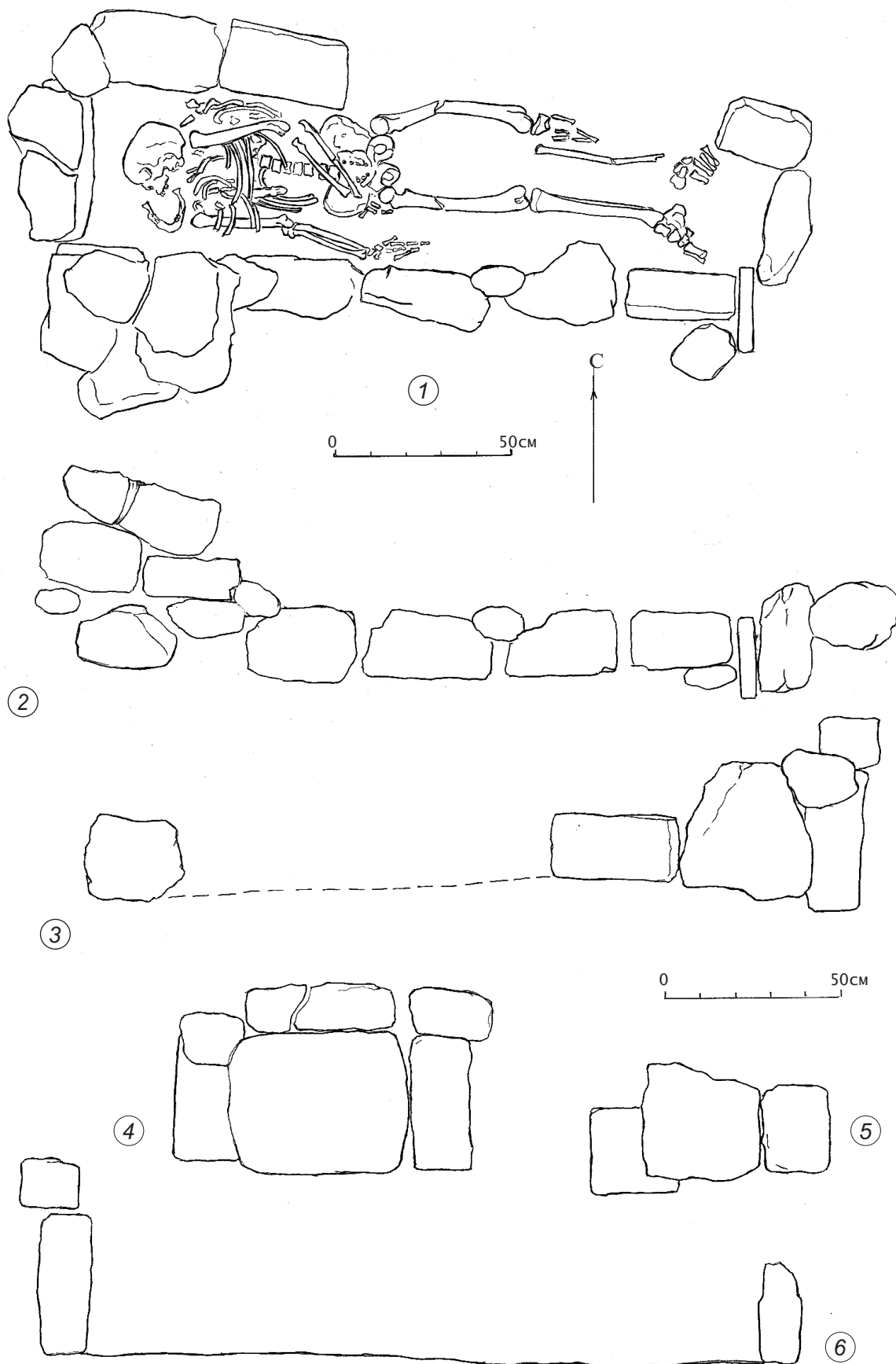

Рис. 12. Погребение 11 (Верхне-
дзулатский могильник)

1 - план; 2 - южная стена склепа; 3 - остатки северной стены;
4, 5 - западная и восточная стены; 6 - продольный разрез.

Д. В. Белецкий

Граффити из Авд дзуара

Различные графические изображения на стенах сооружений – это особое явление в культуре народов Северного Кавказа. Изображения обычно выбиты или процарапаны по камню, либо штукатурке, хотя зафиксированы и исполненные краской. В основном такие рисунки представляют собой всевозможные труднодоступные для толкования знаки и линии, о смысле которых мы можем только догадываться. Встречаются также стилизованные фигуры людей и животных. В Осетии «петроглифы» отмечены в самых разных постройках – жилых строениях, башнях, склепах и т.д. Некоторое количество памятников «графического искусства» осетин собрано и опубликовано В. Х. Тменовым¹, хотя, по всей вероятности, основная масса подобных изображений безвозвратно утрачена.

¹ Тменов 1996: 223-257, 427-435; Тменов 1982: 22-68.

В связи с этим интересно указать на находку, сделанную нами в святилище Авд дзуар (или Юз дзуар) в селении Галиат.

Это высокогорное селение расположено в Дигорском ущелье Северной Осетии, в его юго-восточном ответвлении, имеющем название «Ужлаг ком» – «Верхнее ущелье». Уаллагком связан напрямую перевалом с Алагирским ущельем, откуда происходит ряд фамилий, проживающих в Галиате и окрестных селениях. Авд дзуар (илл. 1; 2) считается родовым мужским святилищем фамилии Езеевых (Езетж), которая также имеет алагирское происхождение.

Памятник входит в особую группу дигорских храмов-святилищ, которые большинство исследователей традиционно связывает с христианством. К этому же кругу относятся храм в селении Фараскатта и церковь-усыпальница Сатайи Обау (или

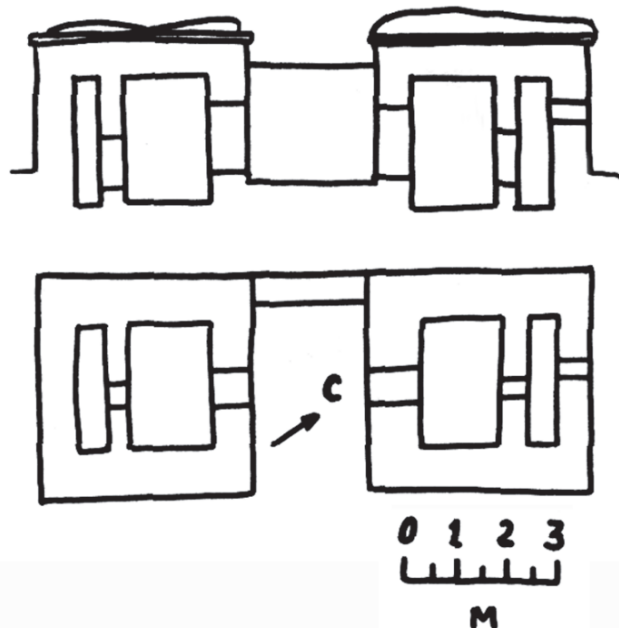

Илл. 1. Галиат. Авд дзуар. Фото З. Албеговой, 2003 г.

«Соплай Сипба») на обширном могильнике между селениями Лезгор и Донифарс.² Есть мнение об изначальной нехристианской («языческой») принадлежности построек.³ Указанные памятники представляют собой небольшие церкви зального типа, перекрытые ложным сводом. Алтарная часть этих сооружений отделена от наоса широким простенком-алтарной преградой, прорезанным высокой аркой стрельчатой формы (илл. 3). Хотя эти дигорские постройки не имеют абсолютной аналогии в других районах Кавказа, их, несомненно, следует рассматривать в одном ряду с довольно обширным кругом «склепообразных святилищ», известных в горной зоне Осетии, Чечено-Ингушетии, Балкарии, а также Восточной Грузии.⁴

Время строительства храмов «дигорской» группы до сих пор вызывает споры. В. А. Кузнецов очень осторожно предлагает датировку XIII-XIV веками.⁵ В. Х. Тменов предположительно относит эти церкви к более позднему периоду – XV-XVI векам.⁶ Не останавливаясь в данной работе на подробной аргументации, добавим, что, на наш взгляд, храмы следует датировать не ранее XVI века, а скорее XVI-XVII веками, увязывая время их возведения со строительством основной массы надземных склепов. Надо, кстати, отметить, что Езеевы имеют алагирское происхождение, и в Дигории появились достаточно поздно – не ранее XVIII века⁷, то есть, скорее всего, в своем нынешнем виде Авд дзуар существовал уже до них.

Несмотря на необычность всех трех указанных дигорских построек, мы присоединяемся к той точке зрения, что они были изначально христианскими сооружениями. Это подтверждается, например, тем, что из Авд дзуара происходит деревянный крест, а два других храма имеют христианскую символику в оформлении фасадов.⁸ В Сатайи Обау, кроме того, сохранились следы вделанного в западную стену

Илл. 2. Галиат. Авд дзуар.
План и разрез (по В. Х. Тменову).

Илл. 3. Галиат. Авд дзуар. Вид на арку алтарной преграды, фото 2003 г.

² Об этих памятниках и их изображения см. напр.: Кобычев 1979: 149; Кузнецов 1977: илл. 24, 5-6, 29, 2-5; Тменов 1984: илл. 45, 47; Тменов 1996: илл. 61, 5-8, 62, 3-4, 63, 6-1. К сожалению, до сих пор не было опубликовано профессионально выполненных обмеров этих сооружений. Большинство имеющихся в литературе рисунков их планов и разрезов страдают схематизмом и множеством погрешностей.

³ Мужухоев 1985а: 72-82; Мужухоев 1985б: 81-96.

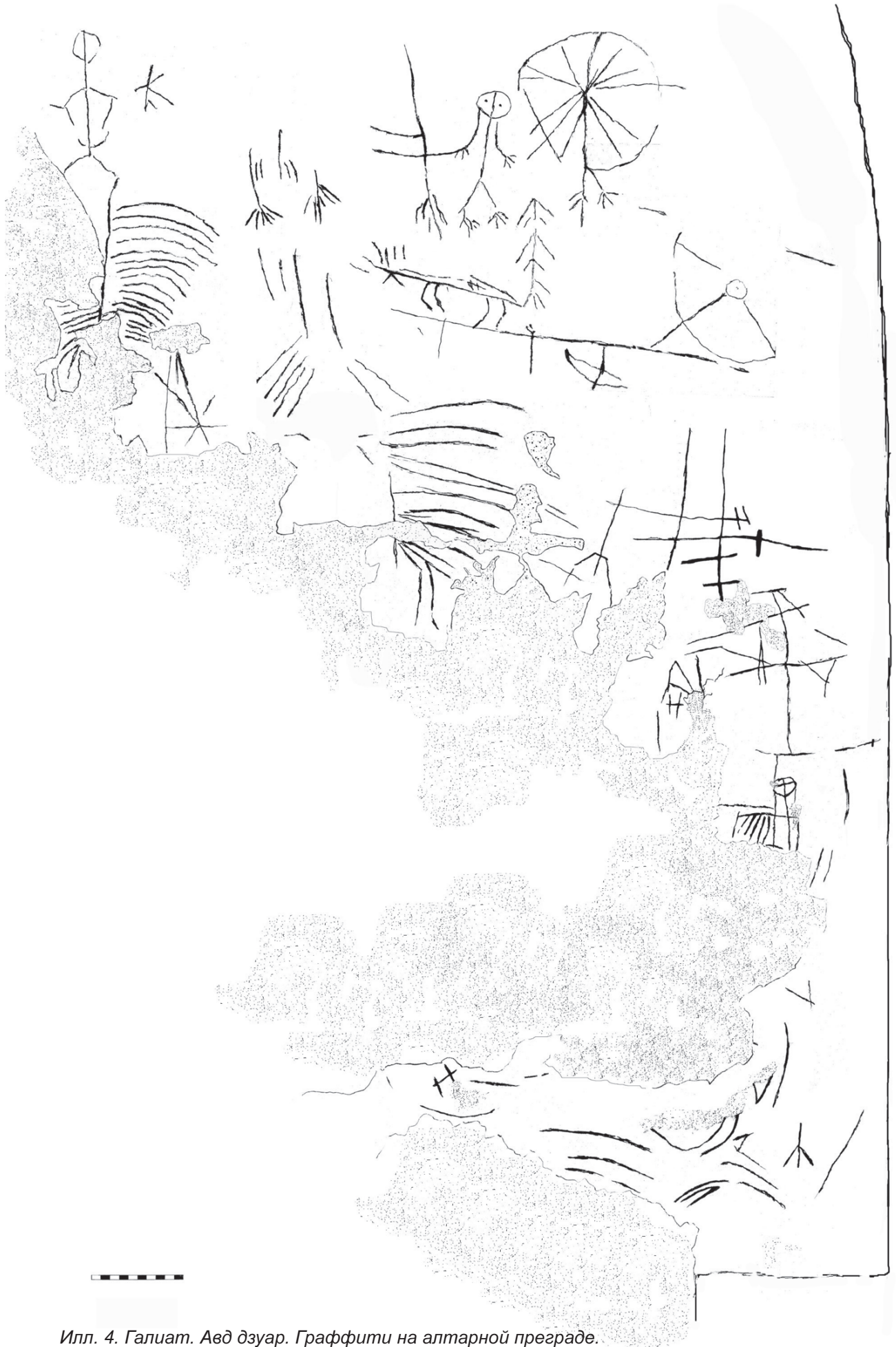
⁴ Напр. Курноятская часовня в Балкарии, Саниба в Архоне, Хуыцау-дзуар в Даргавсе, Гальерды, Дошхакле, Магирды в Ингушетии, тушинские и пшав-хевсурские бегели (ритуальные амбары) Вакиссопели, Мигриаулта и т.д.

⁵ Кузнецов 1977: 152-155.

⁶ Тменов 1996: 182-183.

⁷ Гецати 1999: 303.

⁸ Наиболее это показательно в Фараскатта, где западный фасад храма украшен так называемыми «четырёхлепестковыми розетками», которые, на самом деле, ни что иное, как стилизованные изображения равноконечных крестов.

Илл. 4. Галиат. Авд дзуар. Граффити на алтарной преграде.

Илл. 5. Галиат. Авд дзуар. Граффити на алтарной преграде. Фрагмент.

Фрагмент граффити на алтарной преграде. Фото автора.

сосуда-голосника, служившего резонатором при богослужебном пении. Вместе с тем, как и большинство древних христианских сооружений на Северном Кавказе, ни одна из указанных дигорских построек не сохранила своего христианского (если такое было) названия. Так, нынешнее наименование галиатского памятника – «Авд дзуар» («Avd dzwar») – В. И. Абаев переводит как «семь божеств» или «семь святых» и связывает это с культурами, восходящими к скифам.⁹ Есть мнение, что во втором названии храма – «Юз дзуар» («Узі-Дз̄уар» – по В. Ф. Миллеру), отразилась его фамильная принадлежность.¹⁰ Можно предполагать, что изначально описываемые памятники были «более христианскими», чем в XVIII и XIX столетиях, хотя следует признать, что эта точка зрения базируется на формах построек. Все письменные источники,

Такие кресты с расширяющимися концами хорошо известны по византийской ставрографии и очень распространены в Закавказье. Характерный пример – крест в композиции «Вознесение креста» в тимпане южного входа Мцхетского Джвари [Чубинашвили 1990: илл. 6-7]. Фрагменты деревянного креста, найденного в Авд дзуаре в 2001 году, в настоящее время хранятся в СОГОМИАЛ. Впрочем, назначение и датировка предмета не ясны, это может быть и часть надгробного памятника позднего времени, хотя аналогичных по форме деревянных крестов над погребениями в Осетии мы указать не можем.

⁹ Абаев 1990а: 89-95.

¹⁰ Калоев 1971: 252; Кузнецов 1977: 151-152.

где имеются сведения о культах в осетинских храмах, относятся к позднему, уже «этнографическому», периоду, когда эти крохотные фамильные молельни мало чем напоминали традиционные христианские святыни.¹¹

Про церемонии, связанные с Авд дзуаром, мы знаем крайне мало, хотя известно, что в старину святилище пользовалось большой популярностью. Наиболее подробное описание этих церемоний принадлежит В. Ф. Миллеру, побывавшему в Галиате в 1880 г. Исследователь, в частности, сообщает, что дзуару ежегодно в жертву приносился баран, кости которого складывались на престол храма, а в засуху специально избранный мужчина обливал стены сооружения молоком.¹²

Во время осмотра Авд дзуара мы обратили внимание на рисунки, процарапанные на штукатурке храма. Изображения сохранились на всех стенах носа и на северном откосе проема алтарной преграды. Следы граффити угадываются также на западном фасаде храма (на других фасадах штукатурка почти утрачена).¹³ Лучше всего читается ряд изображений

¹¹ Поэтому мы довольно условно называем их как «храмами», так и «святилищами». По нашему мнению, изначально это были сооружения мемориального характера.

¹² Миллер 1992: 443.

¹³ Собственно, Авд дзуар – это не одна постройка, а небольшой комплекс, состоящий из двух основных сооружений,

на алтарной преграде справа от стрельчатой арки (илл. 4, 5). Важно отметить, что эта часть простенка освещается расположенным на южной стене окошком (две другие церкви «дигорской» группы подобного «дополнительного» светового проема не имеют).

На самом светлом месте (что дает основание считать эту часть композиции ключевой) видна фигура человека.¹⁴ Изображена она весьма схематично, но то, что перед нами именно человек – нет никаких сомнений. Весьма характерно передана голова и ноги. Правее изображена окружность (не циркульная), расчерченная пересекающимися в центре линиями, и напоминающая колесо со спицами. Внизу у этого «колеса» – нечто похожее на две ноги (во всяком случае, аналогично переданы ноги у фигуры человека). Ниже расположено изображение какого-то животного на четырех ногах и дерево, похожее на ель. Животное стоит на «поземе» в виде горизонтальной линии. На некотором расстоянии вправо от дерева изображен сегмент окружности, пересеченный по оси линией, и отдаленно напоминающий лук и стрелу. Линия дуги прочерчена по циркулю, и имеется продавленный в штукатурке геометрический центр окружности (поверхность штукатурки в этом районе хорошей сохранности, и видно, что дуга не замыкалась изначально).

Слева от фигуры человека на выветренной поверхности обмазки читаются следы изображений, опять же напоминающие ноги, а еще левее – снова человеческая фигура. Ниже ее – более полутора десятка параллельных дугообразных линий, но значительная часть этой композиции утрачена вместе со штукатуркой и не складывается ни во что вразумительное. Отдельные линии заметны и еще ниже описанных рисунков, но их смысл также не угадывается из-за плохой сохранности штукатурки, хотя какое-то антропоморфное изображение, кажется, прослеживается справа внизу, почти у самой линии состыковки алтарной преграды и южной стены храма.

Еще одно хорошо сохранившееся изображение находится на северной стене храма. Это замечательно прорисованная фигура козла (илл. 6).¹⁵ У животного удлиненная морда, борода, длинные изогнутые

рога и короткий хвостик. Голова, шея и туловище козла покрыты сеткой из перекрещивающихся линий. Чуть ниже и левее расположена еще одна фигура, сложная и малопонятная, состоящая из вертикальной оси, пересеченной несколькими горизонтальными более короткими линиями, и несколькими линиями, идущими наискось. Поскольку других изображений на северной стене нет, следует полагать, что эта фигура имеет смысловую связь с нарисованным рядом животным.

Самое удивительное, что смысл и сюжет этих рисунков читается достаточно ясно и укладывается в хорошо известные в Осетии, и особо распространенные именно в Дигории, культы (хотя большую долю гипотетичности наших рассуждений отрицать нельзя). Фигура человека, колесо с ногами, животное и дерево живо вызывают в памяти известное предание о гибели нарта Сослана (в некоторых вариантах – Созырыко) от Колеса Ойнона. Существует целый ряд версий этого сказания, но общий смысл сводится к следующему: чтобы убить Сослана, на него послано некое обладающее разумом фантастическое Колесо Ойнона (Ojnoni calx). В различных версиях сказания орудие убийства называется также Барсагово Колесо, Колесо Малсуга или Руймона, и проч., но эти последние названия, как и имя Созырыко (Sozyryco), в дигорских версиях текста не встречаются. Вначале Сослан сам преследует Колесо, поймать которое ему помогает дерево (либо обвитый хмелем орешник, либо береза). Сослан захватывает Колесо, но впоследствии отпускает. Спустя некоторое время Колесо снова насылают на героя, на этот раз оно переезжает Сослана и лишает его ног. Лежащий с отсеченными

Илл. 6. Галиат. Авд дзуар. Граффити на северной стене наоса.

близких по плану и повернутых друг к другу входными проемами, остатков ограды, ряда лежащих на земле каменных плит и цирта. Постройка, которая считается собственно церковью (сейчас частично разрушенная), довольно точно сориентирована алтарной частью на восток. В ней как раз и находятся граффити. В интерьере памятника прослеживается один слой штукатурки и побелка, граффити нанесены уже поверх побелки.

¹⁴ Низ фигуры на высоте примерно 180 см. от современного уровня пола.

¹⁵ Расположено на высоте ок. 103 см от верха каменных «сидений», расположенных вдоль стен (высота «сидений» ок. 35 см от современного уровня пола), и на расстоянии ок. 130 см от северо-западного угла.

ногами и истекающий кровью Сослан видит поочередно несколько животных или птиц (волка, лису, ворона, ласточку и т.д.). Герой обращается к ним с различными просьбами и, в зависимости от ответа, награждает или проклинает их. После этого нарты помещают Сослана в склеп, откуда герой без особых проблем общается с живыми.¹⁶

То, что мы видим на галиатском граффити, действительно очень похоже на иллюстрацию к этому преданию. В центре сохранившейся части композиции изображен Сослан (еще с ногами) и колесо со спицами, причем под колесом изображены уже отсеченные ноги Сослана. Повтор изображения (в данном случае – ног) в пределах одной композиции находит параллели в средневековом искусстве, что свидетельствует о характере мышления автора граффити – вспомним, к примеру, старинную русскую миниатюру.

Соответствует тексту легенды и размещенное несколько ниже героя изображение животного. Уже указывалось, что в преданиях упоминается несколько животных:

«Кровь лилась из каждой его раны, и долго лежал так Сослан на пашне. Тут над ним пролетает ворона и причитает по Сослану: «О тот, кто каждый день держал для нас обильный стол, кто для нас каждое ущелье заполнял мясом, как будем жить!» Сослан говорит ей: «Подлетай [ко мне], отпробуй того мяса, которое будет гнить, или [поклюй] сгустки крови.» Ворона приблизилась к нему, и тогда Сослан проклял ее: «Проклинать тебе людей с утра до вечера, но пусть проклятия твои не исполняются, а ты от злости чтобы всю ночь покоя не знала.» А потом подошла к [Сослану] лисица, долго сокрушалась, а затем приблизилась к сгусткам крови Сослана, и тогда он ее проклял: «Пусть люди преследуют тебя из-за шкуры, а мясо твое да будет вредным даже для собак!» Позже [всех] пришел к нему волк и долго, горестно плакал над ним. Сослан предложил и ему отведать своего мяса, выпить своей крови, а волк все сильнее плакал и причитал. Убедился Сослан в его верности и поблагодарил его, сказав: «Пусть припадении у тебя будет мое сердце, а при отступлении – девичье, осторожное, как у незасватанной девушки».¹⁷

В большинстве вариантов сказания именно волк, отказавшийся насытиться мясом ног Сослана,

в первую очередь получает награду. Можно предположить, что волка мы и видим на рисунке. Вообще, образ этого животного занимает особое место в сказаниях кавказских горцев, где неоднократно говорится о дружбе Нартов с волками. Волк – это гроза бевосовских сил. В волчьем молоке был закален после рождения и сам Сослан. В волчью шкуру по совету Сатбны Сослан одевается перед поединком с Тотрадзом, и этот шаманский прием решает исход схватки. Судя по всему, тут имеют место какие-то реминисценции тотемных верований.¹⁸ Почитание волка занимало особое место у вайнахов, культура которых во многом близка осетинской, прослеживается у карачаевцев, балкарцев, хевсуров и мегрелов, зафиксировано у аварцев, имело место у половцев и болгар.¹⁹ Впрочем, как отмечает В. И. Абаев, «яркие следы тотемического культа волка сохранились почти у всех европейских народов».²⁰

Рядом с животным мы видим дерево. По форме оно напоминает ель, но не следует забывать, что такая наша ассоциация основана на «европеизированном» восприятии изображений. В предании Сослан благословляет оплетенный хмелем орешник, березу, а в некоторых вариантах – бук и ольху. Но на первом месте в сказаниях всегда стоит орешник:

«...Колесо Ойнона спустилось убить Сослана. Когда Сослан увидел его, то стал преследовать, загнал в темный лес. Колесо сначала пробежало по ольховнику и, изрубив его на мелкие куски, проскочило; не задержал его [ольховник]. И тогда Сослан проклял его: «Да будешь долей того, кто имеет плохого работника, кто имеет плохого быка!» Потом [Колесо] пробежало сквозь грабы, и те тоже его не задержали. И тогда проклял Сослан [граб]: «Пусть по воле бога люди ищут тебя только для топлива!» Оттуда [Колесо] попало в орешник. А там ветки орешника переплелись с густым хмелем, опутали Колесо, и Сослан нагнал его. «Пусть бог сделает вас полезными для людей! — сначала поблагодарил [он] орешник и хмель...».²¹

Все эти растения имели определенное почитание в осетинской традиции. Плоды ореха (обычно грецкого) и хмель часто встречаются в памятниках на территории Осетии среди погребального инвентаря с раннего средневековья и вплоть до XIX века. Орешнику придавались магические целительные свойства.

¹⁶ Нарты 1989: 162-173. В указанном издании собраны предания североосетинского происхождения. В Закавказье рассказ о Колесе Барсага не менее популярен (об этом, а также библиографию см.: Дзиццойты 2003: 133-137). Существует также предание о гибели от Барсагова Колеса нарта Батраза, записанное в Дигорском ущелье (Миллер 1992: 29).

¹⁷ Нарты 1989: 164.

¹⁸ О почитании волка и его тотемной роли: Абаев 1990б: 153-157; Абаев 1990в: 347; Абаев 1990г: 441; Абаев 1990д: 313-315; Чибиров 1984: 97, 99-100, 102.

¹⁹ Халаева 1977: 51-53; Абаев 1990б: 155-156; Абаев 1990д: 314-315; Чурсин 1995: 58; Биджиев 1993: 278-279.

²⁰ Абаев 1990б: 156.

²¹ Нарты 1989: 163.

По всему Северному Кавказу плоды этого растения использовались как амулеты – и грецкие и лесные, также применялись палочки из орехового дерева.²² Есть мнение, что подобные амулеты связаны с культом плодородия. Также особо отмечалось исследователями и почитание березы.²³ В любом случае, сказать уверенно, что за дерево нарисовано на стене галиатского храма, мы затрудняемся, что, впрочем, и не имеет особой важности. А сюжет о благословении Сосланом деревьев, кажется, встречается исключительно в Осетии, хотя само предание о Колесе Ойнона-Барсага присутствует в нартовском эпосе и других народов.

Вообще, образ Сослана многие исследователи очень убедительно связывают с солярным культом. Ярким тому показателем служит, например, Колесо Ойнона, которое находит параллели в европейских обрядах в дни равноденствия и солнцестояния²⁴, и, несомненно, является символом Солнца. Причем во многих вариантах у Колеса особо упоминаются спицы, а, по одной из версий, именно в спицах заключалась его сила.²⁵ Впрочем, есть и иные варианты толкования символики сюжета.²⁶

Изображение мифа о Сослане в центре алтарной преграды на самом освещенном месте вряд ли является случайностью. Важно отметить, что культ Сослана, весьма популярного в нартовском эпосе, был особо распространен как раз в горной Дигории. В Дигорском ущелье с именем героя связывают ряд «чтимых» мест, таких, как камни, где он якобы сидел, местб его предполагаемого погребения и т.п. По-дигорски радуга называется «лук Сослана» («Сослан жндурж»). Недалеко от селения Нар, около места слияния рек Ираф (Урух) и Айгамугидон в урочище Мацута, сохранился склеп, почитавшийся как склеп Сослана. Жителями Нара подле него справлялся праздник «Сосланы куывд», имевший очевидную аграрную направленность.²⁷ При этом герою молились о ниспослании хорошей погоды. Праздник отмечался в июле в дни летнего солнцеворота и исследователями это связывается с почитанием Ойнона (которого соотносят с Иоанном Крестителем), также, в свою очередь, имевшим преобладающую связь

с солнечным культом.²⁸ В. Ф. Миллер, кстати, указывает, что колесо, убившее Сослана, зовется также Колесом Фыд Иоанне – Иоанна Крестителя (точнее – Отца Иоанна).²⁹

По мнению Л. А. Чибирова, почитание Сослана имело также явное пересечение с культом Уацилла (сопоставляемого с Ильей Пророком).³⁰ Этим вероятно можно объяснить и изображение козла на северной стене Авд дзуара. Хотя домашний козел был «предпочтительным» животным при жертвоприношениях Уастырджи (соотносимого, в свою очередь, со святым Георгием),³¹ не менее известны также и традиционные жертвоприношения этого животного Уацилла, на что исследователи неоднократно обращали внимание. Почитание Уацилла, наряду с культом Уастырджи, в Осетии было чрезвычайно развитым:

*«На коне гарцует многочислый Елиа: Удар его плетки – небесный гром, Сверкание копья – молния, Скользнет ли (копыто) коня – целый овраг, Пена коня – как зимняя снежная метель».*³²

Уацилла известен как «божество плодородия, покровитель хлебных злаков и урожая, грома и молнии».³³ О его почитании упоминают почти все путешественники и исследователи, писавшие об Осетии. Существует множество указаний на принесение в жертву Уацилла именно козлов. Козлов резали, снимали шкуру, не обрезая головы, и навешивали ее на шест. Вахушти Багратиони в начале XVIII в. указывал, что все осетины «почитают подобие идола, которого называют Вачила, ибо они в честь Илии закалывают козла, мясо едят сами, а кожу натягивают на высокое дерево и поклоняются этой шкуре в день Илии, дабы он избавил их от градобития и даровал урожай земли».³⁴

Цитирует Вахушти Ю. Клапрот, посетивший Осетию в начале XIX в. и возможно тоже наблюдавший эти обряды.³⁵ Об устойчивости традиции говорит ее распространение в различных районах Осетии. Подобный обряд прослежен в Алагирском ущелье (откуда, между прочим, ведет происхождение фамилия Езеевых). Так, Е. Г. Пчелина в своей неопубликованной работе «Местность Уаллагир и шесть колен рода Осибатара» при описании памятников

²² Уварова 1900: 166; Уварова 1904: 84; Кокиев 1928: 11; Тменов 1979: 54-55; Доде 2001: 24.

²³ Чибиров 1984: 190.

²⁴ Дюмезиль 1976: 68-78; Дюмезиль 1990: 72-94; Абаев 1990б: 173-176; Чибиров 1969: 41-42.

²⁵ См. напр.: Дзиццойты 2003: 134-137.

²⁶ Шортанов 1969: 205-206; Алборов 1979: 257-309. В абхазских и в некоторых убыхских вариантах вместо колеса фигурирует камень с острыми краями, а в сванском – жернов [Джапуа 2003: 84]. Есть еще абхазские версии сказания, где ноги Сослану перерезает подложенный под ноги меч, причем надо заметить, что героя спасает волк [Джапуа 2003: 89].

²⁷ Миллер 1992: 445, 469.

²⁸ Абаев 1990б: 175.

²⁹ В кабардинском, абазинском, адыгском и карачаевско-балкарском эпосе аналогичное колесо зовется «Жан-Шерх», а в убыхском – «Джан Чарх» [Нарты 1956: 134; Джапуа 2003: 84]. Эти названия можно перевести как «узкое», «острое» или «режущее колесо».

³⁰ Чибиров 1976: 163-164.

³¹ Чибиров 1984: 121; Чибиров 1976: 167-168, там же и библиография.

³² Нарты 1989: 339.

³³ Чибиров 1976: 159.

³⁴ Багратиони Вахушти 1962: 217.

³⁵ Клапрот 1967: 165.

Архонского ущелья (боковой ветки Алагирского) указывает: «около Дейкау имеется четыре святилища, посвященных божествам - властителям грома и покровителям земледелия. В старейшем из этих святилищ «Хор Уацила» ежегодно вешали на шесте шкуру жертвенного козленка с оставленными в ней головой и копытцами животного».³⁶ В селении Едыс в Южной Осетии праздник Уацилла (как и упомянутый выше «Сосланы куывд» в Мацута) проводился в июле, и в этот день приносился в жертву козел, причем традиционно сохраняли шкуру, голову и ноги. В Едыс к Уацилла обращались также в случае засухи.³⁷ В связи с этим вспомним, что, по данным В. Миллера, использовавшего материалы о Гагуева, в засуху проводились особые моления и в Авд дзуаре. А совсем рядом с Галиатом, в соседнем селении Дунта, находилось «святилище козла» – «цау д_уар», где это животное приносилось в жертву в четверг третьей недели сенокоса, а также в честь рождения ребенка.³⁸ Вход в «цау д_уар» был разрешен только мужчинам. Видимо, именно об этом святилище писал посетивший Дигорию в 1848 году В. С. Толстой, указавший на его посвящение Уацилла:

*«Вацила – Илья Пророк – против деревни Валагом... обыкновенное каменное строение, которое прежде вероятно была часовня; на юге от этого строения поставлен высокий шест, на который надевают вывороченную шкуру, снятую мешком с домашнего козла. Это приношение Вацилы. Вблизи этой деревни шпилевидная скала, отделившаяся от горы: на ней тоже поставлен высокий шест. Это другой Вацила».*³⁹

³⁶ Пчелина 1948: 77.

³⁷ Чибиров 1976: 163.

³⁸ Миллер 1992: 443-444.

³⁹ Толстой 1997: 79.

Шпилевидная скала – это, вероятно, имеющий очень характерную и заметную форму вертикальный скальный выход по гребню хребта между селениями Дунта и Галиат. Несколько далее по этому же гребню, вдоль которого прослеживаются разновременные погребения и поселение аланского времени, находится и сам Авд дзуар.

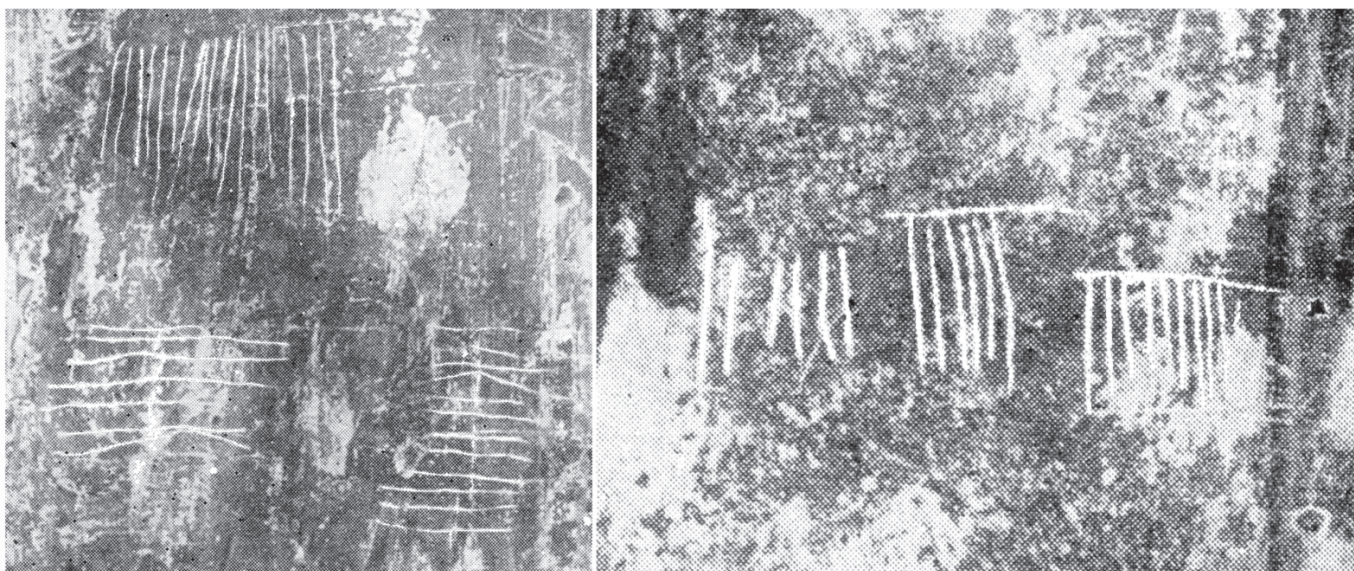
Вообще, о частом использовании козла как жертвенного животного писалось неоднократно, на некоторых церемониях присутствуют его изображения (напр. фигурное обрядовое печенье), и истоки этих культов уходят в глубокую древность.⁴⁰ В Дигорском ущелье отношение к козлу как к животному, особо связанному с сакральными культурами, археологически прослеживается непрерывно, начиная, по крайней мере, с кобанской эпохи. Изображение козлиных голов на «шестах» рядом с человеческими фигурками в позе адорации имеются на так называемом «штандарте» – наконечнике культового жезла V-IV вв. до н.э. из позднекобанского могильника «Гастон Уота» в Дигории, недалеко от селения Лезгор.⁴¹ На могильнике «Кари Цагат», тоже расположенном около Лезгора, на аланской «культовой площадке» VIII-IX вв. н. э. среди различных жертвоприношений находили головы и целые костяки принесенных в жертву домашних козлов.⁴² Разумеется, подобное использование этих животных – не локальная осетинская, а распространенная более широко традиция. Так, ближайшие аналогии упомянутого «штандарта» происходят из Закавказья.⁴³ А, по указанию Л. Биджиева, в Карачае

⁴⁰ Чибиров 1984, 121.

⁴¹ Mosinskij 1999: 221, abb. 3; 223, abb. 5.

⁴² Раскопки СКАЭ ГИМ 1993 и 1994 гг. Автор приносит благодарность А. П. Мошинскому за любезное разрешение использовать в нашей работе неопубликованные материалы раскопок.

⁴³ Мошинский 1995: 364.

Илл. 7. Ипрари. Граффити в интерьере церкви (по Ш. Я. Амиранишвили).

специально откормленного козленка приносили в жертву «богу молнии и грома Чоппа» с песней «Эйлири Чоппа» (правда исследователь отрицает связь этого культа с Ильей Пророком).⁴⁴ Надо отметить, что удивительная параллель прослеживается в мифологии стран, весьма отдаленных от Кавказа: общескандинавский бог-громовержец Тор ездит на повозке, запряженной козлами.⁴⁵ На наш взгляд, здесь следует говорить не о взаимном влиянии, а об общих индоевропейских истоках культуры народов, в течение тысячелетий не имевших прямых контактов.

Здесь также следует отметить наклонную сетку, покрывающую туловище изображенного в Галиате козла. Вероятно, в это вложен какой-то смысл, в связи с чем всплывают свидетельства о принесении в жертву Уацилла черного козла в память об убитом молнией.⁴⁶

На основе указанных нами материалов XVIII-XIX веков, где говорится о принесении козлов в жертву на определенных праздниках (причем, судя по данным этнографии, использовались именно домашние козы, а не дикие), некоторые исследователи указывают на «почитание» этого животного. Так В. И. Абаев предположительно говорит о поклонении козлу как тотему, что, по мнению ученого, могло являться древнейшей формой культа «грозового божества Wacilla».⁴⁷ На наш взгляд, слово «почитание» не совсем корректно, как сомнительны и рассуждения о тотеме. Надо различать домашнее и дикое животное, хотя отличие на изображениях не всегда можно уловить. Не очень похожа на животное-прародителя домашняя коза, а ее присутствие на каких-либо культовых церемониях совсем не является показателем тотемной роли, иначе козы – тотем и у греков, и у иудеев («козел отпущения»), и т. д. Все известные нам свидетельства скорее говорят об использовании козла в сакральных целях как приносимой жертвы, а никак не о его «почитании» или обожествлении. Нет намеков на какое-то особо почтительное отношение к домашним козам и в фольклоре (в отличие, например, от волка). Указание Вахушти на некое поклонение козлиной шкуре – тоже не является доказательством обожествления животного, да и вообще сомнительно, чтоб грузинскому царевичу разъяснили все подробности местных культов. Вряд ли громовержец Илья Пророк как-то ассоциировался с домашним козлом, и животное с Уацилла взаимно могли заменять друг друга в религиозных церемониях. Сторонний

наблюдатель Вахушти мог воспринять чучело как объект поклонения, а также сознательно акцентировать внимание читателя на «нехристианском» почитании осетинами фетиша.

Различные пересекающиеся линии во множестве покрывают южную и западную стены внутреннего помещения Авд дзуара. Дать им какое-либо уверенное толкование мы не беремся, поскольку они почти не складываются ни во что вразумительное, тем более что сохранность поверхности штукатурки оставляет желать лучшего. Вероятно, рисунки накапливались на стенах Авд дзуара в течение длительного времени, накладываясь друг на друга. При этом часть линий могла носить достаточно случайный характер. Впрочем, несмотря на кажущуюся хаотичность, в некоторых случаях систему их расположения проследить можно. Заметны какие-то окружности, а местами линии пересекаются под прямым углом и образуют квадратную сетку. Подобная «сетка» имеется также на западном фасаде памятника, слева от входа. Эти изображения вызывают в памяти «решетчатые квадраты» на стене склепа в Махческе, которые, по мнению Г. А. Кокиева, могли иметь магическое значение талисманов против болезней.⁴⁸ Есть и другие варианты толкования махчешских рисунков: например, что это «счетные знаки», «игральные доски» и проч.⁴⁹ В связи с этим приходят на память геометрические фигуры неясного назначения, встречающиеся на различных предметах (напр. на плинфе), и довольно условно объединенные в литературе под общим названием «вавилонны».⁵⁰ Надо отметить, что подобные знаки мы встречали и среди граффити в грузинских памятниках. Например, «решетчатые квадраты» имеются в интерьере церкви святой Марины монастыря Сапара. Возможно, эти «фигуры» как-то связаны с функционированием указанного храма, служившего усыпальницей семейства Лайсурдзе, т.е. носившего не приходской, а поминальный характер.⁵¹

Обращают на себя внимание также параллельные линии, иногда прямые, иногда слегка дугообразные, которые во множестве прослеживаются на стенах храма – левее и ниже «фигуры Сослана», около изображения козла, на южной и западной стенах и на алтарной преграде слева от проема (мы приводим не все прорисы этих «меток»). Практически всегда такие

⁴⁸ Кокиев 1928: 16. Тменов 1996: 428, рис. 75, 1.

⁴⁹ Тменов 1996: 247.

⁵⁰ Об этом см, напр.: Кузнецов 2003: 164.

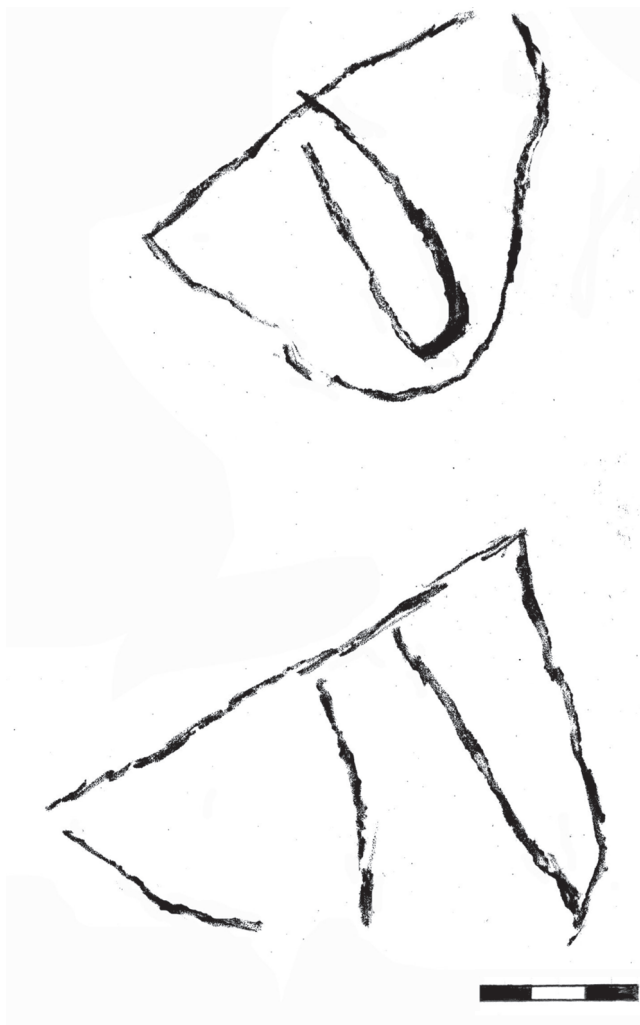
⁵¹ Монастырь Сапара (или Сафара) находится в Южной Грузии, в исторической области Самцхе, около г. Ахалцихе. Фресковая живопись относится к началу XIV в. «Решетчатые квадраты» и подобные им знаки процарапаны на северной стене под ктиторскими изображениями, среди многочисленных, в том числе и очень поздних, граффити.

⁴⁴ Биджиев 1993: 275-277.

⁴⁵ Мифы 1992: 519.

⁴⁶ По мнению Л. А. Чибирова, черный цвет олицетворяет мир подземелья [Чибиров 1984: 83, 191].

⁴⁷ Абаев 1990д: 313.

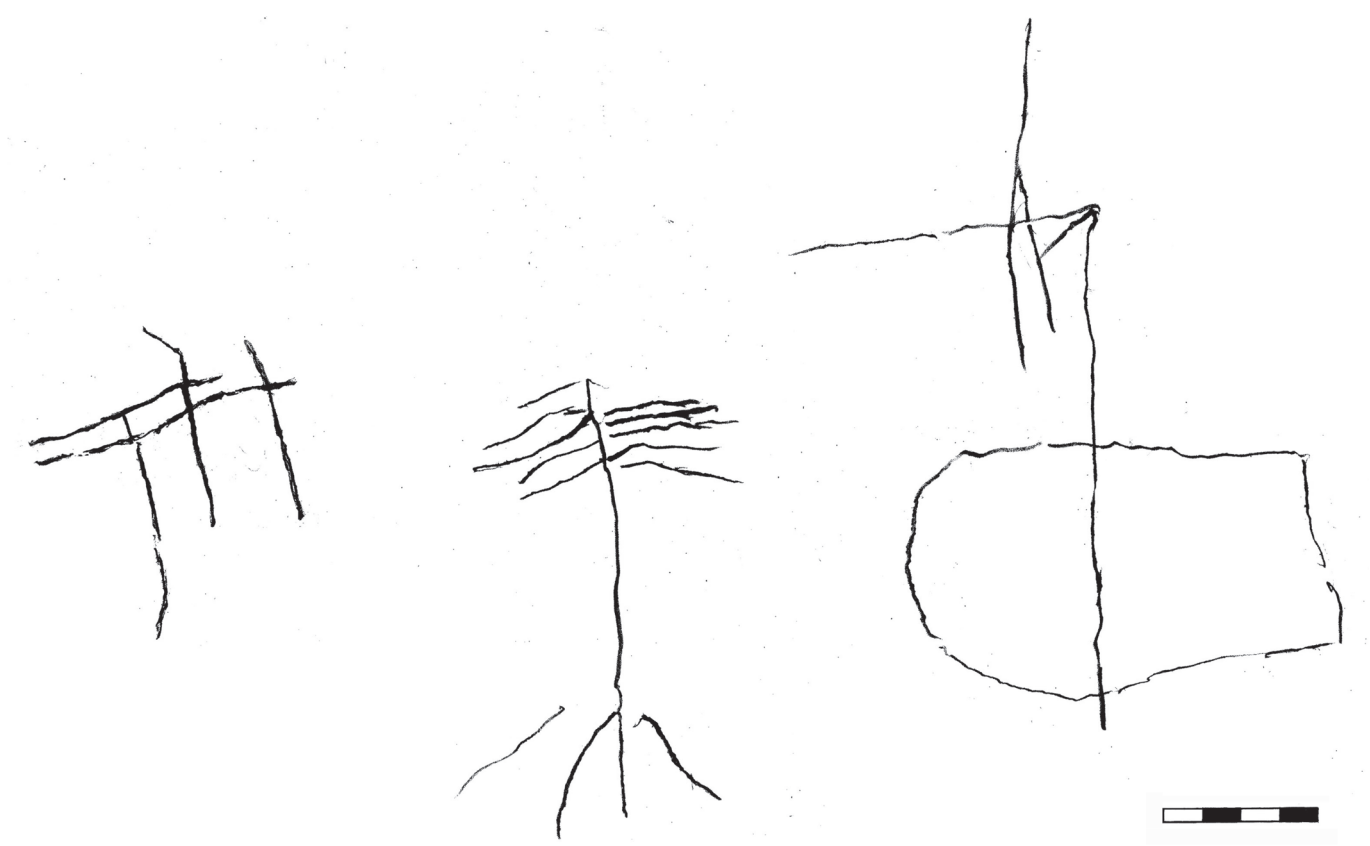
Илл. 8. Галиат. Авд дзуар. Граффити на западной стене, справа от проема.

линии пересечены по центру еще одной, как бы осевой, перпендикулярной линией, либо же «ось» проходит сбоку. Принцип построения этих «фигур» схож, и мы полагаем, что перед нами счетные или календарные метки. Самое интересное, аналоги можно найти в Закавказье. Так, в храме Ипрари в Верхней Сванети на стенах наоса во множестве сохранились процарапанные по древней штукатурке похожие метки в виде параллельных горизонтальных или вертикальных линий (илл. 7). При этом во многих случаях сбоку проходит перпендикулярная им линия, возможно означающая завершение подсчета.⁵² Похожие знаки имеются в интерьере верхней церкви Спасителя сванского селения Лагами.⁵³ Аналогия с галиатскими граффити здесь несомненна, но, разумеется, наши варианты интерпретации этих рисунков (как и толкование «решетчатых квадратов») – не более чем гипотеза.

На стенах храма имеется еще ряд фигур, явно не являющихся случайным сочетанием линий. Два таких изображения, имеющих в основе нечто вроде «полукруга» и отдаленно напоминающих человеческие лица, расположены в интерьере памятника, на его западной стене, справа от входного проема, причем очень низко – на высоте около полуметра от верха ступенек-«сидений», идущих вдоль стен (илл. 8).

⁵² Амиранишвили 1957: табл. 123, 125, 127, 129. Фрески относятся к 1096 г.

⁵³ Кения, Алдалишвили 2000: табл. 90. Фресковая живопись этого храма относится к XIV в.

Илл. 9. Галиат. Авд дзуар. Граффити на западной стене, слева от проема.

Илл. 10. Галиат. Авд дзуар.
Граффити на откосе
проема алтарной преграды.

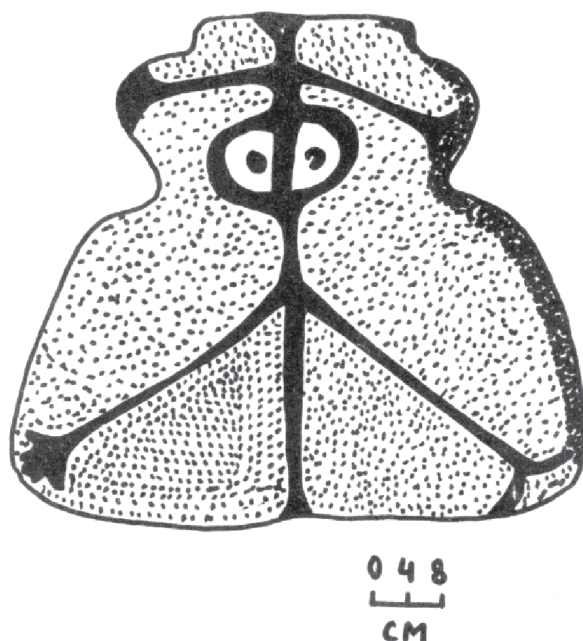
Илл. 11. Галиат. Авд дзуар.
Граффити на западном фасаде.

С противоположной стороны проема, среди множества довольно хаотичных линий, прослеживаются другие малопонятные фигуры (расположенные на уровне глаз; илл. 9). Кроме того, следует отметить процарапанный на северном откосе проема алтарной преграды тамгообразный знак, несколько напоминающий старославянскую букву «я» («юс малый»; илл. 10), а также изображение какого-то животного, расположенное справа от входа на западном фасаде храма (илл. 11)⁵⁴. Последний рисунок менее «реалистичен», чем изображение козла, помещенное в интерьере церкви.

Говорить о традиционности описанных выше изображений нам не позволяет незначительное число сохранившихся памятников средневекового «графического искусства» осетин (да и прочих горских народов Кавказа). Как уже указывалось, некоторое количество рисунков такого рода (в основном это петроглифы на постройках) было опубликовано В. Х. Тменовым.⁵⁵ Среди них мы находим и изображения козла, хотя прямого аналога галиатскому не имеется. Интересно, что одно из таких изображений, правда весьма схематичное и, наверное, спорное в своей интерпретации, зафиксировано на склепе в соседнем с Галиатом селении Дунта, а другое – в склепе дигорской фамилии Абисаловых в селении Махческ (расположенном в непосредственной близости с Уаллагкомом).⁵⁶ Но самое главное – среди опубликованных рисунков мы встречаем антропоморфное изображение из сел. Четырс в ущелье Трусо, живо напоминающее, судя по прориси, «фигуру Сослана» из Авд дзуара (илл. 12).⁵⁷ Изображение выгравировано на каменном навершии столпообразного святилища-«кувандона». В. Х. Тменов видит в этом рисунке «сильно стилизованное изображение женщины в стадии

соития», а та часть ее фигуры, которая нам напоминает голову «фигуры Сослана», трактуется как женские груди. Здесь следует признать, что подобного рода сильно стилизованная графика всегда вызывала и будет вызывать разнотолки в интерпретации. Не пытаюсь дать свое толкование опубликованного Виталием Харитоновичем рисунка, мы только хотим отметить некоторое сходство с галиатским граффити. Можно предположить, что какая-то негласная традиция изображения человека, основанная на стереотипе и наивности мышления горцев, существовала, и здесь мы встречаем ее отражение.

Особый и трудноразрешимый вопрос – это время создания галиатских граффити. Найти какие-либо датированные параллели достаточно сложно. В Закавказье граффити на стенах церковей известны в большом количестве, причем и в интерьерах, и на фасадах памятников. В интерьерах это обычно надписи, но существуют и различные рисунки типа указанных

Илл. 12. Четырс. Граффити на навершии
кувандона (по В.Х. Тменову).

⁵⁴ Изображение размещено на высоте ок. 125 см от уровня земли, и на расстоянии ок. 50 см от юго-западного угла.

⁵⁵ Тменов 1982: 22-68; Тменов 1996: 223-257, 427-435.

⁵⁶ Тменов 1996: 252; 439, илл. 79, 3.

⁵⁷ Тменов 1996: 250; 413, илл. 60, 4; 433, рис. 80, 1.

нами знаков из Сапара, Ипрари и Лагами. На фасадах, особенно на абсидах и южных стенах, часто встречаются кресты (вотивного характера?), в ряде памятников мы имели возможность видеть довольно схематичные изображения всадников или каких-то животных. Если время создания надписей определить относительно несложно по палеографическим признакам, то датировка рисунков затруднена, они могут относиться как к раннему, так и к позднему времени. Кстати, остатки каких-то граффити есть на восточном фасаде церкви конца XIX века, расположенной в Галиате недалеко от Авд дзуара. Среди них явно читается уже знакомый нам «решетчатый квадрат». На штукатурке южного фасада церкви в Фараскатта также прослеживаются рисунки, в основном – изображения четырехконечных крестов и опять – «решетчатый квадрат», но они могут относиться уже к «синодальному» этапу существования памятника, когда в нем была разобрана древняя алтарная преграда и сооружен деревянный иконостас. По всей видимости, описанные граффити из Авд дзуара также относятся к достаточно позднему периоду. Вместе с тем, некоторая выветренность рисунков дает основание не считать их произведением совсем недавнего времени или даже новейшей фальсификацией. Об этом же говорит и то, что рисунки продолжались на обширных ныне утраченных фрагментах штукатурки, разрушение которых не было единовременным актом, а продолжалось длительное время в результате подмокания стен (в некоторых местах, где штукатурка сохранилась, поверхность обмазки настолько высолена, что очертания граффити читаются только по выступающим над поверхностью черным линиям копоти, когда-то забившейся в глубоко процарапанные контуры). Вряд ли это рисунки ребенка или человека, не знавшего местных культов – на стенах дигорских памятников вообще довольно

редко встречаются автографы, в том числе и оставленные современными «туристами», да и среди «туристических» граффити нет ничего похожего. На наш взгляд, датировать галиатские изображения следует достаточно широко: XVIII-XIX веками. Относить граффити к более раннему времени не позволяет их относительно хорошая сохранность, а также то, что первоначально дзуар, вероятно, был все же церковью, и подобные рисунки были бы в нем не очень уместны, тем более на алтарной преграде, где должны помещаться священные изображения.

Уже отмечалось, что на Северном Кавказе сохранилось крайне мало «памятников графического искусства», которым можно дать абсолютно уверенное толкование. Понятно, что и наша интерпретация галиатских граффити далеко не бесспорна. Тем не менее, очевидно, что перед нами яркое и, в общем-то, не имеющее близких аналогов свидетельство своеобразного мировоззрения населения Дигории эпохи Позднего Средневековья. Кажется, по этим рисункам прослеживается связь Авд дзуара с аграрным и солнечным культурами, к которым имеют отношение Ойнон, Уацилла и Сослан. Важно отметить, что это абсолютно укладывается в рамки общеосетинских религиозных традиций. Описанные изображения уникальны, особенно если учесть, что мы крайне мало знаем о культурах и представлениях, связанных со святилищем Авд дзуар. По объективным причинам у нас не было возможности провести подробную фиксацию всех рисунков. Вместе с тем, аварийное состояние святилища вызывает острую необходимость проведения работ по укреплению и консервации всего памятника. Что касается самих изображений, вероятно наиболее правильным было бы решение о снятии фрагментов штукатурки с рисунками со стен храма и перенесении их в музей, что, к сожалению, в настоящее время трудноосуществимо.

Литература:

- Абаев 1990а* – Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов. // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990б* – Абаев В. И. Нартовский эпос осетин. // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990в* – Абаев В. И. Троянский конь. Кавказские параллели. // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990г* – Абаев В. И. «Шаман сильнее воина». // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Абаев 1990д* – Абаев В. И. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении Нартов и римлян. // Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990.
- Алборов 1979* – Алборов Б. А. Некоторые вопросы осетинской филологии. Орджоникидзе, 1979.
- Амиранишвили 1957* – Амиранишвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. Т. 1. Тбилиси, 1957.

- Багратиони Вахушти 1962* – Багратиони Вахушти. Описание царства грузинского. // История Осетии в документах и материалах. Т. 1. Цхинвал, 1962.
- Биджиев 1993* – Биджиев Л. Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.
- Гецати 1999* – Гецати А. Дигори коми мугъгги равзурд. Дзъунъигиъу, 1999.
- Джапуа 2003* – Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абраскиле. Сухум, 2003.
- Дзиццойты 2003* – Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амирани. Цхинвал, 2003.
- Доде 2001* – Доде З. В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.
- Дюмезиль 1976* – Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
- Дюмезиль 1990* – Дюмезиль Ж. Скифы и Нарты. М., 1990.
- Калоев 1971* – Калоев Б.А. Осетины. М., 1971.
- Кения, Аладашвили 2000* – Кения Р., Аладашвили Н. Верхняя Сванетия. (Средневековое искусство). Путеводитель. Тбилиси, 2000. (На груз. яз.).
- Клапрот 1967* – Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
- Кобычев 1979* – Кобычев В. П. Храмов древние стены. // СЭ, 1979, № 4.
- Кокиев 1928* – Кокиев Г. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928.
- Кузнецов 1977* – Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- Кузнецов 2003* – Кузнецов В. А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003.
- Миллер 1992* – Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
- Мифы 1992* – Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1992.
- Мошинский 1995* – Мошинский А. П. Штандарт из кобанского могильника Гастон Уота. // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды ГИМ. Вып. 87. М., 1995.
- Mosinskij 1999* – Mosinskij A. Die bestattung eines "Priesters" der Koban-Kultur im Graberfeld Gaston Uota, Nord Kaukasien. // Eurasia Antiqua. Band 5, 1999. Berlin.
- Мужухоев 1985а* – Мужухоев М. Б. К вопросу об интерпретации некоторых культурных памятников Северной Осетии эпохи средневековья. // Вопросы историко-культурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.
- Мужухоев 1985б* – Мужухоев М. Б. Средневековые святилища Центрального Кавказа. // СА, 1985, № 3.
- Нарты 1956* – Нарты. Кабардинский эпос. М., 1956.
- Нарты 1989* – Нарты. Осетинский героический эпос. Книга 2. М., 1989.
- Пчелина 1948* – Пчелина Е. Г. «Местность Уаллагир и шесть колен рода Особагатара». // ОРФ СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, дело 21.
- Тменов 1982* – Тменов В. Х. Памятники средневекового графического искусства Северной Осетии. // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 2. Орджоникидзе, 1982.
- Тменов 1984* – Тменов В. Х., 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.
- Тменов 1979* – Тменов В. Х. «Город мертвых». Орджоникидзе, 1979.
- Тменов 1996* – Тменов В. Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ, 1996.
- Толстой 1997* – Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997.
- Уварова 1900* – Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. // МАК. Т. VIII. М., 1900.
- Уварова 1904* – Уварова П. С. Кавказ. Путевые заметки. Ч.III. М., 1904.
- Халаева 1977* – Халаева К. Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание. // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.
- Чибиров 1969* – Чибиров Л. А. Анимистические верования осетин. Цхинвал, 1969.
- Чибиров 1976* – Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал, 1976.
- Чибиров 1984* – Чибиров Л. А. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвал, 1984.
- Чубинашвили 1990* – Чубинашвили Г. Н. Из истории средневекового искусства Грузии. Избранные труды. М., 1990.
- Чурсин 1995* – Чурсин Г. Ф. Авары. Махачкала, 1995.
- Шортанов 1969* – Шортанов А. Т. Героический эпос адыгов «Нарты». // Сказания о Нартах – эпос народов Кавказа. М., Ю 1969.

Т. К. Салбиев

Об обозначении ‘девяти’ в осетинском языке

Одной из особенностей осетинской системы счета следует признать то, что в составе сложных числительных и в самостоятельном употреблении для обозначения ‘девяти’ используются две различные лексемы. В. И. Абаев убедительно показал, что в составе сложных числительных *nu-dǣs* | *næw-dǣs* ‘девятнадцать’ и *næwædz* | *næwædzæ* ‘девяносто’ восстанавливается осетинский рефлекс старого иранского корня для обозначения девяти **næw-*, исторически преемственный с исходным для индо-европейских языков корнем **en-newn*. Сам этот корень представлен во многих древних и современных индоевропейских языках при обозначении ‘девяти’: персидском *nu(h)*, курдском *ne(h)*, заза *paui*, сакском *paui*, *po*, авестийском *nava*, древнеиндийском *nava*, немецком *neun*, латинском *novem*, армянском *inn*, греческом *εννέα* и пр. В самостоятельном же употреблении встречаем осетинское новообразование *farast* ‘девятнадцать’, которое, в отличие от остальных числительных, одно не восходит к соответствующему общеиндоевропейскому названию (в данном случае к др. иран. *nava-*). Слово ясно членится на приставку *far-* ‘за’, ‘по ту сторону’ и корень *ast* ‘восемь’ (иран. * *pāra-ašta*) буквально “за восемь”, “сверх восьми”. Объясняя семантику этого числительного, В. И. Абаев замечает: «Такой способ обозначения ‘девяти’ указывает на то, что восьмерка считалась “круглым” числом, как и десятка. В пользу этого говорят и такие выражения, как *æstæmæj æstmæ* (в эпосе) “восемь дней” (как круглый счет времени) и др. Древность подобных представлений подтверждается тем, что индоевропейское название ‘девяти’ происходит от прилагательного новый (ср. др.иран. *nava-* ‘новый’ и *nava-* ‘девятнадцать’) и означает “новое (после восьми) число» [ИЭС I: 419-420, II: 173, 174].

Как видим, изучение этимологии позволило не только открыть само древнее представление, но также выявить и два его характерных свойства.

Первое характерное свойство — *воспроизводимость*. Легко видеть, что под “способом обозначения ‘девяти’” подразумевается устойчивость определенной мыслительной структуры или модели, восходящей к архаическим представлениям о счете. Более того, в данном случае есть все необходимые основания для того, чтобы говорить об “архаизирующей инновации”, так как архаическая модель воспроизводится благодаря новообразованию.

Второе характерное свойство — *адаптив-*

ность, которая позволяет видеть историческую преемственность не в буквальном сохранении лексемы, а в способности самого способа наименования к модификации сообразно заданным условиям. Рассмотренная модель неизменна лишь в том, что следующее после ‘восемью’ число должно указывать на начало нового счета, а то, каким образом это будет выражено, никак заранее не предопределено.

Итак, мы убеждаемся, что применение сравнительно-исторического метода, лежащего в основе этимологических исследований и долгое время остававшегося господствующим в осетиноведении, позволяет успешно обнаруживать архаические явления и выявлять их характерные свойства. Однако эти явления неизбежно рассматривали как разрозненные фрагменты, лишённые системного характера. Новый этап в изучении архаического пласта наступил в последнее десятилетие, когда в осетиноведении самостоятельное значение стал приобретать структурно-семиотический метод, опирающийся на достижения сравнительно-исторического, но имеющий ряд принципиальных отличий. Его главной отличительной особенностью следует считать особый взгляд на традиционную культуру, который позволяет воссоздать картину мира народной культуры в органическом единстве всех ее элементов. Кроме того, благодаря его применению современной наукой уже приобретен успешный опыт изучения общих свойств архаического мышления, который может быть приложен и к осетинскому материалу.

Вновь вернемся к нашему примеру. Обращение к структурно-семиотическому методу в данном случае позволяет пойти дальше в нашем понимании рассматриваемого числового представления и выявить ряд его свойств, не столь значимых со сравнительно-исторической точки зрения. Продолжим наш перечень свойств рассматриваемого числового архаического представления, которые обозначены В. И. Абаевым, но не развернуты им.

Третье характерное свойство — *системность*. Это свойство проявляется дважды. С одной стороны, необходимо рассматривать два корня, старый и новый. Отказ от старого корня **næw* может быть связан с его участием в десятичной системе счета, поскольку он сохраняется в составе осетинских сложных числительных *nu-dǣs* | *næw-dǣs* ‘девятнадцать’, а также *næwædz* | *næwmdzæ* ‘девяносто’, связанных с десятками. Таким

образом, удается провести четкое разделение между двумя системами счета на уровне лексики.

Благодаря описательному способу номинации числительное 'девять' также получает особый статус в системе, так как единственное из натурального ряда чисел имеет ясную внутреннюю форму, иными словами – оно изначально имеет народную этимологию. Этим, по-видимому, следует объяснять то обстоятельство, что круглым, наряду с двадцатью, считалось и число восемнадцать, то есть 'дважды девять'. Вот что пишет К. Л. Хетагуров в одном из разделов этнографического очерка «Особа» о штрафах за нанесенные ранения:

«Всякое поранение, имевшее последствием членовредительство, подводилось под строго определенный параграф.

1. Поранение головы с повреждением черепа ценилось в 18 коров.
2. Рана, простиравшаяся до лба настолько, что шапкой нельзя было прикрыть шрама, – 18+9 коров. (У осетин 18 коров представляли из себя нечто вроде единицы меры.)» [Хетагуров 1989: 422]

При этом осетинское числительное *æstdæs* 'восемнадцать' представляет собой сложение из *ast* 'восемь' и *dms* 'десять' с ослаблением первого гласного. В этом числительном на уровне лексики сведены вместе 'восемь' и 'десять'.

С другой стороны, очевидно, что соотносимая пара *ast* 'восемь' и *farast* 'девять' также образуют отдельную семантическую подсистему, рассмотрение которой связано еще с одним характерным свойством этого числового представления.

Четвертое характерное свойство – *мотивированность*. По сути, мы имеем дело с двумя этимологиями: научной и так называемой народной, исходящей из высокой внутренней мотивированности рассмотренного слова, которое достаточно ясно членится на приставку *far-* 'за', 'по ту сторону' (пространственное значение) и корень *ast* 'восемь'. Следует заметить, что фонетическая форма *far-* не может считаться абсолютно прозрачной. Она сохранилась в этом виде всего лишь в приведенном примере. Однако сам корень, безусловно, совершенно понятен.

В этой связи заметим, что архаическое (или мифологическое) мышление обладает особыми свойствами, из которых выделим одно, представляющее нам важнейшим, а именно так называемый *этиологизм*. Принято считать, что именно *этиологизм* (от гр. *αἰτία*, "причина"), то есть попытка объяснять всякое реальное явление в окружающей человека среде ("как это произошло?", "как это сделано?", "почему?") является существеннейшей чертой мифологического мышления. [Токарев, Мелетинский: 13]

С другой стороны, современной наукой установ-

лено, что архаическое мышление, в отличие от современного, естественнонаучного, делает мир умопостижимым, то есть осуществляет процесс абстрагирования через сходства и несовместимости чувственных свойств. Поэтому первоначальными "кирпичиками", то есть базовыми элементами мифологических систем, образов и сюжетов являются отношения, выраженные в виде элементарных семантических оппозиций, которые соответствуют простейшей (интуитивной) пространственной и чувственной ориентации человека (*верх/низ, левый/правый, близкий/далекий, внутренний/внешний, большой/маленький, теплый/холодный, сухой/мокрый, тихий/громкий, светлый/темный*), парные различия цветов и т. п.

Эти бинарные противопоставления обычно "объективируются" и дополняются простейшими соотношениями в космическом пространственно-временном континууме (*небо/земля, земля/подземный мир, земля/море, север/юг, запад/восток, день/ночь, зима/лето, солнце/луна*), в социуме (*свой/чужой, мужской/женский, старший/младший, низший/высший*) или на грани социума и космоса, культуры и природы (*вода/огонь, огонь солнца/огонь очага, сырой/вареный, дом/лес, селение/пустыня* и т. д.), в более абстрактных числовых противопоставлениях (*чет/нечет, три/четыре* и т.д.), в таких функциональных антиномиях, как *жизнь/смерть, счастье/несчастье* и т.п., а также магистральной мифологической оппозиции *сакрального/мирского*.

При объективировании абстрактных соотношений возникает код. При этом коды могут соотноситься и между собой.

Приведенные бинарные (иногда троичные, четверичные и т.п.) оппозиции, прежде всего, упорядочивают и концептуализуют данные элементарно-чувственного восприятия [Мелетинский 1995: 85, 230].

С точки зрения мифологической бинарной логики, исходное индоевропейское противопоставление 'восьми' и 'девяти' было основано на оппозиции: старый (последний) / новый (первый). В современном осетинском языке рассматриваемая числовая пара соотносена с пространственным, горизонтальным противопоставлением. В соотносимой паре *ast* 'восемь' и *farast* 'девять' выраженным пространственным противопоставлением является (*вперед/здесь/позади*). Кстати, существует, и наречие времени, также использующее в своей семантике пространственное противопоставление, но уже не горизонтальное, а вертикальное: *wælastæn* 'сверх восьми (дней)' о продолжительности охоты и т.п. Оно представляет собой сложение из *wæstæn* 'над, сверху' и *astæn* (дат. пад., ед.ч. от *ast*) 'восьми', соотносимое с троичной оппозицией: (*снизу/здесь/сверху*).

Пятое характерное свойство — *универсальность*, предполагающая возможность объективизации

(овеществления) этого логического, то есть абстрактного, представления в различных областях традиционной культуры, как духовной, так и материальной.

А. Язык.

– процитированная выше идиома *æstæmæj æstmæ* в языке эпоса “восемь дней” (как круглый счет времени). Также производное от порядкового числительного прилагательное *æstæm | æstæn* ‘редкий’, то есть «встречающийся в пропорции один на восемь» [ИЭС I: 191]. В обиходном языке также употребительно наречие времени *æstæmæj æstæm* со значением ‘крайне редко’. Таким образом, можно говорить наряду с пространственной, также и о временной составляющей этого числительного.

В. Этнокультурные объекты.

– один из важнейших элементов домашней утвари: *ræxys | ræxuc* цепь над очагом, к которой подвешивался котел. Согласно сведениям о ней, содержащимся в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка», она считалась священной и имела своего божественного патрона *Сафа*. Над очагом и цепью давали клятву. Украсть или выбросить очажную цепь считалось большим оскорблением для всего рода и вызывало кровную месть. [ИЭС III 396] Такая цепь хранилась и в доме моего деда. Выполнена она была, безусловно, в строгом соответствии с канонами. Она включала большой крюк, расположенный снизу, на который могли подвешивать над очагом небольшой котел. Сверху она имела лапку, чтобы крепиться к потолочной балке. Сама же цепь четко делилась на две части. Если считать снизу, то сначала шли *девять* звеньев, а замыкали цепь – *три*. Между ними находилось связующее кольцо круглой формы, хотя основные звенья были выполнены в форме восьмерки. Это связующее кольцо также включало и дополнительный крюк, который мог использоваться в зависимости от хозяйственной надобности. Кстати, В. А. Цагараев, описывая очажную цепь, хранящуюся во Владикавказском краеведческом музее, отмечает, что ее верхний и нижний крючки орнаментированы растительным узором – елочкой (деревцем), у которой двенадцать уходящих вправо и влево веточек. Сама же цепь состоит из *девятой* звеньев [Цагараев: 38; полное изображение этой цепи см. Калоев 1973: 90].

– пищевые продукты: восьмеричное деление ритуальных круглых пирогов (ос. *чъири / къере*) [Уарзиати 1995: 123]; три треугольных особо престижных ритуальных пирога (ос. *æртæдзыхон / сæвсат*) образуют девятиконечную звезду. Заметим, что речь идет о ритуально значимой пище.

С. Фольклорные образы.

– фольклорный образ оленя включает постоянный эпитет *æstdæssion* ‘восемнадцатирогий’. Вот что замечает в этой связи В. И. Абаев: “Последний эпитет, видимо, глубоко традиционен. Именно 18 отростков (9 пар) имеют олени рога на древних изображениях”. [ИЭС III: 11]

– соотнесение с анатомическим кодом в загадке о теле человека (ос. *лæджы буар*):

Иу къуыдыры фараст хуынчъы [ОЭ III: 181]
(В одном чурбане девять дыр).

Так представляет фольклор анатомическое устройство человека.

Д. Этнополитический образ.

– центральное место на средневековом гербе Осетии, изображение которого было сделано в XVIII в. грузинским историком Вахушти, занимает изображение горной гряды, трактуемой как модель “мировой горы”, то есть один из алломорфов модели мироздания. Вот как описывает ее В. С. Уарзиати: “Горный кряж состоит из трех ярко выраженных вертикальных зон, нижняя из которых имеет четыре вершины, средняя – три, а верхняя, расположенная в самом центре и, как бы, венчающая эту своеобразную пирамиду, – одну.” [Уарзиати 1996: 19] Заметим, что общее количество вершин мировой горы восемь.

Ограничимся этими примерами. Именно универсальность является условием, обеспечивающим возможность создания фольклорных образов. Эта характерная черта связана, по-видимому, с такой особенностью архаического мышления как *диффузность*. Речь идет прежде всего о том, что само логическое мышление еще слабо отдифференцировано от эмоционального, абстрактное от конкретного. [Мелетинский 1995: 165-6].

Таким образом, рассмотренное числовое представление обязано своим существованием следующему набору мифопоэтических свойств:

- воспроизводимость;
- адаптивность;
- системность;
- мотивированность;
- универсальность.

Первые два свойства взаимосвязаны и являются историческими по своей природе. Воспроизводимость обеспечивается посредством адаптивности. Подобную нерасторжимую пару образуют и такие свойства как системность и мотивированность. Системность

позволяет «за деревьями увидеть лес». Мотивированность призвана раскрыть семантику древнего представления, то есть его внутренний смысл. Представляет-

ся, что именно универсальность архаических представлений обеспечивает единство традиционной культуры.

Литература:

- ИЭС* – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х томах. Репринт, М., 1996.
- Калоев 1973* – Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. М., 1973.
- Мелетинский 1995* – Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринтное. М., 1995.
- ОЭ* – Миллер В. Осетинские этюды. Репринт. Владикавказ, 1992.
- Токарев, Мелетинский 1987* – Токарев С. А., Мелетинский Е. М. Мифология. // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987. С. 11-20.
- Уарзиати 1995* – Уарзиати В. С. Праздничный мир осетин. М., 1995.
- Уарзиати 1996* – Уарзиати В. С. Средневековый герб алан-осетин. // Альманах «Осетия XX век». Владикавказ, 1996. Вып. 1. С. 10-25.
- Хетагуров 1989* – Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк). // Хетагуров К. Л. Избранное. Орджоникидзе, 1989. С. 388-427 .
- Цагараев 2000* – Цагараев В. А. Золотая яблоня нартов. Владикавказ, 2000.

Л. Р. Габоева

В поисках образа (иконография Сека Гадиева)

«При слове «подвиг» перед мысленным взором встает образ воина и слышится звон оружия! Но разве меньше героизма в повседневном писательском подвиге такого человека как Сека?»

В. И. Абаев

Знаменательно, что в последние годы возрос интерес к творчеству и личности основоположника осетинской художественной прозы, поэта и публициста Сека Гадиева.

Задача сохранения и развития осетинского языка, осознанная обществом на рубеже XX-XXI веков как первостепенная, требует обращения к плохо освоенным страницам нашей культурной истории и к образам тех деятелей, чьими героическими усилиями она писалась. Следует признать: мы непростительно мало знаем о жизни Сека Гадиева. По существу,

биография писателя не обогатилась с 1929 г., когда его сын Цомак написал об отце [Гадиев 1929].

В архивных и музейных собраниях Осетии хранится всего лишь одна фотография, на которой запечатлен Сека Куцыриевич Гадиев (илл. 1; 2)¹. Снимок был передан 22 сентября 1972 года в фонды Музея осетинской литературы им. К. Л. Хетагурова Георгием Петровичем Дзаттиаты. В книге поступлений музея содержатся следующие сведения: «Сека Гадиев

¹ Фотоснимок впервые опубликован в сборнике – [Гадиевы 1991].

Илл. 1. Фотография из фондов Музея осетинской литературы (Сека в третьем ряду в центре).

на похоронах неизвестного. Он стоит во втором ряду в центре, за женщиной. Видна левая часть его лица. Правая нижняя часть закрыта головой женщины. Слева направо стоят [в первом ряду – Л. Г.]: 1 - неизвестный, 2 – Коцоев Моисей (священник), 3 – Цомаев Харлампий (священник). Справа крайний – Бичерахов Василий. Рядом с Сека Гадиевым справа стоит чиновник Владикавказского окружного суда Александр Дзлиев». К сожалению, этим сведения и ограничиваются. В так называемой музейной «легенде» фотодокумента нет ни даты снимка, ни информации о том, как он оказался у Г. П. Дзаттиаты.

Запечатленное событие происходило в ограде храма Рождества Пресвятой Богородицы (известного как Осетинская церковь) во Владикавказе. Легко узнаваем западный вход в храм, на ступенях которого стоит группа женщин. Датировать снимок помогает присутствие священников Харлампия Цомаева и Моисея Коцоева.

Удается установить, что 28 ноября 1909 г. Харлампий Цомаев был переведен из селения Беслан во Владикавказ настоятелем Осетинской церкви с сохранением должности благочинного X округа [ВЕВ 1909/29: 814].

Священник Моисей Коцоев «13 ноября 1912 года был переведен из селения Кадгарон во Владикавказ в новооткрываемый Георгиевский (Осетинский) приход на Тенгинской (Владимирской) слободе» [ВЕВ 1912/24: 557]. В 1912 г. во Владикавказе началось строительство Свято-Георгиевского храма, настоятелем которого и должен был стать Моисей Коцоев, к тому времени уже имевший успешный опыт службы учителем и священником в селениях Гизель, Галиат, Кадгарон.

Помимо давних дружеских отношений, Сека Гадиева связывала с М. Коцоевым и Х. Цомаевым совместная деятельность в единственном осетинском периодическом издании на языке – журнале «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»). Моисей Коцоев, в то время настоятель Михайло-Архангельской церкви в сел. Кадгарон, был в 1911-1913 гг. первым редактором-издателем журнала. В 1915 г., после перерыва в издании, редактором журнала был назначен Харлампий Цомаев. Сека Гадиев горячо поддерживал журнал, был его активным сотрудником. Исследователи жизни и творчества писателя, как правило, лишь мельком упоминают эту страницу деятельности Сека Гадиева, считая ее третьестепенной. О той роли, которую Сека отводил этому изданию, а значит и своему участию в нем, говорит его стихотворение «Ныстуан» («Завет»). Оно опубликовано в январском номере «Чырыстон цард» за 1915 г., за полгода до трагической смерти автора:

Илл. 2. Сека Гадиев на фотографии из Музея осетинской литературы (увеличенный фрагмент).

«Зурнал та фæзынди,
Арфæ кæн, Хуыцау,
Дæ хорздзинад та
Ма фæкæн æвгъау».²

По мысли Сека, пути национального возрождения – это просвещение народа и преодоление сословного неравенства [Джусойты 1958: 25, 73]. Понимая значение периодической печати на родном языке, Сека со свойственной ему недюжинной энергией поддерживал все первые, пусть и недолговечные, осетинские газеты и журналы: его стихи, проза, статьи публиковались в «Ирон газет» (1906 г.), «Ног цард» (1907 г.), «Зонд» (1907 г.), «Хабар» (1907 г.), «Æфсир» (1910 г.).

Присутствие на снимке священников Х. Цомаева и М. Коцоева позволяет установить нижнюю временную границу: фотоизображение могло быть сделано не ранее ноября 1912 г.

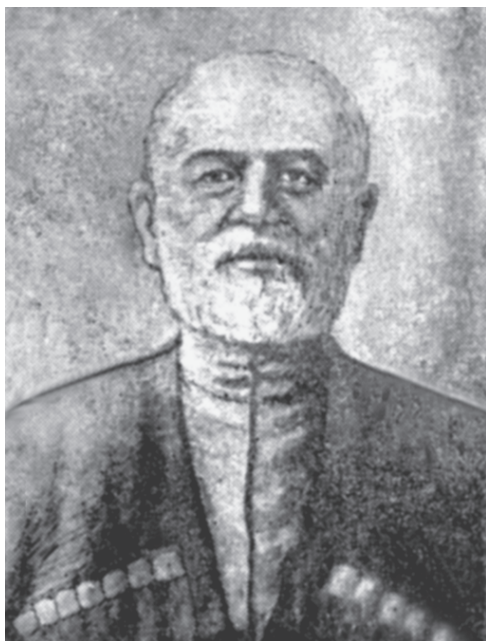
Именно этот фотоснимок имел в виду известный исследователь творчества Сека и Цомака Гадиевых Нафи Джусойты, когда писал, что «до 1948 года не было даже портрета Сека, и лишь в 1948 году молодой художник Кабисов Николай создал портрет писателя, пользуясь случайно найденным групповым фотоснимком, на котором было запечатлено и лицо Сека» [Джусойты 1958: 19-20]. По сообщению Н. Г. Джусойты, сделанному в беседе с автором этих строк, «случайно найденная фотография» обнаружилась у Петра – сына Сека Гадиева.

Петр Гадиев в 1915 г. блестяще окончил Ардонскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. Революция перекроила планы: Петр Юрьевич священником не стал. В дальнейшем его судьба была связана с педагогической деятельностью.¹ В 1932-1946 гг. он работал доцентом педагогического института в Цхинвале.

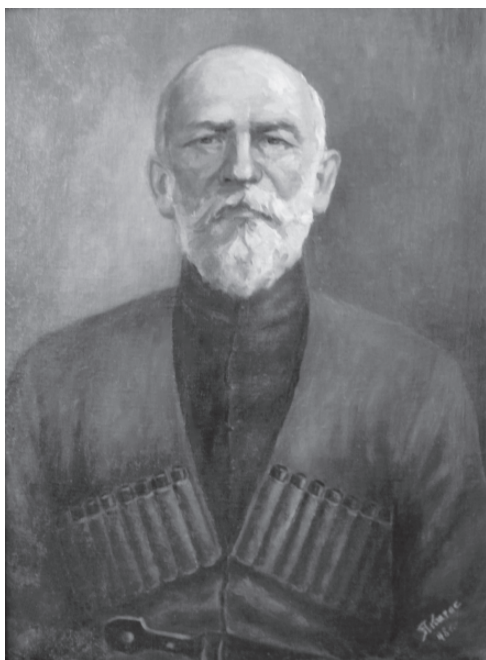
Находка фотографии (илл. 1; 2) и первая попытка воссоздать облик писателя совпадают по времени

² Это начало стихотворения: «Вновь появился журнал, / Благослови, Боже, / Свое благо снова / Не пожалей (для нас)».

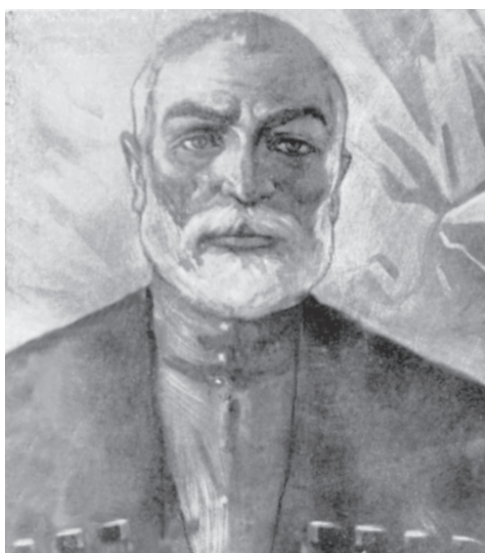
³ ЦГА РСО-А, ф. 128, оп. 3, д. 9, л. 2 об.

Илл. 3.
Портрет
Сека работы
Н. Кабисова.

Илл. 4.
Портрет
Сека работы
Н. Кабисова
(холст,
масло)
из Музея
осет. лит.

Илл. 5.
Портрет
Сека работы
А. Гасиева.

с работой над сборником прозаических и стихотворных произведений Сека Гадиева, вышедшим в 1950 г. в Сталинире (Цхинвале) – его составителями были Павел Санакоев и Георгий Дзаттиаты.

Павел Алексеевич Санакоев – научный сотрудник Юго-Осетинского НИИ, автор грузино-осетинского словаря и ряда работ по фольклористике. Как выяснилось, Пауле Санакоев в прошлом – священник. После окончания в 1902 г. Ардонской духовной семинарии он служил в Цхинвале и других населенных пунктах Осетии. Его близкое знакомство с Петром Гадиевым не вызывает сомнения. Копию с найденной фотографии в 1972 г. передал в Музей осетинской литературы Георгий Дзаттиаты – также научный сотрудник ЮОНИИ. Возможно, дата передачи связана с его возвращением к изучению творчества Сека: в 1971-1972 гг. Г. П. Дзаттиаты подготовил к публикации и издал доклад А. А. Тибилова «Рассказы Сека Гадиева», прочитанный еще в 1921 г. [Тиболов 1972].

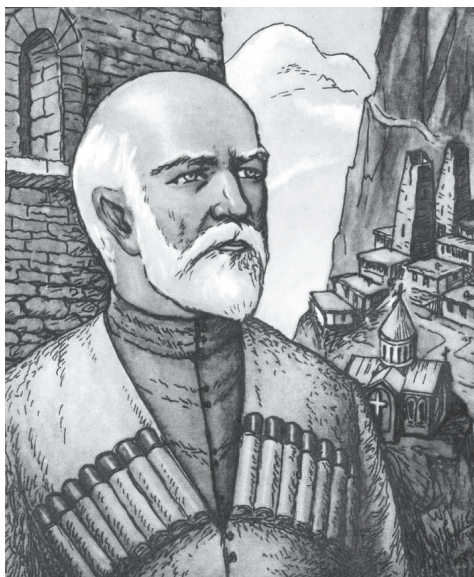
В фондах Музея осетинской литературы хранится не подлинник, а копия снимка. Есть надежда, что подлинник или другие, неизвестные нам, но бесценные документы сокрыты в семейных архивах потомков писателя (в том числе детей и внуков Петра Гадиева), ныне живущих в Москве. Найти этих людей пока не удалось, но продуманный и планомерный поиск новых материалов о Сека Гадиеве должен продолжаться.

Портреты Сека, созданные художником Николаем Кабисовым, хорошо известны. Графический портрет работы Н. Кабисова (илл. 3) впервые опубликован в 1950 г. в сборнике, подготовленном П. Санакоевым и Г. Дзаттиаты, а затем – в 1959 г. в подготовленной Н. Джусойты книге избранных произведений Сека Гадиева [Дзаттиаты 1959].

Сека – строгий судья и обличитель социального неравенства смотрит на нас с другого портрета, написанного маслом и хранящегося в Музее осетинской литературы (илл. 4). В левом нижнем углу холста – подпись художника и дата – «Н. Кабисов. 1948». По книге поступлений музея портрет принят в фонды 5 октября 1960 г. С 1970 г. это изображение активно используется в различных изданиях [См., напр., Калоев и др. 1973].

От музейной фотокопии отталкивались все художники, пытавшиеся представить облик Сека. В юбилейном 1965 году – к 110-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти С. Гадиева – Ахсар Гасиев предложил свое видение образа народного писателя (илл. 5) [Фидиужг 1965/9]. Сила таланта Сека, преодолевающая все жизненные преграды, воплотилась у художника в портрете эпического героя.

Образ Сека, предложенный Умаром Кануковым (илл. 6), можно определить как романтический. Портрет опубликован в 1981 г. в собрании произведений С. Гадиева, подготовленном Надиной Мамиевой [Гадиевы 1981].

Илл. 6.
Портрет
Сека работы
У. Канукова.

В последние годы поиск образа продолжен с помощью новейших технологий. В июле 1998 г. создатели Исторического атласа Осетии, вернувшись к документальной первооснове – музейному фотоснимку, провели компьютерную реконструкцию фотопортрета писателя (илл. 7) [ИАО: 36]. Подобным же путем пошли издатели поэмы А. З. Кубалова «Æфхждты Хæсанæ» [Кубалов 2000: 65].

Счастье улыбнулось нам в июне 2003 г. Поиск сведений по совершенно другой теме привел меня к Александру Давидовичу Санакоеву. В его семейном архиве обнаружился дореволюционный фотоснимок⁴ (илл. 8) – бесценная награда многолетних поисков. На первом плане в полный рост стоит Сека Гадиев! В том, что это именно он – нет никаких сомнений. Первое, что бросается в глаза – это сходство с фотопортретом-реконструкцией из Атласа. А при внимательном изучении фотографии на левой стороне лица писателя читается слабая надпись, выполненная черными чернилами: «Сека» (илл. 9).

О том, что на фотографии запечатлен Сека Гадиев, Александр Санакоев до нашей встречи не знал. По его словам, на снимке запечатлены похороны Николая Санакоева. Хранитель реликвии смог назвать стоящих у изголовья (слева направо): дьякона Василия Бичерахова, священника Харлампия Цомаева, супругу покойного Ксению Пантелеймонову с детьми – Людмилой (на руках) и Ольгой. Справа от священника несколько сзади – Давид Николаевич Санакоев, отец информатора. Взгляд Д. Санакоева устремлен в сторону Сека. Кажется, он указывает нам на писателя.

Александр Давидович рассказывает, что Николай (Нико) Санакоев был предпринимателем, имел во Владикавказе и в других местах цеха по производству прохладительных напитков. В 1908 г. он привлек к своему

делу родственника, Давида Санакоева, переехавшего во Владикавказ из сел. Дзау.

Чтобы датировать уникальный снимок, пришлось значительно расширить поиск и исследовать другие семейные архивы, в том числе личный архив Людмилы Николаевны Санакоевой-Чибировой (дочери Нико), хранящийся у Николая Христофоровича Чибирова.

Можно смело датировать выявленный снимок 18-м или 19-м апреля 1913 г., так как, по записи из архива дочери, Николай Санакоев умер 17 апреля 1913 г. (по сведениям информаторов, в возрасте 37 лет) во Владикавказе, где и был похоронен на Староосетинском кладбище по ул. Большой Георгиевской (ныне ул. Кутузова).

Сравнивая изображение Сека Гадиева на фотографии 1913 года с реконструкцией его лица по известному снимку из Литературного музея, нетрудно заметить, что последний сделан позже: на нем Сека выглядит значительно старше. Даже если музейный снимок датировать предельно поздним временем (близким к 8 июля 1915 г., дню трагической гибели писателя), хронологическое «расстояние» между двумя фотографиями укладывается в два года. Могло ли столь короткое время так изменить облик Сека?

Следует учесть, что на недавно обнаруженной хорошего качества фотографии Сека стоит на первом плане. На фотокопии из Литературного музея лицо Сека, находившегося далеко от фотокамеры, несколько размыто, нечетко. Часть лица заслонена головой стоящей впереди женщины. К тому же у писателя, смотрящего в камеру из-за спины этой женщины, слегка приподнят подбородок. Все это искажает облик Сека.

Вспомним также, что речь идет о труднейшем периоде жизненных невзгод и лишений, которые не могли не отразиться на его здоровье: Сека болел,

Илл. 7.
Компьютерная
реконструкция
фотопортрета
Сека по
музейному
снимку
(см. илл. 2).

⁴ Фотография размером 23,5 см x 17,3 см, закреплена на картонном паспарту размером 27 см x 25 см.

порой тяжело, о чем мы узнаем из письма сыну Цомаку [Гждиаты 1981: 421].

Последние страницы жизни писателя были связаны с Владикавказом. «Георгий⁵ Гадиев, псаломщик церкви с. Саниба, согласно прошению, – сообщали в 1909 г. Владикавказские епархиальные ведомости, – уволен за штат 31 июля»⁶; обязанности псаломщика или причетника при церкви Святой Троицы в горном селении Саниба были возложены на сына Сека – Николая [ВЕВ 1909/18: 613]. Позже Николай Гадиев служил в сел. Кадгарон, где главой прихода и настоятелем Михаило-Архангельского храма был священник Моисей Коцоев. Сека же с семьей переехал во Владикавказ.

Во Владикавказе закончились двадцатисемилетние странствия по Осетии – служба причетника Георгия Гадиева в селениях Дарг-Кох (1882-1885), Батакоюрт (1885), Гизель (1885-1908), Саниба (1909).

В советское время поступок Сека, оставившего церковную службу в возрасте 54 лет, порой интерпретировали как ответ на арест в марте 1908 г. его сына Цомака. Уход со службы рассматривался как чуть ли не богоборчество.

⁵ Георгий или в русской форме «Юрий» – крестильное имя Сека Гадиева.

⁶ В литературе указываются 1910 и 1912 гг.

Реальность была прозаичнее. Церковная служба не обеспечивала средствами к существованию многочисленную – семеро детей – семью. Должность причетника (или псаломщика)⁷ была самой низшей ступенью в церковной иерархии. Еще более гнетущей, чем мизерный оклад, являлась необходимость «быть вечно в услужении, быть «вечно младшим»» [Гадиев 1929: 237].

За два года до ухода с церковной службы, в 1907 г. в статье «Цжгаты Ир» («Северные осетины»), опубликованной в газете «Ног цард», Сека ярко описал действительное положение низшего духовенства, к которому в течение 36 лет принадлежал сам.

Его знали в народе как автора «Азау» и «Чермена». Сборник его стихотворений «Ирон фиййау» вышел из печати еще в 1905 г. и был известен всей Осетии. У него было Имя, имя Народного поэта. Терпеть унижения он уже не мог.

Уйдя со службы, в 1910 г. Сека Гадиев с женой Мариной Евстафьевной Битаровой и детьми Захаром (Заликъо), Александром (Адоптæ), Петром, Верой, Афанасием (Афонкж) поселился во Владикавказе по ул. Тифлисской (пр. Коста, 161)⁸. Постепенно сложилась

⁷ В литературе Гадиева чаще называют дьячком.

⁸ Дом Сека Гадиева в 1984 г. включен в Список памятников истории и культуры, в 1987 г. на нем установлена мемориальная доска работы М. О. Царикаева.

Илл. 8. Фотоснимок 1913 г. из архива А. Д. Санакоева. Справа на первом плане – Сека.

небольшая усадьба Гадиевых: дом Сека и расположенный во дворе флигель для семьи старшего сына Захара. В глубине двора находились конюшня и амбары для зерна. Вместе со старшим сыном Сека обрабатывал взятые в аренду земельные участки. Младшие дети в свободное от учебы время помогали по мере сил. «Земля, собственно труд на земле, – писал впоследствии Цомак Гадиев, – стал для него не только источником существования, но и своеобразным арсеналом, откуда он черпал материал для своего творчества, образы, сравнения» [Гадиев 1929: 237]. Дочь Вера вспоминала: «Однажды во время пахоты Сека попросил ездока Петра Юрьевича (сына – Л. Г.) остановить лошадь. Сека вынул из-за пазухи клочок бумаги, карандаш и начал писать»⁹.

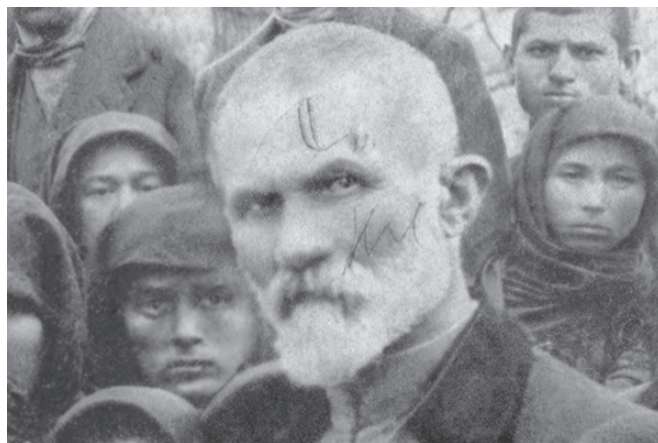
Последние годы жизни Сека были отмечены активным поиском новых жанров в литературе: рассказа, повести, романа [Салагаева 1970: 37-38]. Сека все чаще обращался к прошлому, находил в нем героические страницы и открывал их для своих современников. Образ национального героя Ос-Багатара волновал писателя. Тема воплощалась не только в малых формах – стихотворениях – Сека работал и над исторической драмой «Ос-Багъатыры хæст» («Битва Ос-Багатара»), которую ему, однако, не удалось завершить.

После 1905 г. не был издан ни один из подготовленных им сборников произведений – «Ганис» (1906), «Цæстысыг» («Слеза», 1910-1911), «Куырм фжндырдзгъджг» («Слепой певец», 1912), а он упорно работал над пятой, оказавшейся последней, книгой – «Фынтæ» («Сны», 1914). Его прежние и новые произведения, большей частью религиозно-исторического характера, регулярно появлялись на страницах возобновленного в 1915 г. журнала «Чырыстон цард».

Но главным делом Сека стала борьба за сына Цомака. Отец и сын были очень похожи – и не только внешне, их связывало духовное родство. Сека открыл Цомаку глубины народной культуры, Цомак расширил отцу горизонты литературного творчества, познакомив его с русской классической литературой. У Сека, по воспоминаниям дочери Веры – находили отклик и мысли сына о переустройстве общественной жизни [Джусойты 1958: 12].

За революционную деятельность эсер Михаил (Цомак) Гадиев, студент словесного отделения Юрьевского университета, был приговорен к четырем годам каторжных работ, замененных ссылкой в Восточную Сибирь на вечное поселение.

После вынесения приговора уже 26 марта 1910 г. Сека Гадиев просит императора Николая II о помиловании сына: «35 лет я служил у алтаря Господа Бога

Илл. 9. Сека Гадиев на фотографии 1913 г. (увеличенный фрагмент).

нашего псаломщиком. Много горя и невзгод я претерпел за свою долготлетнюю службу, а вот теперь, когда старость и болезни приковали меня и мою жену к постели, на нас обрушился удар, который не дает нам подняться...» [Цит. по кн. Джусойты 1965: 37].

Еще два раза – 24 декабря 1912 г. и 4 декабря 1914 г. отец просил о помиловании сына. В последний раз Сека воспользовался приездом царя во Владикавказ и сумел передать прошение, в тот же день сообщив сыну об этом в письме [Гэдиаты 1981: 421].

Сека страдал из-за того, что не мог ни вызвать из ссылки сына, ни материально его поддерживать. «Æз дж разы сауцжсгом джн уый тыххжй, жмж дын никуы ницы арвыстон» («Я тем виноват перед тобой, что никогда ничего тебе не послал»), – с болью пишет он сыну в Сибирь 1 октября 1912 г. [Гэдиаты 1981: 419].

Сын унаследовал силу отца, до конца своих дней оба сохраняли мужество и оставались верными избранному пути. Цомак Гадиев и в ссылке продолжал общественно-политическую деятельность, с 1912 г. активно печатался в различных сибирских изданиях.

Отец в ответ на расспросы окружающих о сыне спокойно отвечал: «Ницы кжны, мж фырт иунжнжу, уым аджмы хуызджртж сты. Стжй кжрныхы тыххжй мыййаг нж бады, аджмы сжрыл хжцыд». («Ничего, сын мой не один там, с ним лучшие люди. Не за воровство он сидит, за народ боролся») [Цит. по кн. Джусойты 1958: 12].

Разлученные отец и сын строили совместные творческие планы. Из письма Сека от 12 марта 1913 г. узнаем, что по договоренности с сыном Сека работал над вторым вариантом повести «Азау» и собирался выслать текст Цомаку в Сибирь [Гэдиаты 1981: 422]. А уже в апреле 1914 г. «Азау» в переводе Ц. Гадиева вышла на русском языке в петербургском журнале «Жизнь для всех».

8 (21 н. ст.) июля 1915 г. Сека Гадиев вместе с посланцем из родных мест Дзахотом Дзестеловым

⁹ Архив ИИА. Воспоминания В. Ю. Гадиевой-Корнаевой. 1979 г. Л. 1 об.

Илл. 10. Образ Иисуса Христа с надписью на окладе: «8/VII 1915 Осетинскому Народному певцу Сека от его сородичей».

[Салагаева 1970: 21] отправились на арбе в Кудское ущелье, чтобы уладить конфликт между крестьянами, вспыхнувший из-за земли. К посредничеству Сека часто обращались жители родного горного общества. На пересечении улиц Ардонской и Ольгинской (ныне ул. Генерала Плиева) лошадь, испугавшись внезапно появившейся машины, понеслась. Сека не удержался, упал и разбился насмерть о камни мостовой.

Неожиданная смерть отца потрясла Цомака. По воспоминаниям его близких, получив из Владикавказа депешу со страшной вестью, он выбежал из дома, скрылся в тайге и долгое время не возвращался [Джусойты 1965: 72].

Сека Гадиева хоронили 9 (22 н. ст.) июля 1915 г. при большом стечении народа, среди собравшихся было много учащейся молодежи.

В новой Георгиевской церкви Сека отпевали священники Харлампий Цомаев, Моисей Коцоев, Иоанн Хетагуров, Георгий Натадзе и дьякон Василий Бичерахов.

На Мещанском кладбище, где хоронили писателя, его друг и соратник Харлампий Цомаев прочел стихотворение Сека «Тжхуды» и сказал о Сека как о великом труженике и пастыре народа, назвал его сияющей звездой осетинского языка. Закончив прощальное слово, Харлампий Цомаев приложил к груди Сека образ – икону Иисуса Христа [Цомайты 1915: 364-365]¹⁰. Внизу на окладе была выгравирована надпись: «8/VII 1915 Осетинскому Народному певцу Сека от его сородичей» (илл. 10).

В юбилейном 1965 году Васо Абаев сформулировал «наш долг перед Сека»: издать академическое собрание его сочинений, создать мемориальный дом-музей Гадиева в сел. Ганис, установить бюст писателя на его могиле, назвать его именем улицы, школы и культурные учреждения [Абаев 1965: 243].

Прошедшие 40 лет показали – долг не исполнен. Ганис принадлежит соседнему государству. Могила писателя утрачена навсегда. Нет ни музея, ни академического издания, ни улицы.

В 2005 году исполняется 150 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти Сека Гадиева.

Литература:

- Гæдиаты 1950* – Гæдиаты Секъа. Æвзæрст уацмыстæ. Сар. Санахъоты П., Дзæдтиаты Г. Сталинир, 1950.
- Гæдиаты 1959* – Гæдиаты Секъа. Равзаргæ уацмыстæ. Сар. Джусойты Н. Сталинир, 1959.
- Гæдиаты 1979* – Гæдиаты Сека. Равзаргæ уацмыстæ. Сар. Æлборты Хадзы-Умар. Цхинвал, 1979.
- Гæдиаты 1981* – Гæдиаты Секъа. Азау. Уацмыстæ. Сар. Мамиаты Н. Дзæуджыхъæу, 1981; 2-аг рауагъд – 1988.
- Гæдиаты 1991* – Гæдиаты Секъа. Уацмыстæ. Сар. Мамиаты Н.. Дзæуджыхъæу, 1991.
- Абаев 1965* – Абаев В. И. О Сека Гадиеве // Альманах «Советская Осетия». №26-27. 1965. С.240-243
- Гадиев 1929* – Гадиев Ц. Сека Гадиев – осетинский поэт-самоучка. 1855-1915 // Известия Горского педагогического института. Т. V. Владикавказ, 1929. С. 234-247
- ВЕВ 1909/18* – Владикавказские епархиальные ведомости. 1909. №18.
- ВЕВ 1909/29* – Владикавказские епархиальные ведомости. 1909. №29.
- ВЕВ 1912/ 24* – Владикавказские епархиальные ведомости. 1912. №24.
- Джусойты 1958* – Джусойты Нафи. Сека Гадиев. Сталинир. 1958.
- Джусойты 1965* – Джусойты Нафи. Цомак Гадиев. Орджоникидзе. 1965.
- ИАО* – Исторический атлас Осетии. Владикавказ, 2002.
- Калоев и др. 1973* – Калоев Г. З., Ардасенов Х. Н., Гиреев Д. А. Писатели Северной Осетии. Орджоникидзе. 1973; 2-е изд. Владикавказ. 1992
- Кубалов 2000* – Кубалов А. Афхардты Хасана. Эпическая поэма. Владикавказ, 2000.
- Салагаева 1970* – Салагаева З. М. Четыре этюда об осетинской прозе. Орджоникидзе, 1970.
- Тибиллов 1972* – Тибиллов А. А. Рассказы Сека Гадиева. Известия ЮОНИИ. Вып. XVII. 1971. Цхинвал, 1972. С. 229-239.
- Фидиуæг 1965/9* – Фидиуæг. 1965. №9.
- Цомайты 1915* – Цомайты Г. Гæдиаты Секъа / Чырыстон цард. №8. 1915. С.364-365.

Литература свидетельства

Бимболат Бтемиров

«Я потерял свое имя...»

Бимболат Бтемиров – почти забытый ныне литератор, печатавшийся в осетинских периодических изданиях 20-х гг. XX в. Лишь один его труд благополучно пережил катаклизмы отечественной истории, оставаясь востребованным во все времена. Осетинскому читателю хорошо известна небольшая книжка под названием «Ирон хъжлдзжг ныхжстж жмж фыджлты жмбисжндтж», впервые вышедшая в 1924 г. в берлинском издательстве Елбыздыко Гутнова, а затем неоднократно переизданная. Составителями этого – все еще наилучшего – собрания осетинских анекдотов были Бимболат Бтемиров и Агубечир Бдтаев. Судьба уготовила знатоку юмористического фольклора суровые испытания – Бимболат Бтемиров стал узником советских лагерей, а затем эмигрантом.

По информации, любезно предоставленной Управлением ФСБ России по РСО-А, в архивном уголовном деле имеются следующие сведения:

Бимболат Асланбекович Бтемиров родился в 1890 г. в селении Даргавс, осетин, женат и имеет сына, беспартийный, образование – среднее, служит бухгалтером в Осетинском Облисполкоме, воинской повинности не подлежит, проживает по ул. Интернациональной 77, владеет крупным домом, в 1919 г. (т. е. перед установлением советской власти) был владельцем промышленного предприятия по производству сапожного крема.

Арестован 10 октября 1930 г. по обвинению в том, что «1. Добровольно примкнул к контрреволюционной повстанческой организации, ставившей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания; 2. Изъявил согласие возглавить повстанческую деятельность в Осетии и развернуть нелегальную деятельность по организации повстанческих ячеек на территории г. Владикавказа; 3. Проводил систематическую пропаганду, вызывая повстанческие настроения в массах осетинской части г. Владикавказа». 27 января 1931 г. Тройкой Северо-Кавказского Края был приговорен к заключению в концентрационный лагерь на 10 лет.

31 марта 1989 г. был реабилитирован Прокуратурой Северо-Осетинской АССР в соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов».

Уточнить обстоятельства жизни Б. А. Бтемирова помогают написанная им в начале 50-х гг. «Краткая автобиография» и воспоминания его племянницы И. Н. Цаликовой.

Бтемировы происходят из Даргавса, откуда родители Бимболата переселились в Даргках на правах «временноположивающих».

Из автобиографии следует, что Бимболат (в крещении Борис) Асламбекович (Алексеевич) Бте-

миров родился в городе Дзауджикау-Владикавказе в 1895 г. Надо полагать, эти данные вернее записанных в уголовном деле. Мать Бимболат – Деде Цирихова, в семье было шестеро детей: четыре сына и две дочери. Бимболат еще учился, когда умер его отец, и вскоре семья переехала в селение Црау, основанное в 1911 г. на землях, которые специальным решением были выделены для осетин-«временнопроживающих». Завершив среднее образование, Бимболат прошел курс бухгалтерского дела в Царицыне.

Дочь его сестры Саниат – И. Н. Цаликова в детстве часто гостила у Бимболата во Владикавказе. В доме был рояль, и Бимболат обычно просил Деде поиграть осетинскую музыку. «Хорошо помню, – рассказывает племянница, – как он варил черный крем для обуви после работы, и помню себя, клеющую этикетки к стеклянным баночкам. Он очень любил цветы, и в саду у них было много цветов и фруктовых деревьев, и на работе он много цветов разводил».

Женился Бимболат на Фатиме (Клавдии Георгиевны) Дзуцевой из Ольгинского. Единственный их сын – Таймураз.

До ареста Бимболат служил главным бухгалтером в Облсполкоме Северо-Осетинской автономной области. Состоял членом Союза писателей, сотрудничал в газете «Ржстдзинад» и журнале «Жфсир», выходившем в Южной Осетии.

Родственникам Бимболат рассказывал, что его опыт и профессиональная подготовка пригодились в заключении, бывшего главбуха северо-осетинского правительства «продавали» из одного лагеря в другой. Всего их было три – «Вишлаг», «Архперпункт», «Бамлаг» – от Архангельска до Бама. Воспользовавшись своим особым положением, Бимболат сумел бежать, участвуя в приеме очередного этапа. В автобиографии он пишет: «Весной 1934 г. мне удалось бежать из Бамлага в Ашхабад (Туркестан), где соединился с ожидавшей меня там моей семьей. Осенью того же года мы перешли пешком иранскую границу». Организовать нелегальный переход границы помог живший в Ашхабаде Ханджери Шанаев.

Оставалось убедить иранцев в том, что Бтемировы мусульмане, иначе им грозила высылка в СССР. Имен Бимболата и Фатимы оказалось недостаточно, семью спас маленький Таймураз, который еще на родине был обрезан в медицинских целях.

В Иране Бимболат работал на строительстве железных и шоссейных дорог. Жену он назы-

вает в автобиографии «портнихой и домохозяйкой», сына – механиком-шофером. В июле 1950 г. Бтемировы были включены в квоту американского консульства на выезд в Нью-Йорк. В бумагах Бимболата сохранилось датированное сентябрем 1952 г. извещение иранского отделения Толстовского фонда с приглашением посещать курсы английского языка. Этот фонд, возглавляемый Александрой Львовной Толстой, помог Бтемировым найти жилье и работу в США.

Бимболат умер в 1963 г. и похоронен в Нью-Йорке. Таймураз передал бумаги отца его племяннице и своей двоюродной сестре – Ирине Николаевне Цаликовой (урожденной Дзиковой, жене известного осетинского режиссера, актера и драматурга Маирбека Курмановича Цаликова).

Рукописи Бимболата Бтемирова, вернувшись на родину, носят черты экстраординарности. Русский (неудобный для автора) язык этих текстов, их тематическое единство (действительность рубежа 20-30-х гг.) и «терпеливо-объективный» взгляд на описываемые события, понимаемые как роковая судьба страны, как уродливая биография поколения, стремление понять подлинный смысл и увидеть исторические масштабы происходящего, отличить политические цели от социокультурных механизмов общественного переустройства – все это не оставляет сомнения: перед нами записки человека, мало озабоченного собственным авторством и литературными задачами. Его главное желание – преодолеть иллюзию тупой немоты современников, его последняя надежда в том, что мы их (именно «их», а не его одного) услышим. Эта амбиция «коллективного послания» и душевная сила, позволившая избежать личностного пафоса и жалобного эгоизма обиды, ставят публикуемые очерки в ряд лучших свидетельств давно пережитой нашим обществом, но все еще не изжитой эпохи.

Тексты публикуются в полном соответствии с оригиналом. Для удобства чтения скорректирована пунктуация, в квадратных скобках восстановлены пропуски и сокращения.

Р. Б.

Бекоев

В пяти километрах от станции Даргкох Владикавказской железной дороги расположено большое селение под тем же названием Даргкох. В этом селении проживал человек средних лет по имени Иналдико Бекоев. Он был крупный, атлетического телосложения человек, добряк и большой шутник. По-видимому, тяжелая сельскохозяйственная работа не пришлась ему по душе, поэтому Бекоев жил бедно. Но, говорят, «нет худа без добра»: добряк не был раскулачен, а по советским законам причислен к категории бедняков. В селении шла беспощадная «коллективизация» сельского хозяйства. поголовно арестовывали намеченных людей по особому списку «кулаков», комиссия по раскулачиванию работала усиленно. Целый ряд семейств выгонялись на улицу из собственных дворов, под дождь и снег глубокой осени. Люди металась, бегали в разные стороны как полевые мыши, у которых гнезда только что разрушил плуг во время пахоты. Многие из «кулаков» оставляли свои семьи и спасали свою жизнь бегством в лес, хотя и там не было им спасения, их там ожидала голодная смерть.

Однажды Бекоев поехал в лес за дровами. Когда он стал укладывать в арбу собранные дрова, в этот момент подошли к нему его же односельчане «кулаки», бежавшие сюда, и попросили у него хлеба. Бекоев недолго думал, отдал им весь хлеб, имеющийся при нем, и стал беседовать с ними. «Кулаки» обрисовали свою жизнь в лесу в самых мрачных красках. Добряк пережил тяжелые минуты в беседе со своими односельчанами и отнесся к ним с искренним сочувствием. По возвращении домой в селение сердобольный Бекоев поделился со своими соседями о жалком, тяжелом положении людей в лесу. Весть эта быстро дошла до местной власти, Бекоев был вызван в сельсовет – как раз в момент прибытия туда районного уполномоченного ГПУ. При допросе он чистосердечно рассказал все, что произошло в лесу, и как он отдал хлеб. Добряк и шутник ничего преступного не находил в своем поступке, но был арестован тут же, а через несколько дней отправлен в город и водворен в подвалы ГПУ. Сидел он там месяца два, а потом был расстрелян как соучастник лесных «бандитов-кулаков», снабжавший их продуктами питания. Позднее были слухи, что шутник Бекоев в подвалах ГПУ слегка лишился разума в поисках преступления в своем поступке, так и не поняв до конца своих дней причину, навлекшую на него такое несчастье.

Дзахот

Житель того же селения Даргкох некто Дзахот Доев, 48 лет, будучи молодым человеком, после окончания русско-японской войны в 1906 году выехал через Дальний Восток в Северо-Американские Соединенные Штаты. Родителей своих и меньших братьев Доев оставил в Даргкохе в бедности. Он был совершенно неграмотный, не развитой сельчанин, зато был здоровый и трудоспособный молодой человек. В Америке пробыл он долго, работая на разных фабриках и заводах в качестве рабочего, и лишь в 1928 году вернулся в свое родное селение Даргкох уже пожилым человеком. За эти долгие двадцать два года своей непрерывной работы он сумел собрать на черный день несколько тысяч долларов и задумал ехать на родину.

Перед выездом из Америки, как обычно принято вообще для удобства, Доев перевел свои сбережения в Советскую Россию через Владикавказское отделение Госбанка на свое имя. Сам Доев, достигший территорию Советской России, подвергся тщательному обыску и всяким грубым действиям ОГПУ пограничной полосы. Лишившись многих ценных вещей, отобранных чекистами, Доев почти пустыми руками приехал в Даргкох.

Однажды сидя за своим письменным рабочим столом в учреждении во время занятий, ко мне подошел пожилой человек выше среднего роста с худощавым красным лицом. Его твердая осанка, высоко поднятая голова с русыми волосами и, главное, его странный, необычный для нас костюм сразу мне бросились в глаза. Он назвал меня по имени, а потом и свое имя. Я был поражен от неожиданности – это был Дзахот Доев, бывший мой односельчанин. Когда он уехал на Дальний Восток, я был еще мальчиком, ходил в школу, но хорошо помнил его, так как с одним из его меньших братьев я дружил. Доев мне рассказал многое из американской жизни, а потом перешел к истории своего выезда из Америки: как он перевел свои сбережения через Госбанк, затем как обыскивали его на границе Советской России и, наконец, как у него отобрали вещи.

– Насчет отобранных вещей я особенно не горюю, – говорил растерянно он, – но вот за мои трудовые деньги, на сбережение коих я потерял все свои молодые годы и остался старым холостяком, я беспокоюсь. Бедный Доев хорошо владел английским языком, но по-русски совершенно не говорил. Он стал меня просить

сходить с ним в Госбанк в качестве переводчика и вообще помочь ему посредством знакомых выяснить положение – как скоро он сможет получить свои деньги по переводу.

С этого дня я стал переводчиком и доверенным лицом моего бедного односельчанина Доева. Много раз мы ходили с ним в Госбанк в продолжение трех месяцев, каждый раз беседовали с директором Госбанка, который давал нам длинные замаскированные ответы. Очевидно, местное отделение Госбанка запросило своего Главного Управления в Москве о возможности выдачи на руки такой большой суммы денег или конфискации ее. Лично мне было ясно после первой беседы с директором Госбанка, что перевод будет конфискован, но Доеву об этом, конечно, не говорил.

Однажды мы опять пришли в Госбанк, человек, стоящий у дверей кабинета директора, доложил ему и пропустил нас. Только мы успели перешагнуть порог, как директор вскочил с места и приветствовал нас гораздо любезнее, чем обычно.

– Хорошо, что вы пришли кстати, – проговорил он, – вот и прекрасно, – и в это время между разговором достал со стола какую-то бумажку и протянул ее мне. Бумага эта оказалась заверенной копией постановления Президиума Областного Исполкома о конфискации перевода долларами из Северной Америки на имя гражданина селения Даргкох Дзахота Доева. Во время чтения этого оригинального документа Доев, вероятно, заметил изменение на моем лице и быстро испуганным голосом спросил меня:

– Ну как? Что-нибудь плохое? Насколько можно быть равнодушным в подобном случае, трудно сказать, но я был возмущен и сильно взволнован. Директор вручил нам эту копию постановления Президиума под расписку и мы ушли.

На улице Доев категорически потребовал от меня конкретного ответа относительно содержания этой бумажки. Не помню точно, какими словами я объяснял ему содержание бумажки, помню только, что мне было очень тяжело сказать ему истину. Мне было страшно больно смотреть на его изменившееся, испуганное лицо, глаза его расширились и налились кровью как от смертельного страха. Сам я тоже растерялся, но все же кое-как дал ему объяснения в общих чертах, вроде того, что Госбанк в данное время не располагает американскими долларами и поэтому придется с получением денег подождать. Для более убедительности, передавая ему копию постановления Президиума, я посоветовал ему сохранить ее. Несчастный Доев чутьем понял, что дурной исход его дела налицо, опустил голову и ушел. После, разумеется, ему читали много раз это постановление об официальной конфискации его долларов.

Иначе быть и не могло. Государство было занято раскулачиванием сельских крестьян. Как можно выдать из Госбанка на руки какому-то Доеву несколько тысяч ценнейших американских долларов в то время, когда шла жестокая конфискации в сельских местностях коров, телят, курей, гусей, яиц и прочее – это во-первых. Во-вторых, несколько тысяч американских долларов для Госбанка имели большое значение.

Бедный Дзахот Доев вселился в родной домик в Даргкохе, захворал с горя, начал чахнуть и вскоре умер в самой нищенской обстановке. Привыкший к свободной жизни в Америке, к уважению личности и собственности, он так и не понял, почему с ним так жестоко поступила «рабоче-крестьянская» власть.

Брат и сестра

В первые годы советской власти молодежь, освободившаяся «от родительской кабалы», как говорили советские агитаторы и пропагандисты на общих собраниях молодежи-комсомола. Когда старые обычаи и адаты, установленные веками, ослабли или начали исчезать из жизни, когда под сильной пропагандой власть умышленно ломала устои морали, нравственности, проповедовала безбожие и шло полное разложение в общественной и семейной жизни, когда зеленая молодежь почти целиком попала в объятие советской власти, под влиянием сильной агитации, громких выкриков и порою красивых лозунгов. В эти годы восторгов и широчайших обещаний в одном большом селении проживала вдова с сыном двадцати одного года и дочерью семнадцати лет. Брат и сестра состояли в комсомоле и считались кандидатами в коммунистическую партию. За последнее время брат и сестра по вечерам часто отсутствовали, бывали на собраниях, совещаниях и поздно приходили домой. Между братом и сестрой были какие-то странные отношения. Мать стала замечать эти странности между своими детьми, но каждый раз отгоняла от себя страшную, неестественную, грязную мысль. Однако пришло время, когда догадки матери начали превращаться в уверенность, она плакала, рыдала, рвала на себе волосы. Позор был налицо, мать, еще не старуха, но воспитанная по-старому, сильно страдала. Время шло, кошмарные дни и ночи тянулись бесконечно, она не решалась открыть свой позор никому, рассказать о своем необычайном горе.

Брат и сестра под влиянием среды на собраниях молодежи стали меньше стесняться и скрывать свою позорную связь, даже в присутствии своей родной матери.

Наконец, брат и сестра явились в сельсовет и обратились в отдел «Загс» с просьбой зарегистрировать их, т. е. узаконить их супружеские отношения и выдать им соответствующую справку. Заведующий Загса призадумался над этим странным браком. В его практике такого случая не было, чтобы брат женился на родной сестре. Он воздержался от оформления брака, отложив дело на некоторое время, пока запросит мнение вышестоящего своего начальства.

Брат и сестра ушли домой ни с чем, не достигнув своей цели, но решили не отступать от принятого решения. Слух об этом необычайном случае быстро, как по телеграфу, разнесся по громадному селению. Население возмущалось, старики качали головой, пожимали плечами, пожилые женщины и старухи страшно возмущались, однако открыто выступить никто не решался. Дело ведь касалось двух комсомольцев, будущих коммунистов, следовательно, нужно быть осторожным. Все зависело от власти, как она будет реагировать на это неслыханное дело. До глубины души расстроенная мать растерялась и бегала из стороны в сторону в своем дворе, не подавая, однако, виду перед своими детьми, что ей известна их тайна. Она проводила ночи без сна в поисках выхода с неимоверно страданием. Однажды утром она пошла к своей близкой подруге и открыла ей всю картину грязи между ее детьми и свои страдания. В тот же день, вернувшись домой, мать вынула из старого сундука наган покойного мужа, хранившийся там еще со времени гражданской войны, и ждала наступления ночи.

Как и следовало ожидать, поздно ночью мать застала своих детей в одной постели. Несколькими выстрелами она убила наповал обоих, а последней пулей покончила с собой.

Внутри ГПУ

Камера наша под № 10 отличалась от остальных камерей тем, что она имела окно, выходящее в небольшой квадратный, несколько удлиненный, сундукообразный двор ОГПУ. Двор этот был застроен со всех четырех сторон двух- и трехэтажными зданиями. Окно причиняло нам много горя и несчастья, так как благодаря ему мы являлись всегда невольными свидетелями всему тому, что происходило во дворе ОГПУ.

Большие железные ворота, обшитые высоко листовым железом и выкрашенные в черный цвет, выходили со двора ГПУ на улицу имени Ленина. Дом занимал угловое место в центре города Дзауджикау – столицы маленькой республики Северной Осетии, всего один квартал от главной улицы, и по наружному своему виду абсолютно ничем не отличался от других домов, рядом стоящих. Только часовые в форме войск ГПУ, непрерывно шагающие с винтовками с обеих сторон улиц, придают ему вид военного учреждения.

Со стороны улиц днем здесь тихо и мирно, никакого шума, ни громких голосов не слышно. Неосведомленный иностранец, какой бы он не был догадливый, не в состоянии понять значение этого дома и заключающейся в нем трагедии. В часы занятий в этом доме парадные двери открыты настежь, но движение небольшое. Каждый прохожий старается держаться подальше и глядеть в сторону окон этого дома. Изредка подходит к парадным дверям какой-нибудь мирный гражданин, вызванный по делу уполномоченным – следователем ОГПУ. С перепуганным лицом гражданин этот робко подходит к красноармейцу, стоящему у парадных дверей и показывает ему свою повестку. Красноармеец сейчас же звонит по телефону наверх к следователю и, получив у него разрешение, выдает гражданину пропуск с указанием номера комнаты, куда следует ему обратиться.

Все комнаты на всех этажах полны чекистами-следователями, машинистками, агентами всех рангов, фельдъегерской частью, рассыльными и прочими сотрудниками. Днем канцелярская работа в этом доме идет мирно, точно так же, как в обыкновенном советском хозяйственном учреждении. Разница только в самом характере и сути работы. Если в хозяйственном учреждении по книгам записывают приход и расход, скажем, цемент, известь, масло, кирпича, керосин, бензин и так далее, то здесь по книгам ОГПУ предметом прихода для записи служат живые люди, арестованные и сидящие тут же внизу в подвалах, подобно тому, как товар, сложенный на складе. Для записи же в расход служат трупы постоянно расстреливаемых заключенных здесь во дворе, а также люди, сосланные в концентрационные исправительно-трудовые лагеря.

Кроме того, местный отдел ГПУ имеет большую переписку с главным учреждением ГПУ в Москве, его отделениями в разных республиках и областях страны, с концентрационными исправительно-трудовыми лагерями и, наконец, со своими районными уполномоченными в сельских местностях. А внизу в этом доме

под этажами томятся месяцами в мрачных полутемных подвалах и ждут свою горькую участь сотни людей. Вся виновность подавляющего большинства этих людей заключается в том, что они, работая в советских учреждениях и колхозах, кормились советским хлебом, но ничем себя не проявили перед советской властью, т. е. не выступали на собраниях, митингах, не восхваляли власть и, в частности, ее «вождей». Относились равнодушно к причудам власти, уделяя все свое внимание главным образом служебной работе и частной своей жизни. Здесь власть рассуждает коротко и ясно – по девизу «кто не с нами, тот против нас».

Состав заключенных в подвалах ОГПУ многообразен и быстро меняется, текучесть здесь большая. Если дом ОГПУ днем молчалив и имеет скромный наивный вид, то поздно ночью в нем кипит работа – в этом он очень подобен хищному зверю. Он совершает свои дела только ночью, тщательно маскируя их от постороннего глаза, и боится людей точно так же, как хищный зверь. Городские граждане, неугодные власти, намечаются заранее, арестовываются исключительно по ночам и водворяются в подвалы ОГПУ одиночками. В районах же уполномоченные ОГПУ людей берут и днем и направляют их в город группами, малыми или большими, смотря по заданию самого ОГПУ, однако с таким расчетом, чтобы этап арестованных прибывал в город ночью, незаметно для населения города.

Дом это до большевиков принадлежал местному городскому жителю Воробьеву, который, кроме этого дома, имел еще небольшой лесопильный завод в самом городе. На вид Воробьев не был красивым и не похож на местного жителя, скорее он был калмыцкого происхождения, зато дети у него вышли исключительно стройные красавцы. Сын Воробьева двадцати пяти лет, бывший офицер Добровольческой белой армии, и дочь его, образованная девушка – красавица девятнадцати лет, были первыми расстрелянными в родном доме, в первые же дни вселения туда ОГПУ. Сам же Воробьев успел умереть своей смертью до расстрела детей.

Площадь нашей камеры равнялась примерно тридцати пяти или сорока квадратным метрам. Камера имела с внутренней стороны коридора дверь из толстых досок, обшитых листовым железом, с двумя громадными железными засовами и с такими же грубыми висячими замками. Посередине, на высоте человеческого роста на дверях было пробито круглое отверстие «волчок», которое открывалось или закрывалось со стороны коридора по желанию чекиста-дневального, непрерывно прохаживающего по длинному коридору подвала между камерами с целой связкой разнообразных ключей, висевших у него на широком кожаном поясе.

Подвальное наше помещение было настолько глубоко, что злополучное окно выступало только верхней своей частью, примерно на четверть метра, на поверхность ровного асфальтного двора. Внутри, на всю длину камеры, под окном тянулись нары с невероятным количеством клопов, тараканов, прусаков и других разных насекомых. С левой стороны от входных дверей на самом углу стояла на полу наша позорная параша. Это была обыкновенная деревянная кадушка среднего размера, с железными обручами. В таких кадушках в крестьянском хозяйстве обычно солят капусту или огурцы. Она отравляла не только воздух в камере, но и всю нашу жизнь, густая вонь всегда стояла столбом в полумраке камеры, от которой не было никакого спасения. Задыхаясь в этом смраде, мы устраивали временами нечто вроде вентиляции, махая по воздуху полотенцами, рубашками или чем попало, но результаты получались ничтожные. Через четверть часа после такой работы воздух несколько очищался, но спустя еще четверть часа опять дышать было нечем. Далее, на другом углу камеры стояло ведро с питьевой водой, а над верхним косяком двери со стены неуклюже торчала двадцатипятисвечевая электрическая лампочка «Ильича», непрерывно горевшая и днем и ночью. Вот и вся наша «уютная» обстановка, куда занесла нас злая судьба.

Несмотря на то, что шла вторая половина ноября, в камере было невыносимо душно, поэтому все заключенные были голые, только в одних трусах или в подштанниках. В этой камере нас было тридцать три человека, иногда даже тридцать четыре, но меньше тридцати трех никогда. Очевидно, это число людей было нормой для нашей камеры, так как в тех случаях, когда из нас выбывало два-три человека, то в тот же день или не далее следующего дня вселяли в камеру новых людей в таком же числе.

Выводили нас на прогулку во двор по утрам один раз в сутки, всего на пять минут. Тогда же мы выносили нашу противную парашу во двор, опорожняли и обратно вносили ее с собою в камеру. За время нашего отсутствия дверь камеры бывала открыта, и сквозняк значительно очищал воздух, это давало нам облегчение на короткое время. Здесь были, главным образом, с Кавказа горцы сельчане и другие национальности, разные по возрасту, по образованию и по социальному положению. Однако среди нас не было ни одного бывшего аристократа, фабриканта, генерала или просто бывшего богача. Этот класс был давно ликвидирован, т. е. уничтожен со всеми корнями и ветками. Все мы, заключенные здесь, являлись так называемые пролетарские «контрреволюционеры» или «враги народа».

Вся наша трагедия, все наше несчастье заключались, главным образом, в том, что мы находились в

полной неизвестности. Ни один из нас не знал решительно ничего – ни причину своего ареста, ни о ходе своего дела с момента ареста. Общеизвестно, что в ГПУ открытого судебного разбирательства не существует. Следовательно, заключенный лишен даже права и возможности выслушать свой обвинительный акт гласного суда. Общеизвестно также, что вместо открытого суда ГПУ имеет в каждом его отделении так называемая «тройка», во главе с начальником отделения. Эта «тройка» ОГПУ представляет из себя безграничную силу, ее приговора жестоки и беспощадны. Она имеет большие права над «свободными» гражданами, предоставленные ей центром советского государства. «Тройка» эта, часто состоящая из молодых садистов, коим запах человеческой крови приятнее, чем самые лучшие духи, правомочны выносить любой приговор, любому заключенному, заочно на своих тайных, никому неведомых заседаниях. Находясь в таком положении, нам не было известно в каком состоянии наши дела, осужден ли кто из нас или дела наши лежат без движения. Если же кто-либо из нас осужден «тройкой», то какой вид или характер будет иметь его наказание, расстрел или ссылка в лагеря. Поэтому, естественно, каждый раз во время расстрелов эта неизвестность наводила на обитателей нашей камеры неопишущий ужас. Особо острый момент наступал тогда, когда чекист с дневальным подходил к нашим дверям и последний перебирал свою связку в поисках ключей к нашим громадным замкам. Кровь остывала, сознание немело, мысли путались, а в глазах становилось темно, ибо каждому из нас казалось, что идут именно за ним.

Позднее, когда многие «счастливыцы» из нас, оставшиеся в живых, сосланы были в концентрационные исправительно-трудовые лагеря, стало известно от заключенных, сосланных туда со всех концов Советской России, что в разных городах и республиках страны ГПУ имел на этот предмет разные порядки. В Москве и в Ростове-на-Дону, например, существовали особые камеры специально для осужденных к смертной казни, так называемые «камеры смертников». Мы же были лишены даже и этого «удовольствия», очевидно, для того, чтобы держать нас постоянно под страхом неизвестности.

В первые годы большевистской революции, когда был всеобщий переполох и полнейшая неразбериха, когда производились массовые расстрелы не только по приговорам «тройки», но даже по капризу отдельного начальствующего чекиста, тогда «особый отдел» и «чека» (предшественники ГПУ) применяли простой способ расстрелов. Поздно ночью, когда город погружался в глубокий сон, группу арестованных людей в несколько десятков человек под сильным конвоем красновардейцев отправляли за город, на заранее заготовленную общую могилу и там же на месте их расстреливали. Однако через некоторое время оказалось, что такой способ непрактичен. Во-первых, потому, что родные арестантов, жены, дети, матери и отцы, предугадывая беду, часто по ночам сторожили на той улице, где всегда проходил конвой на расстрел. Узнав среди арестантов своего родного, уже обреченного на смерть, эти родные устраивали нежелательные «дикие» сцены и немало трудов и хлопот стоило начальнику конвоя водворить нарушенный порядок. На виду многих граждан, уже успевших выбежать со своих постелей на улицу, напуганные истерическими криками и шумом. Во-вторых, потому, что «неспокойные», мужественные горцы, дух свободы у коих еще тогда не был сломлен, хорошо вооруженные, нападали на конвой за городом на открытом месте и часто удавалось им отбить своих родных из рук чекистов.

Несколько позднее, когда «особый отдел» был ликвидирован, а «чека» переименована на ГПУ, последний изменил свою тактику. ГПУ выводил на расстрел также группами за город, но уже в разные стороны, даже одновременно небольшие две-три группы людей и тем самым вводил в заблуждение родных арестантов и нападающих на конвой горцев.

Теперь, в наши дни, по истечении много лет с начала революции, порядок расстрелов принял совершенно другой вид, он имеет, так сказать, стационарный характер, т. е. убийство происходит на месте, во дворе самого ГПУ. За долгие годы «тяжелой работы» ГПУ приобрел необычайно богатую практику и опыт в искусстве расстрелов и значительно уточнил свою систему, применяя с исключительным коварством, применяя обман, ложь, предательство, хитрость и разные безжалостные дьявольские уловки как для производства арестов, так и для расстрела.

Обыкновенно расстрелы в ОГПУ бывают группами, одиночные расстрелы редки, только в исключительных случаях. С хозяйственной точки зрения такой подход к этому вопросу, весьма правильно, целесообразно и экономно. Отдел ГПУ так же, как всякое другое советское учреждение, существует на хозрасчете, что означает: нужно экономить «народные» средства.

Как и всякая работа или дело, убийство также требует трату времени, применение физической силы и расход средств, в данном случае казенных. Заводить громодской (громоздкий ? – ред.) аппарат чекистов-убийц для того, чтобы расстрелять одного или двух человек, с соблюдением тайны, по строго установленной системе, совершенно невыгодно. Это равносильно тому – вынуть шашку из ножны, чтобы отрубить голову

воробью. Целесообразность такого подхода к вопросу групповых расстрелов подтверждается еще тем, что устраняется возня с одним или двумя трупами, т. е. столько же, сколько требуется для десяти или пятнадцати человек. В полночь с охраной нужно их вывозить загород с окровавленным песком и там их зарывать, опять с соблюдением тайны. Оставлять же трупов в подвале до следующего расстрела невозможно, так как они начнут разлагаться. Исходя из этих соображений, администрация ГПУ, по-видимому, думает: лучше уж пусть эти один или два человека проживут в подвале еще несколько дней до следующего расстрела, тем более расход на них совсем ничтожный. На каждого заключенного выдавали в сутки: хлеба черного 400 граммов, что составляет по ценам старого времени 3 копейки; кипяченая горячая вода утром и вечером по полтора стакана, всего три стакана = 2 копейки; и на обед всегда одна и та же пшенная похлебка, т. е. тот же самый кипяток, на дне которого плавали пшеничные зерна, без всяких жировых веществ, тоже в количестве двух стаканов = 3 копейки; и, наконец, сахар определялся на глаз, скажем, на 2 копейки. Итого стоимость питания одного заключенного равнялась 10 копейкам в сутки. Если двух человек, подлежащих к расстрелу, продержать живыми в камере даже пять дней, и то расход на них выразится всего на один рубль, тогда как особое вознаграждение аппарата убийц за расстрелы стоит во много раз больше.

Дневальный, который постоянно ходит по коридору со своими ключами, не вооружен и в убийстве прямого участия не принимает. Он исполняет обязанности сторожа и кладовщика живого товара или как бы скотского двора. По словесному приказу коменданта, через чекиста спеца-выводителя, он открывает двери указанной ему камеры. Затем, после того, как выведен заключенный, он обратно закрывает двери. Кого вывели, зачем вывели и куда, вернется ли он обратно или нет, это его не касается. Таким образом, дневального в состав убийц не вводим, перечислим ниже непосредственных и косвенных участников расстрела, скажем группы заключенных в 10-15 человек, как обычно было принято.

1) Комендант ОГПУ, ответственный руководитель всей операции и автор плана расстрела.

2) Чекист выводитель-спец, в обязанности коего входит выводить заключенных из камерей по одному в комендантскую комнату под разными предложениями.

3) Чекист «немой телефон», его обязанность – стоять у раскрытых дверей комендантской, недалеко от входа в нее со двора, с таким расчетом, чтобы ему были видны и комендант, сидящий внутри за своим столом, и спец-выводитель, стоящий у самого спуска в подвал к заключенным. В нужный момент комендант, не вставая с места, давал «немому телефону» условленный немой знак, и он в ту же секунду кивал головой спецу-выводителю, который в ту минуту спускается вниз к камерам.

4) Четыре или не менее трех чекистов, из коих один набрасывает на голову заключенного петлю и душит его, а двое скручивают ему руки.

5) Два чекиста внизу в глухом подвале, в обязанность коих входит самый расстрел.

6) Один или два чекиста у кузнечной наковальни, в обязанность коих входит громко бить молотами по наковальне и тем самым создавать побольше звуку для того, чтобы заглушать шум, топот ног людей во дворе во время борьбы с заключенным, а также звук выстрела в подвале.

7) Четыре красноармейца из частей войск ГПУ, в обязанности коих входит стоять с винтовками по углам двора ОГПУ и в случае надобности принять активные действия против заключенных, по приказу коменданта.

8) Один или два пароконных фургона военного образца, смотря какое число людей будет расстреляно. На этих подводах поздно ночью вывозятся трупы загород к готовой общей могиле.

9) Один или два кучера к этим фургонам.

10) От двух до пяти вооруженных конвоиров для сопровождения трупов до могилы.

11) Один из следователей ОГПУ, который ведал делами расстрелянных, и врач, фиксирующие своим письменным актом факт исполнения приговора «тройки».

Из приведенных данных видно, что для расстрела группы заключенных, даже небольшой, скажем, восемь или десять человек, нужен аппарат не менее шестнадцати-двадцати человек чекистов и один пароконный фургон. Все сотрудники ГПУ, принимающие участие в расстреле, получают особую плату за сверхурочную работу.

Администрация отдела ГПУ обязывает также своих молодых сотрудников-комсомольцев, прикомандированных сюда обкомом ВКП(б), присутствовать при расстрелах, что еще больше увеличивает число убийц. Этим начинающим сотрудникам-комсомольцам администрация ОГПУ, с ведома компартии, предоставляет право принимать участие в расстрелах по их собственному желанию и выбору роли. Расчет власти здесь вполне ясен и особых объяснений не требует. Робкий комсомолец, еще мальчик 16-18 лет, польщен такой

ролью, воображая из себя героя, он с гордостью выступает в качестве любителя-убийцы и пачкает руки невинной человеческой кровью один-два раза, а потом уже легко пойдет дальше. Так идет подготовка и обучение будущих чекистов-убийц молодых – комсомольцев, кандидатов в коммунистическую партию.

Положение чекистов, принимающих участие в расстрелах и, в частности, коменданта – руководителя операции, далеко не легкое. Во-первых, чрезвычайно важно соблюдение тайны убийства. Все действия должны быть произведены бесшумно и незаметно как от внешнего мира, т. е. с обеих сторон двух улиц, так и от самих заключенных, которые зорко следят, точно пойманный зверь из клетки, с величайшим напряжением за всяким движением. Поэтому расстрел всегда производится молча, без единого слова, что придает обстановке еще больше мрачный и таинственный характер.

Подвалы ОГПУ знают немало случаев крайне нежелательных для власти кровавых выходов со стороны «озверевших» заключенных. В первые годы революции, когда дух народа еще не был сломлен, из подвалов ГПУ во время расстрела были вылазки заключенных, которые, хотя и подавлялись с зверской жестокостью, однако и заключенным тоже удавалось нанести урон чекистам. Поэтому комендант теперь каждый раз перед началом расстрела обязан составлять план действий и привести его в исполнение точно, без особых инцидентов, а за промах или ошибку отвечает своей головой. Главное место в этом плане занимает хитро-мудрая уловка, т. е. выдумать такой предлог, под прикрытием чего можно было выводить заключенных из камерей по одному, не возбуждая подозрение не только у выводимого на расстрел, но и у других его товарищей в камере. Уловки и предлогов здесь выдумывают бесчисленное количество. Например, вдруг раздался топот быстро идущих ног по коридору, и также быстро открывается дверь камеры. На пороге показывается чекист с сильно озабоченным лицом и нетерпеливо, будто он занят другим делом, но его прислали сюда быстренько случайно, за неимением другого лица, кричит в камеру: Иван Петрович Иванов здесь? Иванов соскакивает с места как сумасшедший. Он смотрит в упор чекисту в глаза как безумный и еле выговаривает: я здесь. – Одевайся, чего ты перепугался, мать сильно больна и отец твой хочет повидаться с тобой. Вон он срочно выпросил свидание с тобой и ждет тебя в комендантской. – Таким способом Иванов выведен из камеры без особого подозрения и доведен до комендантской, где он, конечно, узнает истину. Такой предлог годен одновременно для всех камерей, так как общение между ними не было совершенно. Уловки в бесконечном виде легко составлять именно в ОГПУ, где имеются всевозможные сведения относительно заключенных, начиная с их бабушек-дедушек и кончая их детьми, родственниками, друзьями и знакомыми. ОГПУ всеведущ, он знает все в своем районе, знает где, когда и у кого была пирушка, что там ели, пили, и какие там были разговоры. Однако самой старой, самой коварной из всех видов уловок ГПУ, дошедших до наших дней, имеющей успех также и теперь, является уловка, когда спец-выводитель объявляет в камере заключенному в самом радушном настроении о выпуске его на свободу. Ниже приводится постоянный порядок или систему расстрела, существующие в ОГПУ.

Итак, заключенного, скажем, X вывел из камеры чекист спец-выводитель под каким-нибудь предлогом, более или менее вероятным, скажем, под видом освобождения. Вот они идут – закл[юченный] впереди, а чекист за ним – по коридору в сторону выхода, поднимаются по ступенькам и очутились наверху во дворе. Заключенный сильно напуган, быстрым взглядом осматривает на ходу весь двор, где царит абсолютная тишина, асфальт чисто вымыт и местами блестит от сильного электрического освещения. Кругом двор застроен – с улиц трехэтажными, а внутри двухэтажными зданиями. В этих зданиях абсолютный мрак, нет ни одной живой души. Но по улицам города еще жизнь идет, слышны автомобильные гудки, стук колес электр[ического] трамвая из главной улицы города и прочий шум движения. В дворе по углам стоят красноармейцы с винтовками, а один человек в штатском у входе в комендантской – это немой-телефон.

Несчастный, хотя и напуган сильно, но в то же время верит, что его выпускают на волю. Обычно, когда заключенного освобождают, что случается очень редко, то его также прежде всего отводят в комендантскую, где он должен подписать документ своего освобождения, копия же этого документа вручается ему и служит для него оправдательным документом по месту его жительства. Заключенному X кажется освобождение вполне вероятным тем более, что он, по его мнению, никакого преступления не совершил, не убил, не ограбил никого, не выступал никогда против власти. Что же касается его мыслей или политических его убеждений, несогласие в душе с существующим строем и порядками власти, то он их не принимает в расчет, так как считает свой взгляд на эти вещи правильным. Тогда как вина его заключается именно в этом. Обстановка таинственная, зловещая тишина во дворе производят на заключенного X угнетающее впечатление. В душе его происходит великое колебание, мысли бегают из одной крайности в другую. Мутнеет его несчастная голова то от дикой радости близкой свободы, то от кошмарного страха близкой насильственной смерти. Все эти мысли пролетают в несчастной голове X с быстротой молнии, в короткий промежуток времени по пути в

комендантскую, а она совсем близка, всего каких-нибудь в пятнадцати-двадцати шагах. Комендантская представляет из себя небольшое канцелярское помещение. За большим солидным письменным столом, накрытым красным сукном, сидит с красными глазами, налитыми кровью, всеильный страшный комендант. Он нагнулся низко к столу и составляет на бланке ОГПУ «документ освобождения» для заключенного Х, которого ведет к нему спец-выводитель. Комендант принял самую естественную позу, у него самый мирный вид, и старается придать дьявольским чертам своего лица хоть сколько-нибудь похожее на человеческий облик, а на чрезмерно красной, толстой шее его сложились крупные складки.

В это время в дверях появляется заключенный Х. Спец-выводитель подводит несчастного к столу коменданта вплотную. Заключенный Х робко подходит неуверенными, мелкими шагами, не знает куда девать руки и как вести себя, точно провинившийся ребенок перед суровым строгим отцом. Не поднимая голову и продолжая дописывать «документ», комендант начинает весело заговаривать с заключенным о его невинности и предстоящем выпуске его на свободу и этим коротким разговором отвлекает его внимание. У несчастного сразу в голове получается переворот, лицо его вмиг меняется, он сияет и дрожь сказочной радости проходит по всем его жилам.

Коварный комендант этого момента и ждет, он сейчас же подвигает к нему уже законченный «документ освобождения» для подписи, но голову свою не поднимает. Заключенный с радостью берет ручку из рук коменданта и наклоняется к столу с намерением подписать «документ». В этот момент комендант выправляется и высоко поднимает свою голову, что служит условным сигналом дальнейших действий.

За спиной заключенного Х в двух шагах в стене сделана потайная дверь, а за ней маленькая боковая комната, строго секретная. На этих дверях имеется маленькое отверстие, откуда смотрит с напряжением тигра чекист на фигуру коменданта, сидящего за своим столом как раз напротив. За спиной этого чекиста в секретной комнате стоят еще три-четыре чекиста, также в напряженном ожидании к нападению. Все они подобраны рослые и физически сильные. Как только выпрямился комендант и высоко поднял голову, тайная дверь бесшумно открывается и чекисты осторожно выходят из своей засады. В это время заключенный возится с документом, комендант отвлекает его внимание под разными предлогами и указаниями. Радостно настроенный заключенный Х, заранее предвкушая свободу, ничего подозрительного не замечает. В этот момент за его спиной один из чекистов с быстротой молнии набрасывает на его шею через голову петлю и всей своей силой сдавливает ему горло, сильно натягивая конец петли к себе. Петля эта, длиною около метра в развернутом виде, сделана из английского шпагата не толстой, но очень прочной. Она смазана каким-то скользким жировым веществом, очень напоминающим жидкое зеленое мыло, и только конец шпагата, находящийся в руках чекиста, не смазан и остается сухим, не скользким. Одновременно остальные два-три чекиста сразу же хватают заключенного Х за руки и скручивают их до страшной боли. В первую секунду несчастный пытается кричать, но звук из его горла больше не выходит, тогда он хватается за петлю руками, пытаясь освободить свое горло от невыносимого положения. Однако все его попытки и усилия совершенно бесполезны. Руки его уже скручены на спину с такой силой и жестокостью, что о сопротивлении со стороны заключенного Х и речи не может быть.

Страх смерти действует на людей разное, одни слабеют сразу, падают даже без чувств тут же, но есть натуры сильные духом и физически, которые не отдают себя без борьбы в руки чекистов. Иногда во время короткой борьбы, при случайном ослаблении петли, из горла несчастного вырывается короткий какой-то звук, но это уже не человеческий голос, а крик дикого зверя о своей гибели, которым бедный заключенный, быть может, хотел известить своих товарищей, оставленных в камере всего две-три минуты тому назад. Правую руку заключенного Х сильно тянет к себе чекист с левой стороны, а левую руку его другой чекист с правой стороны. Иногда четвертый чекист стоит тут же на всякий случай с наганом в руке. Короткая борьба происходит в самой комендантской, потом сейчас же задыхающегося заключенного ведут через двор в другое помещение в нижнем же этаже во флигеле двора. Вот тут то из окна камеры № 10 нам была видна борьба заключенного за свою жизнь и беспощадное насилие над ним чекистов. Несчастный делает отчаянные, страшные усилия освободиться, упирает ноги, бьет ими асфальт как сильно расстроенный капризный ребенок, выходит из сил, язык его высунулся в наружу, а глаза закатываются. Пытается кричать, но вместо крика из его задохшего горла получается неприятный звук, очень напоминающий звук, издающий животным, горло которого только что перерезал мясник. Ходьба недолгая, комната, куда его ведут, находится примерно в двадцати шагах, но за эту короткую дорогу несчастный не оставляет свою борьбу. Десятки раз меняет положение своей несчастной головы, то поднимая ее на один момент вверх, то опуская вниз, упасть ему не дают, они поддерживают его с боков, а чекист за спиной дает ему сильные толчки в заднюю часть коленой и ногой. В тех случаях, когда задыхающийся заключенный совершенно падает без сил, его толкают просто волоком

за собою до места назначения. Не всякий заключенный оказывает сопротивление. Было много случаев, когда заключенный не оказывал никакого сопротивления, шел с петлей на горле и со скрученными руками мелкой рысью в самый ад, а чекисты только успевали за ним.

Тем или иным способом заключенного X доставляют в то самое помещение, которое можно назвать раздевальной, где несчастный заключенный X видит Божий свет последний раз. Здесь снимают с него всю одежду верхнюю, нижнюю, ибо каждая тряпка представляет из себя ценность. А тут иногда попадаются приличные сапоги, не рваные брюки, пиджак и белье. Эти вещи потом поступают на так называемый «вольный рынок», а попросту на толкучку, где они продаются чекистами через подставных людей. Очевидно, доход от продажи вещей несчастных расстрелянных людей власть заранее подарила чекистам-убийцам за их особые труды и успешную работу в виде трофеев. Вот почему каждый раз перед выводом на расстрел заключенному приказывают выходить из камеры обязательно с вещами и одетым, как будто домой, на свободу. Хотя вещи заключенного, кроме того, что на нем имеется, ничего не стоят, например, старая циновка, войлок или старое изношенное одеяло. Однако ни одна ниточка, оставшаяся в камере от уведенного на расстрел заключенного, не могла уйти из поля наблюдения чекистов.

Раздевальная была расположена в нижнем этаже во флигеле и дверьми выходила как раз против нашего окна на противоположном конце двора. Она была обыкновенная квадратная комната. Отсутствие окна и мебели придавали ей вид передней семейной квартиры. Только на полу, выкрашенном в темно-красный цвет, в самом центре комнаты была дверь, состоящая из двух половинок, в один цвет с полом. На первый взгляд, в этом, конечно, ничего нет ни страшного, ни ненормального, все как будто бы естественно. Комната выглядит как обычно, а дверь на полу в пустой комнате, можно подумать, ведет в хозяйственный погреб, где могут храниться разные продукты и напитки. Однако это далеко не соответствует действительности. Сия дверь не есть обыкновенный проход в продуктовый погреб, а направляет людей в самый кромешный ад.

Под нижним этажом флигеля был громадный, длинный и глубокий, глухой подвал, специально приспособленный отделом ГПУ для своих целей – вот куда вела эта дверь. Раздевальня днем иногда была открыта, очевидно, случайно, и мы, во время нашей пятиминутной прогулки в дворе по утрам, неоднократно тайком заглядывали в нее. Каждый раз нервная, острая холодная дрожь проходила по всему телу при виде этой странной двери, ведущая в зловещий подвал. За время своего существования эта дверь пропустила на тот свет не одну тысячу молодых и старых здравомыслящих людей. Это не дверь, а пасть чудовищной гигантской ненасытной акулы, куда за прошедшие революционные годы ушли безвозвратно лучшие люди всех слоев целой области, почетные старики горского населения и казачества, лучшая часть городской интеллигенции, профессора, доктора, юристы, педагоги, лучшая часть хлеборобов и рабочих, все офицерство царского времени и гражданской войны и весь цвет несравненной молодежи времен 1914-1917 гг., участвовавший в войне с Германией.

Итак, в раздевальной с полузадохшего заключенного сняли всю одежду и совершенно голым бросают его вглубь подвала через эту дверь. Несчастный, в сознании или без сознания, летит вниз десять метров в самый ад и падает на толстый слой речного теречного песка. Там песок насыпан не для того, конечно, чтобы легче было падать полумертвому заключенному, а для того, чтобы этот песок всасывал его кровь. Как только упал голый человек на песок, к нему подходят быстро шагом два-три чекиста, тут же ожидающие, переворачивают его лицом вниз и сейчас же один из них стреляет в упор наганом ему в затылок. Расчет выстрела в затылок верен, он разбивает мозг и вызывает быструю и неминуемую смерть. Этим, собственно, кончается дело убийства. Вот это и есть нашумевший на весь мир советский расстрел.

Умиравшему телу дают лежать на песке некоторое время для того, чтобы стекла кровь, затем убирают его в сторону в определенное место. Кто он такой, только что застреленный человек и лежащий перед чекистами, разбойник, вор, мошенник или честный труженик земли, кормилец семьи, или профессор, доктор, чекистам до всего этого нет никакого дела, они знают, что работа есть обязанность, которую нужно выполнять аккуратно. Чекисты знают, что через несколько минут опять прилетит к ним сверху голый человек. Знают также сколько раз это должно повториться. Они не спешат, не нервничают, разговаривают между собой на посторонние темы, ничего общего не имеющие с их работой в данный момент и затягиваются лучшими папиросами в СССР, выдаваемые им из закрытого распределителя. Трупы собирают в одну кучу и только поздно, в эту же ночь вывозят их вместе с окровавленным песком загород, на приготовленные заранее общие могилы, где зарывают их.

Наверху же в это время идет подготовка для следующей жертвы. Чекисты «спец-выводитель» и «немой телефон» занимают свои места – один у входа комендантской, другой у самого спуска к камерам,

готовый в любую секунду спуститься вниз. В это время другие чекисты, сбросив заключенного в подвал, быстро выбегают из раздевальной. С сильно озабоченными лицами, спешат в секретную комнату и прячутся там. Тогда комендант, не вставая с места, дает условный немой знак стоящему в наруже «немому телефону», последний делает легкий кивок головой спецу-выводителю. Кивок этот есть приказ вывести из камерей следующего заключенного. Сп[ец]-выводитель в ту же минуту спускается к камерам и выводит новую жертву, опять под каким-нибудь благовидным предлогом, и процедура убийства повторяется точно так же.

Во время своей работы наверху чекисты сохраняют немое молчание и лишь внизу в глубоком подвале чекисты позволяют себе говорить сколько угодно. Красноармейцы стоят также молча, что они переживают и как они реагируют на это жестокое истребление людей, трудно сказать. Молчит также пулемет на втором этаже, над раздевальной, дуло которого направлено с окна второго этажа прямо к общему выходу из камерей во двор. Зато работают во дворе во всю свою мощь мнимые «кузнецы» и мотор старого грузовика, создавая шум и грохот на весь квартал. Хотя едва ли найдется во всем городе такой наивный дурак, который бы поверил, что во дворе всесильного ГПУ работают «кузнецы», да еще не днем, а поздно полночь. Тем не менее, это был факт – очевидно, наглость не имеет никаких границ.

Расстрел обычно кончался после полуночи, чекистам-убийцам давался короткий отдых, за это время они развлекались веселыми шутками и разговорами. Затем большие ворота открывались и во двор въезжал пароконный фургон или сразу два фургона, смотря по числу расстрелянных людей. Работа вновь возобновлялась чекистами, на этот раз чисто физическая и довольно тяжелая. Из глубокого подвала по длинным крутым лестницам вытаскивали трупы расстрелянных людей и окровавленный песок и быстро нагружали их на фургоны. После ухода фургонов с трупами во дворе начиналась чистка и уборка. Как не подметали асфальт двора, как не промывали его водой, все же на нем оставалось множество мелких кусков остывшей крови, выпавшие из трупов и песка во время переноски и погрузки. Местами на асфальте были маленькие углубления, где в воде остывшая кровь растворилась и ямочки оставались заполненными красной мутной жидкостью. Легко можно себе представить, каково было наше состояние утром, во время пятиминутной прогулки, ходить по этому двору, насколько тяжело было наступать ногами на пролитую кровь своих несчастных товарищей.

Тюремная жизнь известна, она тяжела, в ней нет ничего отрадного, но мрачные подвалы ГПУ не сравнимы ни с какой тюрьмой. Это место для людей, постоянно находящихся под угрозой насильственной смерти, без суда и следствий, загнанных сюда злым роком и забытых всеми. Кроме постоянного страха расстрела, всякого рода телесных пыток и оскорблений, здесь имеется еще совершенно ненужная жестокость, беспримерное грубое обращение чекистов и отвратительная похабная ругань, а также умышленно созданная тяжелая обстановка.

Вон, например, на углу камеры стоит параша для естественных нужд тридцати трех человек, которая выносятся для опорожнения один раз в двадцать четыре часа. Что можно выдумать более грубое, более унижительное нарушение нравов и достоинства взрослого человека. Будь вы архипрофессор, с громким именем в научном мире; будь вы глубокий старик с высоким духовным саном; будь вы почетный старик, отец и дедушка большой семьи, с традиционно-патриархальными взглядами или молодой изящный современный интеллигент с изысканными манерами – все равно, вы вынуждены иметь дело с парашей тут же в тесной камере, на виду у всех заключенных. Мы выдумывали разные способы выходить из этого крайне неприятного положения. Двое или трое становились рядом спиной к параше и таким образом заслоняли собой сзади своего товарища. Для набожного глубокого старика два молодых человека, всегда находящиеся при нем, устраивали целую ширму у параше. Один держал за конец одеяла, второй брал его с другого конца, высоко поднимая руки и в таком положении стояли спиной к параше, полностью заслоняя старика. Параша была одним из многих видов моральных пыток и оскорблений. Она являлась мерой не менее жестокой, чем другие виды телесных пыток, унижая наши нравственные чувства. Нормальному человеку, не испытывавшему подобные грубости, трудно представить себе наши страдания и переживания, повторяющиеся каждый день.

Само собой разумеется, что все жестокости и дикие нравы введены в подвалах ГПУ не случайно. По всему видно также, что чекисты, выполняющие позорную роль палачей в уничтожении своих же братьев, не являются создателями этих порядков. С очевидностью становится ясно, что в этих порядках существует закономерная система, строго и глубоко обдуманная, всесторонне взвешенная, исходящая из самого центра – Москвы. Ясно также, что эта система, применяемая с такой жестокостью ко всем, является средством для достижения намеченной цели. Весь секрет заключается именно в этой цели, она до смешного проста, ясна для нас и в то же время непонятна и служит загадкой для многих миллионов наивных, доверчивых людей во всем мире.

Арест

В Советской России власть арестовывает любого гражданина или целой группы граждан независимо от их служебного или общественного положения и расстреливает их, когда это ей выгодней точно так же, как хозяин-скотовод выделяет из своего стада отдельную скотину или целый гурт животных на продажу или на убой. В этом случае соображения обоих хозяев в смысле выгоды или убыточности совпадают полностью. Ни тот, ни другой не принимает в расчет желание гражданина или скотины, готовы ли они умереть или, если погибать, то имеют ли право, по крайней мере, знать – за что? Здесь, в подвалах ГПУ, вопрос «за что» стоит ребром в горле каждого заключенного, но задавать его чекистам бесполезно и опасно. Во-первых, чекисты такого вопроса никогда не поймут, так же, как не понял бы хозяин-скотовод, если бы животное могло задать ему этот вопрос перед убоем. Во-вторых, вопрос «за что» требует прямого ответа, он в какой-то мере задевает работу власти, становится как бы критикой ее системы. Следовательно, это слово само является контрреволюционным и потому опасным.

Параллельно с пятилетними строительными планами в Советской России составляются пятилетние же планы арестов людей, т. е. набора рабочей силы для выполнения намеченных работ этим планом на далеких окраинах страны. Эти работы требуют миллионы людей не только чернорабочих или специалистов с физическим трудом, как плотников, каменщиков, арматурщиков и тому подобных, но там нужны также инженеры строители, техники, химики, бухгалтера, врачи и даже агрономы, зоологи, экономисты и так далее. ГПУ является исполнителем роли наборщика рабочей силы по плану, путем арестов в многомиллионной необъятной стране по своему усмотрению. Правительство в данном случае является как бы заказчиком у ГПУ, оно требует точное выполнение плана, т. е. доставить к определенным местам строительства в срок намеченное планом число нужных людей требуемой квалификации. Кого арестовывает ГПУ, в какой республике или автономной области берет больше или меньше – это чисто его внутреннее дело, и правительство в эти дела не вмешивается. Чувствуя себя полным хозяином положения, каждый начальник отделения ГПУ со своими сотрудниками работает самостоятельно в своем районе. Попытки над заключенными, тяжелые условия для людей во время нахождения их в подвалах, а также расстрелы являются общей системой Правительства и никакой начальник отделения ГПУ отменить или изменить их не может. Эти суровые меры применяются к заключенным не потому, что они провинились и заслуживают наказание, а для того, чтобы напугать до смерти оставшихся в живых заключенных, которые после четырех- или шестимесячного пребывания в подвалах ГПУ с радостью принимают заочные приговоры «тройки» с наказанием от пяти до десяти лет принудительных работ в концентрационных исправительно-трудовых лагерях. Аресту подлежит во всех слоях стасемидесятимиллионного населения элемент, не сочувствующий власти и настроенный не по-советски. Для работы ГПУ в этой стране имеется неисчерпаемый человеческий материал на сотни лет, так как ярые сторонники советской власти сегодня становятся ее же ярким врагом завтра. Это наблюдается не только среди беспартийных граждан, но среди партийных больших и малых и даже среди сотрудников самого ГПУ, которых власть беспощадно расстреливает. Подобно тому, как наш комендант составляет план перед каждым групповым расстрелом, выдумывает разные хитрые уловки и предлоги для вывода заключенных из камер, начальник ОГПУ с ближайшими сотрудниками составляет план арестов в городах и районах с помощью всевозможных хитро составленных авантюр, создает фиктивные предательские документы и прочее. Стоит только гражданину попасть под арест, очутиться в подвалах ГПУ, как посыпется на него с разных сторон обвинительный материал от сторонников советской власти. Здесь, в подвалах ГПУ наивным простым людям, ставшим жертвой этих планов, не легко понять причину своего ареста. Не так легко также понять общую систему вообще даже читающему наблюдателю на воле, ибо нигде и никогда не пишется о существовании ни ГПУ, ни концентрационных исправительно-трудовых лагерей, ни ИПД или Домзаков. Как будто они не существуют. Каждый заключенный теряется в догадках, за что он арестован и какова степень его обвинения. Для арестов людей ГПУ вовсе не нуждается юридически обоснованным материалом, достаточно знать ему, что вы не симпатизируете советской власти, а причину или предлог для ареста любого гражданина всегда легко найдет, например:

1) Ваша бабушка по отцу была дворянского происхождения, с хорошим образованием. Она оказала влияние на всю вашу семью в области воспитания, что отразилось и на нынешнее поколение, в том числе и на вас. Может ли в этом случае заключенный угадать причину своего ареста?

2) Вы арестованы за то, что скрыли от ОГПУ полученное вами письмо из заграницы, тогда как оно прошло через секретный отдел ОГПУ и там читали его гораздо раньше вас.

3) Вы арестованы за то, что где-то, сидя за столом, произнесли тост с пожеланием присутствующим дожидаться лучших времен, хотя вы совершенно об этом забыли.

4) Вы арестованы за то, что ваши дедушка и отец были подрядчиками, коммерсантами, землевладельцами, чиновниками или кем-то другими, но не рабочими.

5) Вы арестованы за то, что, занимая более или менее видное положение по своей специальности на советской службе, никогда не выступали на собраниях месткома, совпрофа с восхвалением советской власти и ее «великих» вождей. Очевидно, исходя из девиза «кто не с нами, тот против нас».

6) Вы арестованы за то, что ваши родственники или друзья проживают за границей, хотя бы вы с ним не переписывались

7) Вы арестованы за то, что вас вызывал уполномоченный ОГПУ несколько раз секретно и предлагал вам в самой вежливой, в самой невинной форме давать ему нужные сведения относительно поведения служащих и рабочих учреждении или завода, там, где вы работаете и, главное, их отношение к советской власти, т. е. просто взять на себя обязанности мелкого предателя-шпиона, а вы отказались под разными благовидными предложениями.

8) Вы арестованы за то, что, выступая на собрании мимоходом, как-то невольно, задели неудачно новую тему, про только что появившегося мероприятия Правительства и вместо похвалы советской власти у вас вышло что-то другое, напоминающее критику.

9) Вы арестованы за то, что ваш отец или брат были офицерами старой армии или общественными деятелями, хотя они давно уже находятся на том свете.

10) Вы арестованы за то, что в веселом обществе, за рюмкой водки рассказали смешной анекдот, немного задевающий мероприятия советской власти.

11) Вы арестованы за то, что видный чекист ухаживал за вашей женой, за вашей сестрой или за вашей дочерью с явно дурными намерениями, а вы были против, упорно не хотели согласиться с этим.

12) Вы арестованы за то, что вы, сельский многосемейный житель, имели дом на том углу улицы, где по соображениям сельсовета это место очень подходило для его целей, но вы добровольно не согласились его уступить ему.

13) Вы арестованы за то, что у себя дома делились с женой впечатлениями по службе, а также вели разговор про советскую власть, высказывая свое мнение, впоследствии оказавшиеся контрреволюционными разговоры, т. е. агитацией против власти. Во время вашего разговора в этой же комнате сидела за уроками ваша дочь-комсомолка, которая давно искала случая выдвинуться среди своих товарок перед учителем-агентом ОГПУ и сейчас же донесла ему об этом.

14) Вы арестованы за то, что вы известный врач, серьезно относились к своему делу, особенное внимание уделяли неимущим, не щадили ни сил, ни средств, лечили их бесплатно и тем самым создали высокую популярность в обществе.

15) Вы арестованы за то, что вы один из тех писателей, за которым признан талант. До революции вы успели выпустить в свет несколько изданий своих трудов, но за советское время буквально ничего. Читатели ваши находились в ожидании, а власть усмотрела в этом преступление, взяла да и произвела обыск в вашей квартире. Обнаружены были много рукописей на исторические темы, народные сказания и другие, но ни единого слова про советской власти.

16) Вы арестованы за то, что оставшись после смерти родителей мальчиком, совершенно одиноким, вам улыбнулось «счастье» – вас взял к себе дальний родственник Гвардейский Генерал, который воспитал вас, дал вам хорошее образование и научил вас хорошим манерам.

17) Вы духовное лицо, в силу своих религиозных убеждений не сняли свою рясу, не обращая внимание на антирелигиозных выступлений власти в лице агитаторов воинственных безбожников, что послужило причиной искреннего уважения со стороны окружающего вас народа.

Десятки тысячи отделений ГПУ во всех городах и суботделений в сельских местностях огромной страны, с миллионами арестованных таких же людей, как и мы, находящиеся в мрачных подвалах, с дикими нравами и зверскими средневековыми пытками; бесчисленное количество Домзаков (домов заключенных), И.Т.Д. (исправительно-трудовых домов) и прочие места заключения; десятки концентрационные исправительно-трудовые лагеря на далеких окраинах страны, с миллионами заключенных, лучших отборных людей из всех слоев населения, находящиеся в тисках жестокой каторжной дисциплины и несущие непосильный принудительный труд, голодными в нечеловеческих условиях; сотни тысячи стариков, старух, детей и нетрудоспособных больных людей, насильно вывезенные из родных мест на вечное поселение в холодную Сибирь и на необитаемые места Северного края и Казахстана, явление необычайное и прозванное в народе «Россия на колесах». Все эти разнообразные виды наказания мне представляются в виде отдельных бешеных

потоков мутной воды, смешанной с человеческой кровью, сказочно гигантской бушующей реки, направленной волей злого рока на огромную страну для ее гибели, где коммунистическая партия с ее вождями, «великими» и малыми, являются лишь исполнителями этой воли. О чистых, святых чувствах вождей к народу в этой стране, о подлинном коммунизме или хотя бы относительной справедливости, а тем более о равенстве, братстве и свободе здесь и речи быть не может. Ибо святые чувства и чистые идеи могут исходить только от чистых людей, но не от убийц и садистов. Вожди ВКП(б) не могут дать народу того, чего не имеют сами, точно так же, как почва бесплодной пустыни не может дать здорового дерева, которое могло бы приносить хорошие плоды. Такая бедная и безводная почва может дать только бесполезную, никому не нужную голую колючку, точно так же, как советская система управлять государством дает колючие смертоносные законы.

Быть арестованным по политическим подозрениям в Советской России это значит вы свалились от неведомого рокового толчка с высокого крутого берега в эту гигантскую реку, бешеным темпом несущую в своих мутных кровавых потоках миллионы таких же несчастных людей, как и вы, свалившиеся с того же самого берега до вас. Даже в первый момент, находясь еще недалеко от берега, видя свою гибель, вы не кричите караул, не зовите на помощь, ибо это совершенно бесполезно. Народ у берега, наблюдающий за вашей борьбой с водной стихией, сам бессилен и ничем не может вам помочь. Он закован на месте и не может подойти к вам близко, у него связаны руки и не в состоянии бросить вам конец веревки для вашего спасения. Язык его привязан, он не может даже выразить вам свое сочувствие вслух, а также лишен возможности произнести протест и глубокое свое возмущение перед всеильными насильниками, против безжалостного и бессмысленного уничтожения ни в чем не повинных людей. Перед гибелью, когда водная стихия начнет всасывать вас в себя медленным движением вглубь реки к бешеным вонючим потокам, вы можете получить особую горечь в своей трагедии, увеличившая ваши страдания во много раз при виде выступивших из среди народа вперед к берегу отдельных людей-предателей, в лице председателя местного комитета по месту вашей службы, председателя домового комитета по месту вашего жительства, тайных агентов ГПУ, в числе их близких ваших знакомых и даже друзей, доносивших каждое ваше неосторожное слово властям, а также разных подхалимов в виде активистов и сочувствующих совласти. Эти люди будут кричать во все горло перед народом, называя вас «врагом народа», «бандитом», «контрреволюционером», «кулаком», «саботажником», «расхитителем государственного имущества» и тому подобными именами. Одновременно с этим они будут на вас кидать камнями и усиленно отталкивать вас баграми к быстрому потоку, чтобы вы никогда больше не пристали к родному берегу.

К такому сравнению я пришел тогда, когда испытал полностью всю чудовищную советскую систему уничтожения и закабаления народов России. Когда мне удалось побороть в себя глупую наивность простой доверчивой души, а глаза мои широко открылись и я видел всю низость существ[ующей] власти, я приобрел громадный опыт за долгие годы скитаний в заключении в разных лагерях в продолжении четырех лет. Когда во мне выковалось само по себе твердое и непоколебимое убеждение о сущности советской власти и ее «великих» вождей, несясь на гребнях бешеных потоков всепроницающей роковой гигантской реки, как ничтожная щепка, потеряв родной край, родной свой народ, друзей и знакомых, лишившись своего имущества и самых элементарных прав человека. Я потерял свое имя и превратился в вьючное животное, носящее на своей шее номер.

У восточных народов есть поверие будто когда-то Бог сказал своему пророку – Я смеюсь только в двух случаях: первое, когда я хочу возвысить человека, а люди пытаются сбросить его с вершины; второе, когда я хочу унижить человека, а люди пытаются поднять его наверх.

Я был арестован по установ[ленной] совет[ской] системе, точно так же, как были арестованы до меня миллионы людей, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, начиная от простого колхозника или рабочего до инженера, профессора или ученого. Накануне моего ареста никаких признаков я не замечал, ничто не предвещало о надвигающейся катастрофы на мою несчастную голову. До ареста я был служащий. Осенний день был самый обыкновенный, в учреждении работы у меня было много и я всегда оставался там долго по вечерам. В этот вечер я вернулся поздно, дома была обычная мирная картина семейной жизни, ребенок мой спал беззаботным сном в своей кроватке, а жена читала какой-то французский роман в переводе на русский язык в ожидании меня. После ужина я лег спать спокойно, не зная о том, что через несколько часов злая судьба перевернет всю мою жизнь вверх дном, и что жизн[енный] путь мой с этого момента изменит свой курс, направив меня к страшному крутому высокому берегу роковой гигантской реки. Мой домик был расположен по Интернац[иональной] улице под № 83, в нем было всего четыре комнаты. Две из них занимали квартиранты, а в остальных мы жили сами. Около двух часов ночи меня разбудил сильный звонок с улицы. Я встал с постели в недоумении, так как мы никого не ожидали, да еще в такой поздний час, в одном

белье я вышел и открыл дверь на улицу. При свете слабой электрической лампочки под дверями я видел молодого чекиста и за ним двух красноармейцев с винтовками. Даже вид этих представителей грозного ГПУ не испугал меня, настолько была велика моя наивная глупая уверенность в неприкосновенности своей личности без особой причины. Чекист оказался старшим агентом ГПУ, моим же знакомым. Не спрашивая разрешения, он бесцеремонно вошел в дом мимо меня, а за ним вошли и красноармейцы. Стоя в одном белье перед ним, чекист объявил мне официальным языком, что по приказу начальника местного отдела ГПУ он должен произвести обыск в моей квартире. Жена наскоро оделась и вышла к нам с испуганным лицом, а ребенок продолжал спать. Чекист сейчас же приступил к обыску, грубо переворачивая все в комнате. Нас с женой отвели в один угол и приказали не трогаться с места. Я был удивлен и несколько озадачен этим случаем, но в глубине души был спокоен, ибо не знал и не чувств[овал] за собою абсолютно никакого преступления. Я был уверен в том, что этот случай или простое недоразумение – ошибка, или ложный донос какого-либо недоброжелателя. Наблюдая за обыском безмолвно, я был совершенно спокоен за его исход, так как в квартире ничего не было, могущее служить материалом для обвинения или ареста. Я только обратил внимание, что чекисты интересовались бумагами, они рылись в книгах, в старых журналах, читали письма, случайно сохранившиеся. Из всего этого я заключил, что они ищут какую-то воображаемую мою переписку с кем-то. На этом основании я, как наивный, неопытный человек, обратился к чекисту честно и совершенно искренне: скажи мне, что ты ищешь, какая переписка тебя интересует; если у меня она имеется, то я тебе ее дам сейчас же. Чекист мне не ответил, не обратив никакого внимания на мое наивное, но честное предложение. Наконец, обыск был закончен, чекист резко повернулся в мою сторону и таким же резким голосом предложил мне одеться. Как! Мне одеваться? Значит, я арестован? – удивленно спросил я. Жена испугалась, начала ломать руки и заплакала. Хитрый чекист сейчас же спохватился и начал нас уверять, что это вовсе не арест, но якобы я нужен в ГПУ в качестве свидетеля по какому-то делу всего на десять минут. Только теперь во мне где-то в глубине возникло сомнение, я начал видеть, что дело обстоит гораздо серьезнее, чем я предполагал, но страха у себя не ощущал, как всякий наивный недалекий человек, я верил тогда еще в какую-то справедливость. Не попрощавшись ни [с] женой, ни со своим единственным ребенком, я вышел на улицу вместе с чекистами в надежде вернуться домой через полчаса или через час. Шел мелкий дождь, была грязь, через несколько шагов от моего дома я остановился с намерением вернуться за своими галошами, но чекист резким повелительным голосом запретил мне и приказал идти вперед, в это время два красноармейца, медленно отходя назад, взяли винтовки наперевес. В ту же минуту к ним присоединились еще два красноармейца, также вооруженные винтовками. Очевидно, они были поставлены здесь около дома за время пребывания других чекистов внутри. На этот раз сомнение мое увеличилось и, шагая впереди конвоиров, призадумался, очень уж было похоже, что я арестован, но где причина? – За что? На каком основании? Эти вопросы были для меня загадками долгое время, пока не открылись мои глаза. С перепутанными мыслями я шел всю дорогу под конвоем двух вооруженных красноармейцев по пустынным улицам сонного города. Старший агент ГПУ с двумя другими красноармейцами по дороге на одной боковой улице свернул направо, очевидно, за каким-нибудь несчастным как я.

По мере приближения к зданию ГПУ увеличивался мой страх, по улицам мы не встретили ни одной живой души, точно город был необитаем. Комендантская комната, куда меня ввели, сильно была освещена, за большим письменным столом сидел чекист крупного телосложения, упитанный, с красным лицом и налитыми кровью большими глазами. Это был сам грозный всесильный комендант ГПУ, кроме того, в комнате было еще пять человек других чекистов. Очевидно, в эту ночь было пред[наз]начено много арестов, агенты арестовывали людей на квартирах во время сна, красноармейцы приводили их сюда, а комендант и прочие чекисты принимали арестованных здесь на месте. Комендант поднял голову и строго в упор смотрел мне в лицо несколько секунд, дрожь пробежала по всему моему телу от его звериного взора, затем дал знак чекистам. Они в ту же секунду подошли ко мне, обыскали меня, забрали все содержимое моих карманов и грубо толкнули меня в сторону выходной двери во двор, потом повели дальше и спустились в подвал в длинный плохо освещенный коридор. Дневальный встретил нас с вопросом – в какую – десятую – ответил ему один из чекистов.

Он пошел вперед быстрыми шагами и второпях открыл камеру № 10, куда грубо толкнул меня в спину один из чекистов, проговорив – вот твое место. Перешагнув через порог камеры в полумрак, я еле удержался на ногах от второго толчка сильно захлопнувшей двери и чуть не упал на спящих голых людей у самого порога. На полу буквально не было свободного места, где можно было стать ногами. Стоя на пороге, в первый момент я терял равновесие, балансировал руками, затем облокотился об косяк и только тогда я имел возможность оглянуться. Еще в первую секунду я начал задыхаться от невыносимой удушливой вони, столбом

стоящей в камере. Голова моя закружилась, меня бросило в жар, потом сильно вспотел, я вынужден был сбросить всю одежду, опять балансируя и качаясь в разные стороны. Я сразу ослаб, ноги меня не выдерживали больше, странная тяжесть давила меня, и через минуту опустился на колени, касаясь ими голого живота крайнего сонного арестанта. Через некоторое время мне стало легче и я поднял свой взор.

Передо мною была удручающая картина, вся площадь камеры была занята густой массой голыми грязными человеческими телами, как селетки в бочке. Один ряд лежал на нарах вдоль камеры у противоположной стены, другой ряд был на полу в таком же порядке, с десятков лохматых голов выступало из-под нар третьего ряда, здесь же возле меня у самого порога и налево в сторону поганой параша лежало несколько человек вперемешку. Параша, издающая зловоние, стояла на расстоянии одного метра от меня, задыхаясь от непривычки, я возмущался этим грубым нарушением человеческих нравов. Некоторые из арестантов проснулись, одни взглянули на меня нехотя, косо, другие лишь одним глазом, не двигаясь с места и не меняя позу. Я только слышал, как один из них спросил у другого тихим голосом – кто это? – тот ему ответил – городской – и опять продолжали спать, но никто не заговорив со мною. Холодное равнодушие моих будущих товарищей по несчастью сильно увеличило мое огорчение, и в этот момент я почувствовал себя одиноким и несчастным, будто в дремучем лесу среди дикарей. Оскорбленный и униженный до глубины души своим бесцеремонным арестом без причины, с величайшим возмущением от горькой обиды, я просидел на корточках у порога до самого утра, часто меняя положение своего туловища, то нагинаясь вперед, то упираясь спиной на дверь или на косяк. Голова кружилась, но мысли работали усиленно, я много раз перебирал в памяти по косточкам всю свою жизнь в прошлом, особенно за советское время, вспоминал отдельные отрывки, отдельные моменты в надежде найти причину моего ареста. Я искал того, чего не было в моей жизни, и никак не мог его найти. Сотни раз возвращался к вопросу, где я мог совершить преступление, послужившее причиной моего заключения в этот ад, бесцеремонно и грубо. Разочарование мое было тяжелое и потрясающее, я стал всматриваться мыслями в жизнь глубже и неожиданно нашел разницу между глупой доброй доверчивостью и хитрым злым эгоизмом настолько выпукло и ясно, что это послужило началом болезни, а потом через длинные годы смерти моей тогдашней простодушной ограниченной глупой наивности. Сидя в таком положении, прошло много времени, прежде чем я очнулся, точно от кошмарного сна, свет раннего утра заглянул в подвал через небольшое окошко как раз напротив меня над нарами. Снаружи на нем была ржавая железная решетка, а внутри старая деревянная рама без стекол. Арестанты понемногу зашевелились, начали просыпаться от сна, и пошли разговоры. Темой их беседы было мое появление в камере, как новичка, они равнодушно рассматривали меня, пришедшего к ним с другого света, затем стали расспрашивать кто я, откуда, по какой причине попал к ним и какие новости вообще на белом свете. Через три-четыре дня, присмотревшись к ним ближе, я нашел среди них интересных и даже толковых людей. Учреждение, где я прослужил подряд семь лет до самого моего ареста, занимало угловое здание наискось от здания ГПУ на расстоянии около пятидесяти метров. Я знал еще тогда о существовании подвалов ГПУ, где сидят арестованные, знал также и о том, что там во дворе расстреливают людей, но кто именно сидит там, кого расстреливают – я не понимал и никогда мне не пришлось сосредоточить внимание над эти вопросом. Как некомпетентный в этих делах, я придерживался к общему мнению, что власть арестовывает людей, провинившихся перед ней в чем-либо более или менее реально, скажем, выступлением против власти словесно на каком-нибудь собрании, перед группой людей или с оружием в руках против отдельного представителя местной власти. Здесь же, в камере № 10 я столкнулся с людьми, главным образом сельчанами-кулаками с мозолистыми грубыми руками от постоянной работы, попавшие сюда за то, что имущество, приобретенное ими тяжелым трудом, считают своей собственностью, а не общим достоянием, но далеко не настроенные выступать против власти. Кроме них, в камере оказалось несколько человек городских интеллигентных людей, также труженики-служащие в советских учреждениях.

(Публикация будет продолжена)

Список сокращений:

АИИА – Архив Института истории и археологии PCO-A
ВИ – Вопросы истории
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МАК – Материалы по археологии Кавказа
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОРФ СОИГСИ – Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКАЭ ГИМ – Северокавказская археологическая экспедиция Государственного Исторического музея
СОГОМИАЛ – Североосетинский государственный объединенный музей истории, архитектуры и литературы
СЭ – Советская этнография

Сведения об авторах

Белецкий Денис Викторович – историк архитектуры и археолог (Москва).

Габоева Людмила Руслановна – директор Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ).

Мамиев Михаил Эрнестович – научный сотрудник Института истории и археологии PCO-A при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Салбиев Тамерлан Казбекович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии PCO-A при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Сланов Алан Акимович – канд. истор. наук, научный сотрудник Института истории и археологии PCO-A при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

Фидаров Рустем Фидарикович – старший научный сотрудник, начальник Змейского отряда Археологической экспедиции Института истории и археологии PCO-A при СОГУ им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ).

CONTENTS

M. E. Mamiyev, A. A. Slanov. The collection of the Ossetian tamghas

The publication deals with the problem of the spread and development of the Ossetian tamgha culture. The article puts into circulation and suggests an interpretation of the new collection of the tamghas carved on the two wooden doors, one found in Digor and another in Tagaur regions. The doors of this kind are widely spread in the Northern Caucasus. They are closely connected with the tradition of the hospitality and friends-making (kunatsh'estvo). While leaving the house of the friend (kunak) among the aristocracy it was considered an obligatory act of politeness to carve with the knife upon the door of the guestroom (kunatskaja) one's family sign. Since the mutual visits of this kind were common things, the doors of the guestrooms, as a rule, were all over covered with the tamghas.

Our belief is that the door from the Tagaur region can be dated not earlier than the XVIII c. The door from the Digor region is characterized by more archaic forms that testify in favour of its production not later than the middle of the XVIII c. The tamghas of the both collections published here are distinguished by their perfection and complicity that have no even remote matches in the codes of the Caucasian tamghas. This, no doubt, allows considering them as merely Ossetian family signs and assuming the specific development of the tamgha culture that did not disappear in Ossetia even after the degradation of the horse breeding after the XIV-XV cc. The tamghas of the other North Caucasian peoples played the role of the signs of the property and were used as a rule for branding of the horse and the cattle. In Ossetia a different tradition can be traced. It is evident that complex tamghas can not be used as brands because of the problems of their production. At the same time the tamghas in Ossetia were not only widely spread, but also demonstrated an evident tendency to become more complicated. Therefore one can suppose that the Ossetian tamgha culture was developing not towards the property-mark, but rather in the direction of the coat of arms.

R. F. Fidarov. The Allan Muslim graves of the XIII-XIV cc. from the Upper Dzhulat burial ground

The site of the Upper Dzhulat and the catacombs burial ground of Zmejskaja, that are closely connected with it, are two outstanding medieval monuments of Northern Ossetia that were first studied in the fifties-sixties of the XX c. The more recent study of the burial ground, renewed in the eighties changes the general appreciation of the monument. It also makes the understanding of certain developments that took place in this large urban centre after Alania's entrance into the state of the House of Dzhuchid more exact.

The article deals with the new materials of the Golden Horde time from the three burial grounds of stanitsa Zmejskaja and the site of the Upper Dzhulat. In 1990 three catacombs burials of the Golden Horde time were excavated in Zmejskaja burial ground. On the one hand, it allowed to move the upper time limit of the burial to the first half of the XIV c. On the other, it contradicts the common knowledge that the Mongol-Tatar invasion put an end to the Alan catacombs tradition.

The architecture of the catacombs under consideration sticks to the traditions of the Zmejskaja burial ground, while the burial procedure has its own peculiarities (the orientation of the dead, minimum inventory, etc.). These peculiarities can be accounted for by the influence that the world religions in general, and Islam in particular, had upon the Alans. It is a common knowledge that at the Golden Horde time both Christianity and Islam acquire in the town of Upper Dzhulat a firm standing.

In 1993 near these catacombs other three Muslim burials were investigated. One of them was conducted in the vault of the baked bricks – the plinth. The other two – in the pits with the shoulders and the overhead covers, made of the same bricks and the river stones. These burials together with those, studied here in 1957, are an evidence of the presence here of a graveyard that must be included into the range of the Muslim urban necropolises of the Golden Horde.

The Golden Horde time Zmejskaja Muslim graveyard is connected with the Upper Dzhulat where the monuments of Islam are well known for a long time. The detachment of the graveyard from the town and at the same time its contiguity with the catacombs necropolis, are a convincing evidence for the assumption that it belonged to the native inhabitants of the Upper Dzhulat who used to bury here their dead before. The group of the Alans from the Upper Dzhulat, who converted into Islam and used the Muslim burial ritual, still went on burrying their dead in the graveyard where their forefathers lay.

In 1984 two more burials conducted in the tombs (the vaults) of the well known Muslim graveyard of the Upper Dzhulat were studied. One of them is built of the bricks, another from the stone blocks. As a rule, the constructions of the bricks in the burials of the Golden Horde Muslim necropolises are treated as a sign of the high social standing of the buried. The burials under consideration do not make an exception. They bear reminiscent traces of the traditional ritual that can be explained by the dominating role of the Alan ethnic component in the Golden Horde Upper Dzhulat. These monuments are considered as landmarks in one of the directions of the evolution of the burial ritual of the Medieval Alans and reflect serious changes in their cultural conceptions of that time.

D. V. Beletskiy. The Avd zwar graffiti

The article gives the description of the wall plaster graffiti discovered by the author in the Late Medieval Avd zwar shrine-church of Galiat village (The Digor gorge of the Northern Ossetia). There is hardly any difficulty in discerning the meaning and the plot of the greater part of these wall drawings that are clearly related to the cults of the agricultural and solar nature widely spread in Ossetia. The connection of the some of the images described with the special reverence shown in this particular region (and Ossetia in general) for Nart Soslan and Wasilla is traced out. Thus, the central part of the spacious composition upon the sanctuary screen can probably be a detailed illustration of the famous epic saga of Soslan's death caused by the Wheel of Oynon. The goat depicted on the Northern wall of the monument is surprisingly consonant with the numerous descriptions of the local cult of Wasilla the Thunderer made by the scholars, in which the above-mentioned animal used to play quite an important role. Yet, some of the graffiti described (e.g. the so called "lattice squares") lack any convincing explanation. Part of the Galiat drawings may have been used as calculating or calendar marks in analogy with those found in the Transcaucasian region. The list of several graphic parallels from the monuments of Ossetia and Georgia is made. The time attribution of the Galiat drawings is quite broad and is lying within the boundaries of the XVIII – XIX cc.

T. K. Salbiyev. The designation of 'nine' in the Ossete language

The article deals with one of the peculiarities of the Ossetian numeric system manifesting itself in the presence of two stems for the number 'nine'. One of them is found in compound numerals nu-dʒs | nʒw-dʒs 'nineteen' and nʒwʒdz | nʒwʒdzʒ 'ninety', another in independent use farast 'nine'. According to V.I. Abaev the stem *nʒw- found in compounds is an Ossetian reflex of the Old Iranian stem. nava- 'new' (< I.-E. *en-newn). While in independent use Ossetian has developed a new form far-ast (Old Iranian *pʌra-apta) i.e. "after eight", "above eight". It consists of the prefix far- 'after', 'over' and a stem ast 'eight'.

A historical-comparative study allowed to discover the phenomenon and to reveal its two main features: regeneration and adaptability. Considered from the structural-semiotic point of view it reveals its systematic, motivated and universal character that provided its integration into the Ossetian traditional culture.

L. R. Gaboyeva. In search for the image (Iconography of Seca Gadiyev)

Till present day there was only one photograph known that bore a memorable imprint of Seca Gadiyaty, the founder of the Ossetian belles-lettres prose, a poet and a publicist. On September 22 of 1972 this photograph was handed to the funds of the Ossetian Literature Museum by G.P. Dzattiyaty. Seca is standing there in the second row, so that only left part of his face can be seen. This photograph used to be a starting point for all the artists who tried to reconstruct his image. The presence among the other people of the two priests, Kh. Tsomaeva and M. Kotsoeva, drove the author at the conclusion that the photograph could not be taken earlier than November 1921.

In June 2003 in the family archives of A.D. Sanakoev a new photograph of Seca was found, that can be dated by 18-th or 19-th of April 1913. At this well preserved photograph Seca is standing in the front stage, on the left part of his face a faded black ink inscription reads: "Seca". This proves to be the first full value photo portrait of the writer.

The Memoirs by Bimbolat Btemirov

B. A. Btemirov is an Ossetian man of letters who was in 1930 taken into custody. In 1934 he escaped from the camp and fled to Iran. Later he immigrated to the US and died in New York. His memoirs are the essays of the Soviet life of the 20-30th of the XX c. (To be continued)

К изданию принимаются ранее не опубликованные материалы. Предлагаемый к публикации текст должен быть снабжен краткой аннотацией на русском и, желательно, английском языках, русским и английским списком ключевых слов к статье, а также сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы/учебы, телефон, адрес электронной почты). Все материалы проходят внешнее рецензирование.

Требования к оформлению текста (подаваемого на дискете или CD-ROM диске в формате IBM с приложением распечатки в 2-х экз.):

1. Объем статей до 1,5 п. л. (60000 знаков), рецензий – до 0,5 п. л.
2. Используемый редактор – Word, шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал полуторный. Применяемые в тексте нестандартные шрифты должны быть приложены на дискете.
3. Ссылки на литературу внутритекстовые, в квадратных скобках, по образцу: [Абаев 1949: 45].
4. К статье прилагается список литературы в алфавитном порядке с библиографическим описанием и условным обозначением, используемым для ссылок, по образцу:
Абаев 1949 – Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
5. Смысловые примечания (пояснения и дополнения к основному тексту) должны быть постраничными. Нумерация сносок сплошная.
6. Иллюстративный материал принимается в оригинальном (не ксерокопии) или в электронном виде на дискете/CD-ROM диске (формат *.tif) с приложением распечатки. На обороте фотографии (рисунка) должны быть указаны: автор, название публикации, порядковый номер рисунка.

Адрес редакции: 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Ватутина / Церетели, корпус исторического факультета СОГУ, 2 этаж, Институт истории и археологии.